

ISSN 2413-8584

АЛТАЙСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЭКОНОМИКА ПРОФЕССИЯ БИЗНЕС

---

e-mail: epb@asu.ru сайт: <http://journal.asu.ru> 2023. № 3

ECONOMICS PROFESSION BUSINESS

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2023

Научный рецензируемый журнал. Издаётся с 2014 г. Выпускается 4 раза в год

Учредитель: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор: *В. В. Мищенко*, доктор экономических наук, профессор

Редакционный совет

И. С. Абдулаев, д-р экон. наук, проф. (г. Ургенч, Узбекистан);
В. И. Благоев, д-р наук, проф. (г. Варна, Болгария);
А. С. Новоселов, д-р экон. наук, проф. (г. Новосибирск);
П. А. Ореховский, д-р экон. наук, проф. (г. Москва);
И. В. Рощина, д-р экон. наук, проф. (г. Томск);
И. С. Санду, д-р экон. наук, проф. (г. Москва);
В. И. Суслов, д-р экон. наук, проф., чл.-корр. РАН (г. Новосибирск);
У. К. Шеденов, д-р экон. наук, проф., академик МАНН (г. Алматы, Казахстан);
Ш. Т. Юлдашев, д-р экон. наук, проф. (г. Ташкент, Узбекистан).

Редакционная коллегия

В. И. Беляев, д-р экон. наук, проф.;
С. Н. Бочаров, д-р экон. наук, проф.;
И. Н. Дубина, д-р экон. наук, проф.;
С. В. Лобова, д-р экон. наук, проф.;
С. И. Межов, д-р экон. наук, проф.;
А. Я. Троцковский, д-р соц. наук,
канд. экон. наук, проф.;
Е. Е. Шваков, д-р экон. наук, проф.

ISSN 2413-8584

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-77154 от 10 декабря 2019.

Подписной индекс в каталоге «Урал Пресс» — **BH018442**.

Журнал включен в перечень Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования и науки РФ.

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный в Интернете по адресу: <http://www.elibrary.ru> (Научная электронная библиотека).

Все права защищены. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Founder: Federal state budgetary educational institution of higher education “Altai State University”

Editor-in-Chief: *V. V. Mishchenko*, Prof.

Editorial Council

I. S. Abdulaev, Prof. (Urgench, Uzbekistan);
V. I. Blagoev, Prof. (Varna, Bulgaria);
A. S. Novoselov, Prof. (Novosibirsk);
P. A. Orekhovskiy, Prof. (Moscow);
I. V. Roshchina, Prof. (Tomsk);
I. S. Sandu, Prof. (Moscow);
V. I. Suslov, Prof., Corresponding member of RAS (Novosibirsk);
W. K. Shedenov, Prof. (Almaty, Kazakhstan);
Sh. T. Yldashev, Prof. (Tashkent, Uzbekistan).

Editorial Board

V. I. Belyaev, Prof.;
S. N. Bocharov, Prof.;
I. N. Dubina, Prof.;
S. V. Lobova, Prof.;
S. I. Mezhev, Prof.;
A. Ya. Trotskovskiy, Prof.;
E. E. Shvakov, Prof.

The journal is registered in the Federal Service for supervision of communications, information technology and mass media. The Certificate of Registration PI № FS 77-77154 issued on December 10, 2019.

The subscription index in the “Ural Press” catalog is BH018442.

The journal is included into the list of Periodical recommended for publishing doctoral research results by the higher attestation Commission of the RF Ministry of Science and Higher Education.

The articles published in the journal are included in the Russian Science Citation Index, available at the Internet address <http://www.elibrary.ru> (Scientific Electronic Library).

All rights reserved. Reference to the journal is required when using any part of the content.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ахундова А. Г.</i> ИССЛЕДОВАНИЕ ТИПОВ СОБЫТИЙНОГО ТУРИЗМА И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ.....	5
<i>Бабкина Л. Н., Скотаренко О. В., Царева С. В.</i> ФИНАНСИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ.....	12
<i>Беляев В. И., Мищенко В. В., Рудакова О. Ю.</i> МОЛОДЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ РОССИИ: СОЗДАНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ, РОЛЬ КОЛЛЕКТИВА И ЛИЧНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ ЛУЧШИХ УНИВЕРСИТЕТСКИХ ТРАДИЦИЙ И ПРАКТИК	20
<i>Гвоздева Е. А.</i> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВ КОНТРОЛЛИНГА.....	30
<i>Ильиных Ю. М., Козлова Ж. М.</i> АНАЛИЗ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ	35
<i>Кьлгыдай А. Ч., Балакина Г. Ф.</i> ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РЕСПУБЛИКЕ ТЫВА: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ	42
<i>Обиремко С. И., Лю Дзяньлу</i> НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ КИТАЙСКОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИКИ	49
<i>Платов А. В., Новичкова И. А., Хореева Н. К.</i> ДИДЖИТАЛИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО УЧЕТА В РАМКАХ КОНЦЕПЦИИ ПРОЦЕССНОГО УПРАВЛЕНИЯ	60
<i>Поподько Г. И.</i> ПРИОРИТЕТЫ ИНКЛЮЗИВНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ АНГАРО-ЕНИСЕЙСКОГО МАКРОРЕГИОНА	67
<i>Поползин Д. Ю.</i> ВЛИЯНИЕ КРАТКОСРОЧНЫХ И ДОЛГОСРОЧНЫХ ФАКТОРОВ НА РАЗВИТИЕ КЛЮЧЕВЫХ ОТРАСЛЕЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЫ АЛТАЙСКОГО КРАЯ	78
<i>Рудакова Т. А., Абрамов Н. М., Башмакова Н. Ю.</i> МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ	83
<i>Сенникова И. Л., Селина В. К.</i> ВОВЛЕЧЕНИЕ МОЛОДЕЖИ КАК СТРАТЕГИЧЕСКОГО РЕСУРСА ЭКОНОМИКИ ЗНАНИЙ В ИННОВАЦИОННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ОПЫТ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ	90
<i>Сурай Н. М., Таточенко И. М., Пономарева Н. В.</i> ИССЛЕДОВАНИЕ ДИНАМИКИ ОБОРОТА РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ И ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ Г. МОСКВЫ В УСЛОВИЯХ ТУРБУЛЕНТНОСТИ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ.....	96
<i>Трофимова Н. В.</i> ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ АКТИВНОСТЬ В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	104
<i>Троцкий А. Я., Родионова Л. В., Перекаренко Ю. А.</i> ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ И КООПЕРАЦИИ МАЛЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В САНКЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА	114
<i>Харитонова А. Д., Василенко М. Е.</i> К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ БУХГАЛТЕРСКОГО И НАЛОГОВОГО УЧЕТА ФИНАНСОВЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ ТОРГОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ.....	128
<i>Шевчук Н. А.</i> ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ДИНАМИКУ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ	135
НАШИ АВТОРЫ	144
ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ В НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «ЭКОНОМИКА ПРОФЕССИЯ БИЗНЕС»	146

CONTENTS

<i>Akhundova A. G.</i> RESEARCH ON TYPES OF EVENT TOURISM AND THEIR CLASSIFICATION	5
<i>Babkina L. N., Skotarenko O. V., Tsareva S. V.</i> FINANCING OF THE HEALTHCARE SYSTEM	12
<i>Belyaev V. I., Mishchenko V. V., Rudakova O. Yu.</i> YOUNG UNIVERSITIES OF RUSSIA: CREATION AND FORMATION, THE ROLE OF THE STAFF AND INDIVIDUAL IN THE FORMATION OF THE BEST UNIVERSITY TRADITIONS AND PRACTICES	20
<i>Gvozdeva E. A.</i> THEORETICAL ASPECTS OF DEVELOPMENT OF THE CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF CONTROLLING	30
<i>Ilinykh Y. M., Kozlova Z. M.</i> ANALYSIS OF POPULATION EMPLOYMENT IN ALTAI KRAI: PROBLEMS AND SOLUTIONS	35
<i>Kylgyday A. Ch., Balakina G. F.</i> FOREIGN ECONOMIC ACTIVITY IN THE TYVA REPUBLIC: NEW OPPORTUNITIES.....	42
<i>Obiremko S. I., Liu Jianlu</i> SOME FEATURES OF THE MODERN DEVELOPMENT OF THE CHINESE ECONOMIC MODEL.....	49
<i>Platov A. V., Novichkova I. A., Khoreeva N. K.</i> DIGITALIZATION OF MANAGEMENT ACCOUNTING WITHIN THE FRAMEWORK OF THE PROCESS MANAGEMENT CONCEPT	60
<i>Popodko G. I.</i> PRIORITIES OF INCLUSIVE DEVELOPMENT OF THE ANGARA-YENISEI MACROREGION	67
<i>Popolzin D. Yu.</i> THE INFLUENCE OF SHORT-TERM AND LONG-TERM FACTORS ON THE DEVELOPMENT OF KEY SECTORS OF THE SOCIO-ECONOMIC SPHERE OF THE ALTAI KRAI	78
<i>Rudakova T. A., Abramov N. M., Bashmakova N. Yu.</i> INTERNATIONAL COOPERATION IN THE CONDITIONS OF ECONOMIC SYSTEM TRANSFORMATION	83
<i>Sennikova I. L., V. K. Selina</i> INVOLVEMENT OF YOUNG PEOPLE AS A STRATEGIC RESOURCE OF THE KNOWLEDGE ECONOMY IN INNOVATIVE ACTIVITIES: THE EXPERIENCE OF THE KIROV REGION	90
<i>Suray N. M., Tatochenko I. M., Ponomareva N. V.</i> INVESTIGATION OF THE DYNAMICS OF RETAIL TRADE TURNOVER AND PUBLIC CATERING IN MOSCOW IN THE CONDITIONS OF TURBULENCE OF THE EXTERNAL ENVIRONMENT	96
<i>Trofimova N. V.</i> BUSINESS ACTIVITY IN THE REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION.....	104
<i>Trotskovsky A. Ya., L. V. Rodionova, Yu. A. Perekarenkova</i> FEATURES OF ADAPTATION AND COOPERATION OF SMALL ENTERPRISES OF THE ALTAI TERRITORY IN THE SANCTIONED ECONOMY: THE EXPERIENCE OF COMPARATIVE ANALYSIS	114
<i>Kharitonova A. D., Vasilenko M. E.</i> ON THE ISSUE OF IMPROVING ACCOUNTING AND TAX ACCOUNTING OF FINANCIAL RESULTS OF TRADE ORGANIZATIONS	128
<i>Shevchuk N. A.</i> THE INFLUENCE OF THE MIGRATION PROCESSES ON THE POPULATION DYNAMIC OF ALTAY REGION.....	135
OUR AUTHORS.....	144
ARTICLE SUBMISSION GUIDELINES FOR “ECONOMICS PROFESSION BUSINESS”.....	146

ИССЛЕДОВАНИЕ ТИПОВ СОБЫТИЙНОГО ТУРИЗМА И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ

А. Г. Ахундова

Бакинский государственный университет (Баку, Азербайджан)

Событийный туризм является одной из наиболее динамично развивающихся сфер в индустрии туризма, представляющий собой особую форму путешествий, в которой основным мотивом становятся участие или наблюдение за различными событиями или праздниками. Туристы выбирают определенные места и мероприятия, чтобы получить уникальный опыт, насладиться атмосферой события и вовлечься в его культурный контекст. Классификация типов событийного туризма является важным аспектом для понимания разнообразия этой формы туризма и разработки эффективных стратегий управления туристскими ресурсами. Она позволяет систематизировать и категоризировать различные события, а также определить их уникальные характеристики и влияние на туристскую индустрию и социокультурное окружение. В данной статье приведен обзор и классификация типов событийного туризма, исходя из нескольких факторов. В первую очередь, мы рассматривали классификацию на основе природы событий. Это позволило выделить различные категории, такие как фестивали (культурные, музыкальные, гастрономические, фестивали в киноиндустрии), спортивные соревнования и другое. Затем мы акцентировали внимание на преимуществах классификации событийного туризма, исследование которой помогает лучше понять предпочтения и интересы туристов, определить потенциал для привлечения и удовлетворения их потребностей, помогает туристическим организациям и государственным органам власти разрабатывать стратегии продвижения, планирования и организации событийного туризма. Это, в свою очередь, дает возможность создавать уникальные и запоминающиеся события, привлекать больше туристов, стимулировать экономическое развитие и сохранять культурное и природное наследие.

Ключевые слова: исследование, событийный туризм, классификация, фестивали и конкурсы, спортивные события, развитие туризма.

RESEARCH ON TYPES OF EVENT TOURISM AND THEIR CLASSIFICATION

A. G. Akhundova

Baku State University, (Baku, Azerbaijan)

Event tourism is one of the most dynamically developing sectors in the tourism industry, representing a distinct form of travel where participation in or observation of various events and celebrations becomes the primary motivation. Tourists choose specific destinations and events to gain unique experiences, immerse themselves in the event atmosphere, and engage with its cultural context. The classification of event tourism types is an essential aspect for understanding the diversity of this tourism form and developing effective strategies for managing tourism resources. It allows for the systematic categorization of different events, as well as identifying their unique characteristics and impact on the tourism industry and socio-cultural environment. In this article provide an overview and classification of event tourism types based on several factors. First of all, we considered the classification based on the nature of events. This made it possible to single among them such as festivals, cultural, musical, festival in film industry, sports competitions and others. Then we focused in benefits of classifying event tourism, the study of which help to better understand the preferences and interests of tourists, determine the potential to attract and meet their needs helps tourism organizations and governments develop strategies for promoting planning and organizing event tourism. This in turn, makes it possible to create unique and memorable events, attracts more tourists, stimulates economic development, and preserves cultural and natural heritage.

Keywords: research, event tourism, classification, festivals and competitions, sports events, tourism development.

Сфера событийного туризма является активно развивающимся сегментом туристической индустрии, демонстрирующим значительную динамику. Он представляет собой уникальную форму путешествий, где участие или наблюдение за различными событиями и праздниками становятся основным мотивом для путешественников. Туристы целенаправленно выбирают конкретные места и мероприятия, чтобы получить неповторимый опыт, насладиться особой атмосферой события и погрузиться в его культурный контекст. Рост популярности событийного туризма обусловлен его способностью предоставить туристам уникальный опыт, проникнуть в атмосферу события и познакомиться с культурой и традициями посещаемого места.

В отличие от традиционного туризма, где акцент сделан на посещении достопримечательностей или отдыхе на курорте, событийный туризм фокусируется на участии в спортивных, деловых, культурных, музыкальных, религиозных или иных значимых событиях.

Событийный туризм способствует развитию и расширению туристического продукта в регионе или месте проведения события. Само событие становится ключевым мотивом для путешествия, активизируя туристическую деятельность, обогащая опыт путешественников, стимулируя экономическое развитие и способствуя культурному обмену. Это также способствует развитию гостиничной индустрии, ресторанного бизнеса, транспортной си-

стемы, торговли и других отраслей, создавая новые возможности для туристического бизнеса и способствуя экономическому развитию местных сообществ.

Классификация типов событийного туризма является важным аспектом для понимания многообразия этой формы туризма и разработки эффективных стратегий управления туристскими ресурсами. Она позволяет систематизировать и категоризировать различные события, а также выявить их уникальные характеристики и влияние на туристическую индустрию и социокультурное окружение. Степень классификации типов событийного туризма может различаться в зависимости от опыта исследователей и методологии. Ученые рассматривают множество аспектов при классификации, и каждый исследователь вносит свой вклад, основываясь на своих исследовательских интересах и опыте.

Так, канадский исследователь Д. Гетц предложил классификацию событийного туризма, основанную на масштабе и продолжительности событий, включая мегасобытия, большие события, малые события и повседневные события [1, с. 416]. М. Бонн разработал классификацию событийного туризма, основанную на характере событий и их связи с местной культурой, включая гастрономические, музыкальные, спортивные, культурные и природные мероприятия [2, с. 769]. Т. Маррис классифицирует события по их частоте и числу посетителей [3, с. 5].

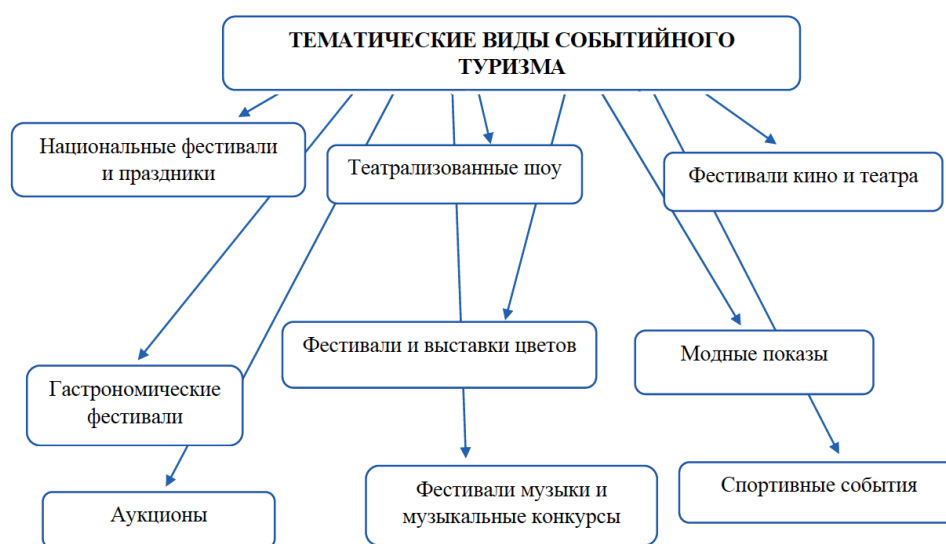

Рис. 1. Основные тематические виды событийного туризма

В России одним из первых исследователей, предложивших классификацию видов событийного туризма, является А. В. Бабкин. В его работе «Специальные виды туризма» автор предлагает

классифицировать событийный туризм на основе двух аспектов: тематической направленности события и его масштабности. По его мнению, целевая аудитория событийного туризма — это обеспе-

ченые туристы с доходом выше среднего, а также компании, состоящие из нескольких пар [4, с. 121–122]. Исследователь выделяет девять тематических видов событийного туризма, которые представлены на рисунке 1 [4, с. 63].

Тем не менее в предложенной классификации тематических видов туризма А. В. Бабкиным не учтены значимые категории, такие как государственные (национальные) праздники, паломничества, карнавалы, деловые конгрессы и другие мероприятия, которые являются важными элементами данной формы туризма. Эти виды событийного туризма оказывают значительное влияние на привлекательность и разнообразие туристического продукта, а также существенно влияют на экономическое и социокультурное развитие регионов.

В связи с этим для более полной и точной классификации событийного туризма необходимо учитывать и анализировать результаты этих видов событий, которые существенно варьируются по своим характеристикам и влиянию на туристическую индустрию.

А. Н. Казарина классифицирует событийные мероприятия в зависимости от организаторов: туроператоров, сторонних государственных структур и международных организаций, проводящих коммерческие события [5, с. 14]. З. Г. Мирзаханова в своих исследованиях, так же как и А. В. Бабкин, осуществляет классификацию событийного туризма на основе тематических видов, которые подразделяются на следующие подкатегории (рис. 2) [6, с. 76–79]:

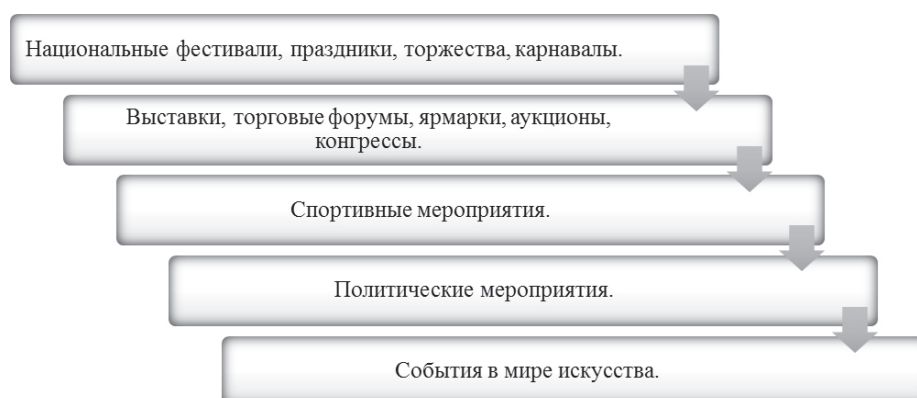

Рис. 2. Тематические виды событийного туризма

Наиболее всестороннюю классификацию в данной области предложил Е. А. Лакомов (табл. 1) [7, с. 67]:

Таблица 1

Классификация видов событийного туризма

Классификация видов событийного туризма	Описание
1. По масштабу действия	Международный, национальный, региональный
2. По международному статусу	Внутренний и международный (въездной, выездной)
3. По количеству участников	Групповой, индивидуальный, семейный
4. По возрасту участников	Детский, подростковый, молодежный, взрослый, для пожилых возрастов (так называемый «третий возраст»), смешанный и др.
5. По характеру организации	Регламентированный — характеризуется высоким уровнем обслуживания и определенной последовательностью посещения туристских объектов; нерегламентированный — может быть организованным или неорганизованным
6. По длительности путешествия	Длительный (более 3 дней), кратковременный (менее 3 дней)

Каждый из ученых предложил свои уникальные подходы и категории, которые помогают лучше понять и организовать данную форму туризма. Исследователи стремятся развивать понимание событийного туризма и его классификации, исследуя различные типы событий и их особенности, что помогает практикам и менеджерам разрабатывать эффективные стратегии и планирование событийного

туризма. Такой вид туризма предоставляет уникальную возможность участия в незабываемых событиях в области спорта, науки, культуры и искусства. Эти мероприятия остаются в памяти как насыщенные и запоминающиеся моменты в жизни, которые оказывают глубокое воздействие на участников.

Одним из наиболее захватывающих видов событийного туризма является участие в фестивалях.

Согласно определению, фестиваль (от французского festival — празднество) представляет собой массовое торжество, показ достижений самодеятельного и профессионального творчества, с помощью которого можно привлечь внимание целевой аудитории [8, с. 1161].

Фестивали событийного туризма имеют определенные даты и место проведения, такие как страна, регион, город или специальная площадка для театральных или концертных представлений. У них своя уникальная аудитория, которая является основной целевой группой для художественной концепции и программы фестиваля. Фестивали привлекают туристов своей атмосферой праздника и разнообразием культурных выражений. Они предлагают возможность погрузиться в мир традиций, музыки, танцев, гастрономии и искусства определенной страны или региона. Участие в фестивале с высокой интенсивностью позволяет познакомиться с местными обычаями, традициями и культурой. Кроме того, фестивали могут предоставить возможность познакомиться с уникальными местами и достопримечательностями, которые становятся центром событий. Они привлекают массовое внимание и предлагают уникальную возможность увидеть их во всей красе. Фестивали играют важную роль в событийном туризме, привлекая туристов со всего мира и создавая неповторимые воспоминания.

Среди известных фестивалей событийного туризма можно отметить Эдинбургский фестиваль, который проводится в Эдинбурге (Великобритания). Это крупное мероприятие, собирающее лучшие оперные, балетные и театральные коллективы

со всего мира, а также разнообразные фольклорные ансамбли. Этот фестиваль привлекает ценителей классической музыки. Популярны также Международные фестивали в Сантандере (Испания) и Люцерне (Швейцария), которые уже более 50 лет радуют посетителей. Эти фестивали классического искусства привлекают до 55 тысяч человек.

Кроме упомянутых ранее, существует множество других замечательных фестивалей событийного туризма по всему миру. Приведем несколько примеров. Фестиваль Вудстока (США) — исторический, 1969 г., стал символом контркультуры и музыкальной революции. Сегодня он продолжает собирать тысячи людей для наслаждения разнообразной музыкой и духом единства. Холи (Индия), или фестиваль цветов, является одним из самых ярких и живописных событий в Индии. Во время Холи люди поливают краской друг на друга, отмечая начало весны и праздную победу добра над злом. Томашина (Испания) — это уникальный фестиваль, который проходит в городе Буньоле. Участники бросают друг другу помидоры, создавая громкое веселье и хаос.

Это всего лишь некоторые примеры фестивалей событийного туризма, которые предлагают уникальные и незабываемые впечатления.

В настоящее время наблюдается неоспоримый рост и разнообразие фестивалей киноискусства во всем мире. Международная федерация ассоциаций кинопродюсеров (FIAPF) аккредитовала 51 кинофестиваль. На «вершине» этой иерархии стоят 14 конкурсных фестивалей игровых фильмов (табл. 2) [9, с. 41].

Таблица 2

Наиболее известные и авторитетные мировые кинофестивали

Название кинофестиваля	Страна	Год основания
1. Венецианский кинофестиваль	Италия	1934
2. Каннский кинофестиваль	Франция	1946
3. Кинофестиваль в Карловых Варах	Чехия	1946
4. Кинофестиваль в Локарно	Швейцария	1946
5. Берлинский кинофестиваль	Германия	1951
6. Индийский фестиваль в Гоа	Индия	1952
7. Сан-Себастьянский кинофестиваль	Испания	1953
8. Кинофестиваль в Мар-дель-Плата	Аргентина	1954
9. Московский кинофестиваль	Россия	1959
10. Каирский кинофестиваль	Египет	1976
11. Монреальский кинофестиваль	Канада	1977
12. Варшавский кинофестиваль	Польша	1985
13. Кинофестиваль в Токио	Япония	1985
14. Шанхайский кинофестиваль	Китай	1993

Музыкальные фестивали представляют собой выдающиеся культурные события, предлагающие возможность насладиться живым исполнением музыки, великими музыкантами и оркестрами. Они привлекают меломанов и ценителей музыки со всего мира, создавая уникальную атмосферу и оставляя незабываемые впечатления. Музыкальные фестивали проводятся регулярно, будь то ежегодно, каждые 2–4 года или в связи с особыми праздниками. Часто они проходят в городах, которые славятся своими музыкальными традициями или связаны с жизнью и деятельностью известных музыкантов.

Основные виды музыкально-фестивального туризма [10, с. 412]:

- рок-фестиваль;
- поп-фестиваль;
- фестиваль авторских песен;
- джазовый фестиваль;
- фестиваль этнической и народной музыки;
- оперный фестиваль;
- фестиваль электронной музыки.

По данным журнала «Brown&Hendee», молодые люди от 14 до 35 лет посвящают прослушиванию музыки более 10,5 тыс. часов, что равно 12 годам обучения в школе [11, с. 125]. Изучение публикаций в журнале «Brown&Hendee» и анализ исследований, проведенных среди данной возрастной группы, позволяют сделать вывод о том, что они представляют особую категорию потребителей музыкальной продукции.

Самыми известными музыкальными фестивалями, ставшими значимыми и влиятельными культурными событиями, мы можем назвать ежегодный музыкальный конкурс популярной музыки «Евровидение», Монре Жаз Фестиваль (Швейцария), Стокгольмский джазовый фестиваль (Швеция), фестиваль Ars Musica в Брюсселе (Бельгия), музыкально-художественный фестиваль в Хенли (Великобритания), Оперный фестиваль в Вероне (Италия), Международный конкурс имени П. И. Чайковского в Москве (Россия), Международный музыкальный фестиваль, посвященный Узеиру Гаджибекову в Баку (Азербайджан), музыкальный фестиваль «Хары бюльбюль» в Шуше (Азербайджан) и др.

Музыкальные фестивали имеют непосредственное влияние на развитие событийного туризма и экономические показатели региона. Они привлекают туристов и способствуют развитию дополнительных форм туризма, таких как гастрономический, культурно-познавательный и развлекательный туризм. За последние 12 лет событийный туризм, включая музыкальные фестивали, стал ключевым и важным элементом организации и продвижения местного туризма.

Гастрономические фестивали представляют собой уникальные события, которые объединяют людей вокруг любви к еде, культурного обмена и незабываемых вкусовых впечатлений. Исследования показывают, что около 30% туристов выбирают свои путешествия исходя из гастрономических предпочтений. Эти фестивали предоставляют посетителям прекрасную возможность погрузиться в мир кулинарии, участвовать в мастер-классах, где можно научиться готовить особые блюда, а также попробовать разнообразные кулинарные деликатесы разных стран и регионов.

Гастрономические фестивали играют важную роль в развитии туризма, привлекая посетителей со всего мира и способствуя экономическому развитию региона. Они стимулируют развитие смежных отраслей, таких как гостиничный бизнес, рестораны, продажа местных продуктов и ремесленных изделий. Кроме того, они способствуют сохранению и продвижению местных кулинарных традиций и культурного наследия. Примерами гастрономических фестивалей являются международный фестиваль пива «Oktoberfest» в Мюнхене (Германия) — крупнейший в мире фестиваль пива; праздник молодого вина «Божоле Нуво» (Франция); парижский салон шоколада (Франция) и др. [12, с. 79].

Скажем, Октоберфест в Мюнхене (Германия) является одним из самых популярных и массовых в мире. Ежегодно миллионы людей со всего мира съезжаются в Мюнхен, чтобы принять участие в этом пивном празднике. Октоберфест привлекает огромное количество посетителей. В течение 16 дней проведения фестиваля в среднем его посещает около 6 млн гостей. Отели номера в Мюнхене и его окрестностях часто полностью забронированы на время проведения фестиваля, а улицы города наполняются людьми, наслаждающимися пивом, традиционной германской кухней и праздничной атмосферой.

Кроме того, проведение театральных фестивалей различных видов и жанров, фестивалей изобразительного искусства, выставок цветов, фестивалей моды, национальных праздников и фестивалей (фестиваль Святого Патрика в Лондоне, фестиваль Св. Патрика в Дублине, празднование дня рождения Наполеона Бонапарта и т. д.) также привлекает туристов своей уникальностью и неповторимостью.

Спортивные события играют значительную роль в развитии современного событийного туризма, представляя собой одну из важных составляющих этой отрасли. Даже с развитием современных систем связи и телевидения поток туристов, стремящихся лично присутствовать на спортивных праздниках и поддержать свои национальные команды,

не уменьшается. Сегодня большую долю спортивного туристического потока составляют не только спортсмены и их команды, но и болельщики. Например, на чемпионатах Европы по футболу присутствует значительное количество болельщиков, приехавших из разных стран. Так, по данным Международной федерации футбола (ФИФА), матчи чемпионата мира по футболу 2022 г., прошедшего в Катаре, посетили более 3,4 млн болельщиков. Это больше, чем на турнире в России 2018 г., который посетило 3 млн человек [13]. Причем посещение таких спортивных мероприятий обычно не требует больших затрат и является краткосрочным. Тем не менее благодаря массовости данных событий они приносят значительные туристические доходы для страны, стимулируя развитие въездного туризма и способствуя экономическому росту.

Спортивные гонки «Формула-1» также представляют собой важный сегмент событийного туризма, который вызывает огромный интерес у туристов. Хотя туры на Олимпийские игры и чемпионат мира по футболу превосходят «Формулу-1» по популярности, эта гоночная серия проводится значительно чаще. В то время как Олимпиады проходят раз в два года, а чемпионат мира по футболу — раз в четыре года, «Формула-1» устраивает свои Гран-при 18–19 раз в год. Гран-при «Формулы-1» проводятся по всему миру, предоставляя возможность фанатам автоспорта наслаждаться уникальным зрелищем и поддерживать своих любимых гонщиков. В этот список стран входят: Австралия, Бахрейн, Испания, Монако, Франция, Австрия, Великобритания, Италия, Россия, США, Бразилия, Сингапур, Япония, Саудовская Аравия, Абу-Даби (ОАЭ), Азербайджан и др.

Впервые гонки «Формулы-1» в Баку прошли в 2016 г., что стало историческим событием для страны, так как оно впервые привлекло внимание мирового автоспортивного сообщества и фанатов Формулы-1. А с 2017 г. бакинская гонка стала носить название Гран-при Азербайджана. И каждый год эти гонки, за исключением 2020 г. (отменена из-за пандемии COVID-19) проводятся в столице Азербайджана. В частности, в 2023 г. около 15 тыс. туристов прибыли в страну, чтобы посмотреть

Гран-при Азербайджана 2023 г. Событие продолжалось в Баку три дня, оно будет способствовать развитию туризма страны и повышению финансового дохода. Общий доход Азербайджана от проведения гонок «Формулы-1» в Баку в 2016–2017 гг. составил 277,3 млн долл., из них 164,2 млн долл. — прибыль. И по официальным данным операционной компании Baku City Circuit, за первые четыре года проведения соревнований Гран-при «Формулы-1» принес экономике Азербайджана доходы в размере 500 млн долл. [14].

На основе вышеизложенного мы можем отметить, что событийный туризм предлагает широкий спектр разнообразных мероприятий, позволяющих туристам ощутить особую атмосферу, стать частью культурных проявлений и ощутить незабываемые впечатления. Вне зависимости от предпочтений и интересов событийный туризм предлагает уникальные возможности для путешественников, желающих погрузиться в мир ярких и запоминающихся событий.

Таким образом, классификация типов событийного туризма играет важную роль в понимании и развитии этой отрасли. Рассмотрение различных категорий событийного туризма позволяет лучше понять предпочтения и интересы туристов, а также определить потенциал для привлечения и удовлетворения их потребностей. Классификация помогает туристическим организациям, местным сообществам и государственным органам разрабатывать стратегии продвижения, планирования и организации событийного туризма. Это повлияет на создание уникальных и запоминающихся событий, будет способствовать привлечению большего количества туристов, стимулировать экономическое развитие и сохранять культурное и природное наследие. Таким образом, исследование классификации событийного туризма способствует повышению эффективности и успешности событийных проектов. Более того, бережное отношение к окружающей среде, уважение к местной культуре и традициям, а также вовлечение местного населения в планирование и управление событиями являются неотъемлемыми аспектами устойчивого развития событийного туризма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Getz D. Event tourism: Definition, evolution, and research // *Tourism management*. 2008. № 29. Pp. 403–428.
2. Bonn M. A. A comparison of three economic impact models for applied hospitality and tourism research // *Tourism economics*. 2008. № 14 (4). Pp. 769–789.
3. Marris T. The role and impact of mega-events and attractions on regional and national tourism development // *Resolutions of the 37th Congress of the AIEST*. Calgary: *Revue de Tourisme*, 1987. Pp. 3–12.
4. Бабкин А. В. Специальные виды туризма: учеб. пособие. М., 2008. 208 с.

5. Казарина А. С., Лебедева Т. Е. Событийный туризм как актуальное направление туризма // Индустрия туризма и сервиса: состояние, проблемы, эффективность, инновации. Нижний Новгород, 2014. С. 13–16.
6. Мирзеханова З. Г. Событийный туризм: содержание и мировой опыт // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. 2016. № 6. С. 76–79.
7. Лакомов Е. А. Классификация видов событийного туризма // Вестник Университета. 2013. № 2. С. 64–69.
8. Нарута Я. С., Гарина Т. А. Событийный туризм: понятия, виды, классификация // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 11. С. 1158–1162.
9. Донских С. В. Событийный туризм: учеб.-метод. пособие. Минск, 2014. 112 с.
10. Лысикова О. В., Пчелинцев И. С. Основные тренды событийного туризма // Стратегии и современные тренды регионального туризма и гостеприимства. М., 2019. С. 408–420.
11. Тигиева Д. Г. Музыкально-фестивальный туризм как феномен потребительского спроса среди молодежи // Система ценностей современного общества. 2016. № 46. С. 124–128.
12. Вермель М. В. Применение зарубежного опыта в организации крупных фестивалей. М., 2014. С. 75–82.
13. Всем миром: Катар-2022 привлек внимание более 5 млрд человек. URL: <https://www.vedomosti.ru/sport/football/articles/2023/01/22/959971-chm-2022-kak-proshel/> (дата обращения: 11.07.2023).
14. «Формула-1» — окно в мир для Азербайджана. Тимур Рзаев. URL: <https://caliber.az/post/163400/> (дата обращения: 11.07.2023).

REFERENCES

1. Getz D. Event tourism: Definition, evolution, and research. *Tourism management*. 2008. № 29. Pp. 403–428.
2. Bonn M. A. A comparison of three economic impact models for applied hospitality and tourism research. *Tourism economics*. 2008. № 14 (4). Pp. 769–789.
3. Marris T. The role and impact of mega-events and attractions on regional and national tourism development. *Resolutions of the 37th Congress of the AIEST*. Calgary: *Revue de Tourisme*, 1987. Pp. 3–12.
4. Babkin A. V. Special forms of tourism: textbook. Moscow, 2008. 208 p.
5. Kazarina A. S., Lebedeva T. E. Event tourism as a relevant direction of tourism. *Tourism and Service Industry: State, Issues, Efficiency, Innovations*. Nizhny Novgorod, 2014. Pp. 13–16.
6. Mirzehanova Z. G. Event tourism: content and global experience. *Bulletin of the Khabarovsk State Academy of Economics and Law*. 2016. No. 6. Pp. 76–79.
7. Lakomov E. A. Classification of types of event tourism. *University Bulletin*. 2013. No. 2. Pp. 64–69.
8. Naruta Y. S., Garina T. A. Event tourism: concepts, types, classification. *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2016. No. 11. Pp. 1158–1162.
9. Donskih S. V. Event tourism: textbook-methodological manual. Minsk, 2014. 112 p.
10. Lysikova O. V., Pchelintsev I. S. Major trends in event tourism. *Strategies and Modern Trends in Regional Tourism and Hospitality*. Moscow, 2019. Pp. 408–420.
11. Tigieva D. G. Music festival tourism as a phenomenon of consumer demand among youth. *System of Values of Modern Society*. 2016. No. 46. Pp. 124–128.
12. Vermel M. V. Application of foreign experience in organizing large-scale festivals. Moscow, 2014. Pp. 75–82.
13. Seen by the World: Qatar-2022 attracted the attention of over 5 billion people. URL: <https://www.vedomosti.ru/sport/football/articles/2023/01/22/959971-chm-2022-kak-proshel/> (date of access: 11.07.2023).
14. “Formula-1” — a window to the world for Azerbaijan. Timur Rzaev. URL: <https://caliber.az/post/163400/> (date of access: 11.07.2023).

Поступила в редакцию: 14.07.2023.

Принята к печати: 02.08.2023.

УДК 332.12
DOI 10.14258/epb202332

ФИНАНСИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ¹

Л. Н. Бабкина¹, О. В. Скотаренко^{2,3}, С. В. Царева⁴

¹Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации имени главного маршала авиации А. А. Новикова (Санкт-Петербург, Россия)

²Мурманский арктический государственный университет (Мурманск, Россия)

³Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулева (Санкт-Петербург, Россия)

⁴Мурманский государственный технический университет (Мурманск, Россия)

В статье сделан акцент на необходимость достижения среднесрочных стратегических целей государственной политики Российской Федерации в сфере здравоохранения, направленных на повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет к 2030 г.; снижение смертности населения и повышение удовлетворенности населения медицинской помощью. Исследованы суммы финансирования деятельности системы здравоохранения в Российской Федерации и в Мурманской области. Приводится сравнительный анализ показателей, которые являются индикативными и отчетными в среднесрочной стратегии развития системы здравоохранения РФ на период до 2030 г., и в Мурманской области как территории Арктической зоны; исследуется их динамика. Кроме того, исследуются структура и динамика изменения сумм финансирования из различных источников деятельности медицинского учреждения в Мурманской области (бюджет территориального фонда обязательного медицинского страхования, консолидированный бюджет Мурманской области, федеральный бюджет РФ и собственные финансовые средства медицинского учреждения), предлагаются рекомендации по повышению эффективности использования бюджетных и внебюджетных источников финансирования. Сделан вывод о том, что степень обеспеченности системы здравоохранения зависит не только от сумм финансирования, но и от системы управления финансовыми ресурсами.

Ключевые слова: Арктическая зона, система здравоохранения, стратегические цели, финансовые средства, качество жизни.

FINANCING OF THE HEALTHCARE SYSTEM

L. N. Babkina¹, O. V. Skotarenko^{2,3}, S. V. Tsareva⁴

¹ St. Petersburg State University of Civil Aviation named after Air Chief Marshal A. A. Novikov (St. Petersburg, Russia)

²Murmansk Arctic State University (Murmansk, Russia)

³Military Academy of Logistical Support named after General of the Army A. V. Khrulyov (St. Petersburg, Russia)

⁴Murmansk State Technical University (Murmansk, Russia)

The article focuses on the need to achieve the medium-term strategic goals of the state policy of the Russian Federation in the field of healthcare, aimed at increasing life expectancy to 78 years by 2030; reducing mortality and increasing public satisfaction with medical care. The amounts of financing the activities of the healthcare system in the Russian Federation and in the Murmansk region are investigated. A comparative analysis of indicators that are indicative and reportable in the medium-term strategy for the development of the healthcare system of the Russian Federation for the period up to 2030, and in the Murmansk region as the territory of the Arctic zone; their dynamics is investigated. In addition, the structure and dynamics of changes in the amounts of funding from various sources of medical institution activity in the Murmansk region are investigated (the budget of the territorial compulsory medical insurance fund, the consolidated budget of the Murmansk region, the federal budget of the Russian Federation and the own financial resources of the medical institution), recommendations

¹ Исследование выполнено в рамках инициативной НИОКР (№ государственной регистрации в ЕГИСУ НИОКТР 122060900086–8).

are proposed to improve the efficiency of using budgetary and extra-budgetary sources of funding. It is concluded that the degree of security of the health care system depends not only on the amount of funding, but also on the financial resources management system.

Keywords: Arctic zone, healthcare system, strategic goals, financial resources, quality of life.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью достижения среднесрочных стратегических целей государственной политики Российской Федерации в сфере здравоохранения. На наш взгляд, достижение этих целей необходимо не только для сферы здравоохранения и улучшения состояния демографической среды, но и для дальнейшего — как среднесрочного на 13 лет, так и долгосрочного развития всех макро-сред и сфер деятельности страны: экономической; культурной, включая образовательную; научно-технической, включая информационную; природоохранную и, конечно, законодательную или правовую [1, 2]. Рост продолжительности жизни может быть обусловлен высоким уровнем доходов и качества жизни, а также передовой системой здравоохранения и доступностью медицинских услуг [3, 4, 5].

В соответствии с Указом Президента РФ № 474 от 22.07.2020 Правительством РФ был разработан Единый план по достижению национальных целей развития на период до 2024 г. и на плановый период до 2030 г., в котором на достижение этих целей направлено восемь подпрограмм или стратегических направлений деятельности системы здравоохранения всех уровней управления государственной системы РФ. Направления включают в себя: совершенствование оказания медицинской помощи, включая профилактику заболеваний и формирование здорового образа жизни; развитие и внедрение инновационных методов диагностики, профилактики и лечения, а также основ персонализированной медицины; развитие медицинской реабилитации и санаторно-курортного лечения, в том числе детей; развитие кадровых ресурсов в здравоохранении; укрепление международных отношений в сфере охраны здоровья; экспертиза и контрольно-надзорные функции в сфере охраны здоровья; медико-санитарное обеспечение отдельных категорий граждан; информационные технологии и управление развитием отрасли [6]. Однако выполнение этих подпрограмм представляется невозможным без соответствующего финансового обеспечения. Поэтому предметом исследования выбрана степень обеспеченности населения финансовыми средствами в сфере здравоохранения.

Цель данного исследования — определить степень обеспеченности населения финансовыми средствами для реализации среднесрочных стра-

тегических целей, направленных на увеличение ожидаемой продолжительности жизни населения к 2030 г. в среднем на 7,4 г. по сравнению с базовым показателем, снижение смертности от всех причин до 11,5 человек на 1000 населения и повышение удовлетворенности населения медицинской помощью. Предусмотрен объем финансового обеспечения этого Единого плана за счет средств федерального бюджета за весь период реализации с 2018 г., исходя из соответствующего Указа Президента РФ от 07.05.2018 № 204, по 2030 г. в 4 трлн 724 млрд 334 млн 224,9 тыс. руб. Причем весь период реализации разделен на два этапа. Первый длился с 2018 по 2021 г., второй — с 2022 по 2030 г., что позволяет сделать вывод о среднесрочных стратегических целях и критериях деятельности системы здравоохранения на территории регионов РФ.

Однако промежуточными контрольными точками реализации этого плана являются 2023 и 2024 гг. Так, в 2023 г. ожидаемая продолжительность жизни при рождении должна составить 73,2 г., а в 2024—73,7, что больше базового значения, равного в 2021 г. 70,06 г., на 3,14 и 3,64 г. соответственно. Однако как показывают данные ежегодной государственной статистической отчетности, за три года (с 2019 по 2021) ожидаемая продолжительность жизни при рождении у населения на территории РФ постепенно сокращалась с 73,34 г. в 2019 до 71,54 г. в 2020, до 70,06 г. в 2021 г., что составило 1,8 г., или 2,45%, 1,48 г., или 2,07% соответственно.

В Мурманской области величина данного показателя ниже, чем в среднем по РФ и составляла в 2019 г. 71,75 г., в 2020—69,81 и в 2021 г. — 68,29 г., что на 2,77; 2,48 и 2,59% меньше величины среднероссийского показателя в соответствующие три года. При этом динамика сокращения величины показателя составляла 1,94 г., или 2,7% в 2020 г. по отношению к 2019 и 1,52 г., или 2,18% в 2021 г. по отношению к предыдущему 2020 г. Следовательно, можно сделать вывод о том, что ожидаемая продолжительность жизни при рождении населения Мурманской области снижается немного более высокими темпами, чем всей РФ. Кроме того, сокращение численности населения в Российской Федерации характеризуется в 2019, 2020 и 2021 годах такой динамикой: (–0,02%), (–0,39%) и (–0,4%), а в Мурманской области — (–1,0%); (–1,08%) и (–1,2%), что в три раза больше, чем в РФ.

Еще одним критерием является доля граждан, ведущих здоровый образ жизни, которая при базовом значении 2021 г. в 7,3% должна увеличиться до 8,9% в 2023 г., до 9,7% — в 2024 и до 12,0% — в 2025 г. Следовательно, увеличение доли составит 1,6; 2,4 и 4,7% по сравнению с базовым значением, а по сравнению с предыдущим — 1,6; 0,8 и 2,3%. В Мурманской области в 2021 г. доля таких граждан составляла 10,2%, что выше планируемого уровня по РФ в 2024 г. на 0,5%. Этот фактор можно расценивать как положительный. Однако по статистическим данным, в 2021 г. ожидаемая продолжительность жизни при рождении населения Мурманской области, ведущего здоровый образ жизни, меньше, чем по РФ на 1,94 г., или на 3,26%.

Отчетными показателями системы здравоохранения, имеющимися в государственной статистической отчетности и подлежащими ежегодному мониторингу в соответствии с Указом Президента РФ от 07.05.2018 № 204, также являются следующие три индикатора: смертность населения трудоспособного возраста на 100 000 человек населения соответствующего возраста; смертность от болезней системы кровообращения и смертность от новообразований, в том числе злокачественных, на 100 000 человек населения. В 2021 г. первый показатель в РФ составил 604,6 чел., второй — 640,3 и третий — 194,1 чел. В Мурманской области величины этих показателей были равны 719,0; 668,3 и 182,9 чел. Соответственно, другими словами, в Мурманской области смертность населения в трудоспособном возрасте на 100 000 человек населения в 2021 г. была выше, чем в среднем по РФ, на 18,92%, второй индикатор выполнения национального проекта — смертность от болезней системы кровообращения на 100 000 человек населения в Мурманской области также выше на 4,37% и третий индикатор — смертность от новообразований, в том числе злокачественных, на 100 000 человек населения в Мурманской области лучше, чем по РФ, в целом, на 6,12%.

В изучаемом Едином плане по достижению национальных целей развития РФ приведен такой

показатель как индекс физического объема инвестиций в основной капитал хозяйствующих субъектов системы здравоохранения РФ и измеряется в миллиардах рублей. Базовое значение составляет 264,3 млрд руб., в 2023 — 269,2 млрд руб., в 2024 г. — 275,0 млрд руб., то есть данный индекс в 2023 г. по сравнению с 2022 г. равен 101,85%, а в 2024 г. по сравнению с 2023 — 102,15%. Такой индекс называется ниже индекса цен, или уровня инфляции в стране, которая по прогнозам будет не менее 4%. В целом по Российской Федерации расходы на здравоохранение в валовом внутреннем продукте составили 3,2% в 2018 г., 3,5% — в 2019, 4,6% — в 2020, чуть более 1% — в 2021 г. Расходы же на здравоохранение в РФ составили в 2019 г. 1167,2 млн руб., в 2020 — 2002,1 млн руб. и в 2021 г. — 2027,3 млн руб. Приращение величины этого показателя по сравнению с предыдущим годом составляет 71,53 и 1,26%. В Мурманской области сумма расходов на здравоохранение также постепенно увеличивалась с 8147,5 млн руб. в 2019 г. до 12074,2 млн руб. в 2020 г., или на 48,2%, и в 2021 г. составила 12237,4 млрд руб., что больше, чем в 2020 г., всего лишь на 1,35%. Следовательно, в 2020 г. увеличение суммы расходов по сравнению с 2019 г. в Мурманской области было почти в 1,5 раза меньше, чем в среднем по РФ, но в следующем 2021 г. ситуация изменилась, и приращение суммы расходов стало чуть больше, чем в РФ в среднем, в 1,07 раза. Однако численность населения области последовательно уменьшалась с 741 тыс. чел. в 2019 г. до 733 тыс. в 2020 и 725 тыс. чел. в 2021 г. Темпы снижения равны 1,08 и 1,09% соответственно.

Финансовое обеспечение медицинского учреждения в системе здравоохранения Мурманской области характеризуется четырьмя основными источниками: финансовые средства бюджета территориального фонда обязательного медицинского страхования, финансовые средства из консолидированного бюджета Мурманской области, финансовые средства из федерального бюджета РФ и собственные финансовые средства самого учреждения (табл. 1).

Таблица 1

Динамика финансовых средств на здравоохранение медицинских учреждений в системе здравоохранения Мурманской области РФ, млн руб.

Период	Источники финансирования			
	Федеральный бюджет	Бюджет субъекта РФ	Территориальный фонд обязательного медицинского страхования	Собственные средства медицинского учреждения
2017	377	9804,1	13023,1	1039,7
2018	376,5	9795,1	13056,2	1115,6
2019	247,7	10526,5	13294,8	1188
2020	353,1	11297	16051,1	1206,1
2021	674	11845,8	16498,8	1243,6

За последние годы наблюдается устойчивое повышение государственных расходов на здравоохранение. Расходы из средств федерального бюджета увеличились с 377 млн руб. в 2016 г. до 674 млн руб. в 2020 г. Однако данный показатель имеет наименьший удельный вес по сравнению с другими направлениями финансирования. Наибольшее значение расходов, равное 16498,8 млн руб., достигнуто в 2020 г. за счет расходов из средств обязательного медицинского страхования.

Такая динамика изменения расходов на здравоохранение подтверждается показателями удельных расходов на душу населения, которые в РФ составили в 2019 г. 28729 руб., в 2020 — 27443 руб., в 2021 г. — 32321 руб. [7].

Следовательно, темп роста таких удельных расходов в 2020 г. по сравнению с 2019 г. равен 96%, в 2021 по сравнению с 2020 г. — 118%. В Мурманской области удельные расходы были равны в 2019 г. 32524 руб., в 2020—31847 руб. и в 2021 г. — 36255 руб., то есть расходы последовательно снижались на 2% и увеличивались на 13,84%.

Рассмотрим степень обеспеченности населения финансовыми средствами из бюджетов территориальных фондов обязательного медицинского страхования (ОМС). В Российской Федерации поступления финансовых средств по ОМС составили в 2019 г. 2298034,2 млн руб., затем в 2020—2530143,2 млн руб. и в 2021 г. — 2829459,1 млн руб. В Мурманской области финансовые средства в бюджет территориального фонда ОМС поступали в такой последовательности: в 2019 г. — 17296,2 млн руб., в 2020—18556,4 млн руб. и в 2021 г. — 21382,8 млн руб. Динамика увеличения поступлений в РФ может быть представлена приращением в 10,1% в 2020 г. по отношению к 2019 и 11,83% в 2021 г. по отношению к 2020 г. Аналогичная динамика изменения поступлений в Мурманской области может быть представлена как 7,29 и 15,23% соответственно в 2020 и 2021 гг. по отношению к предыдущим 2019 и 2020 гг. На наш взгляд, рост суммы поступлений в территориальный фонд ОМС Мурманской области больший в 2021 г., чем по РФ, является положительным фактором.

Однако следует проанализировать и такой показатель, как расходование бюджета территориального фонда обязательного медицинского страхования. В целом по РФ сумма расходов составила 2278237,7 млн руб. в 2019 г., 2485073,7 млн руб. — в 2020 и 2811330,4 млн руб. — в 2021 г., что показывает приращение этого показателя по отношению к предыдущему году на 9,08 и 13,13%. Соответственно, в Мурманской области сумма расходов из территориального фонда ОМС также увеличилась с 17214,7 млн руб. в 2019 г. до 18475,4 млн руб. в 2020 г., то есть на 7,32%, и до 21172,1 млн

руб. в 2021 году, то есть на 14,6% по сравнению с 2020 годом. Таким образом, динамика увеличения расходов из фондов ОМС в целом по РФ и Мурманской области отличаются незначительно.

На наш взгляд, необходимо далее провести сравнение сумм доходов и расходов территориальных фондов ОМС, то есть исполнение их бюджетов. На территории РФ доходная часть бюджетов территориальных фондов ОМС превысила расходную часть в 2019 г. на 19796,5 млн руб., в 2020 — на 45069,5 млн руб., и в 2021 г. — на 18004,9 млн руб. В относительных цифрах такие отклонения по отношению к сумме доходов составляют 0,87; 1,8 и 0,64%. Следовательно, ежегодно происходит неполное расходование средств территориальных фондов ОМС, но какую-либо динамику к увеличению или уменьшению величины неиспользованных финансовых средств проследить пока невозможно. В Мурманской области такие отклонения суммы расходов от суммы доходов территориального фонда ОМС можно представить следующим рядом чисел. В 2019 г. это 81,5 млн руб., в 2020 — 81 млн руб. и в 2021 г. — 210,7 млн руб., что ниже, чем сумма доходной части бюджета, на 0,47; 0,44 и 1%.

Динамика расходов на нужды здравоохранения из консолидированного бюджета Мурманской области представлена на рисунке 1. Как следует из рисунка, с 2019 по 2022 г. отсутствует какая-либо тенденция к увеличению или уменьшению суммы расходов на здравоохранение населения Мурманской области.

Так, сначала расходы на здравоохранение увеличиваются на протяжении периода с 2018 по 2021 г. В 2019 г. расходы по данной статье составили 8134,4 млн руб., что больше на 59,25% в сравнении с 2018 г. В 2020 г. темп прироста составил 43,41%, а расходы по статье «Здравоохранение» возросли до 11665,3 млн руб. Затем в 2021 г. расходы по статье «Здравоохранение» составили 7683,8 млн руб., то есть произошло снижение в 2021 г. на 34,13% по отношению к 2020 г. и увеличение в 2022 г. до 8561,9 млн руб. (на 11,43% по сравнению с 2021 г.).

Удельный вес расходов по статье «Здравоохранение» увеличивался во всем исследуемом периоде. В 2018 г. он составил 8,02%, в 2019 — 10,32 и в 2020 г. — 12,88%, то есть рост к 2019 г. составил 2,30 пп. и к 2020 г. — 2,56 пп. Расходы по статье «Здравоохранение» имеют удельный вес, равный 8,89% и 10,23% в 2021 и 2022 гг., то есть удельный вес по данной статье к 2021 г. снизился на 3,98 пп., а к 2022 г. увеличился на 1,34 пп.

Рассмотрим состав расходов по разделу «Здравоохранение» в консолидированном бюджете Мурманской области. Основными подразделами яв-

ляются расходы на: стационарную медицинскую помощь; амбулаторную помощь; медицинскую помощь в дневных стационарах; скорую медицин-

скую помощь; содержание донорской крови; другие вопросы, структура которых представлена на рисунке 2.

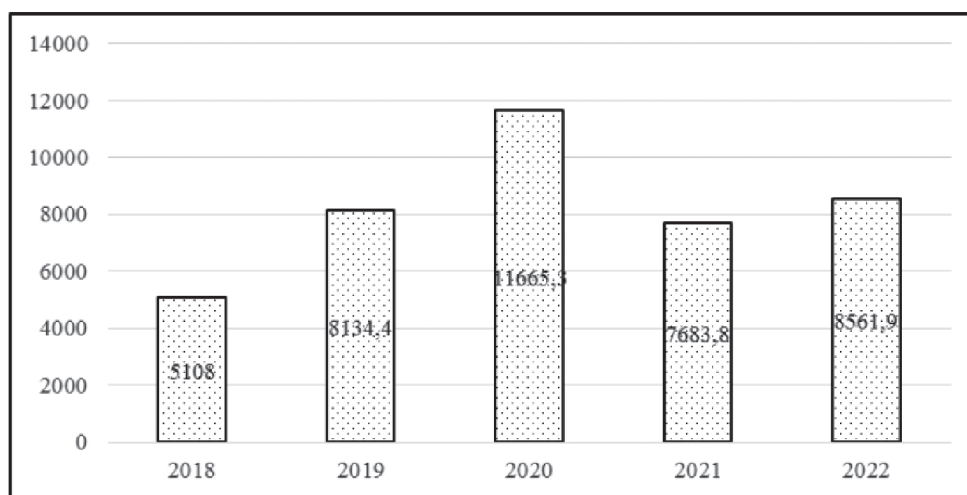

Рис. 1. Динамика расходов бюджета Мурманской области на здравоохранение, млн руб.

Рис. 2. Состав расходов по разделу «Здравоохранение» бюджета Мурманской области, млн руб.

Как следует из рисунка 2, наибольший удельный вес приходится на статью «Другие вопросы в области здравоохранения». В 2018 г. он составил 42,4% и к 2019 г. увеличился на 16,26 пп. К 2020 г. произошло снижение на 2,66 пп. до 56,01%. К 2021 г. планировалось снижение на 15,05 пп. до 40,96%. К 2022 г. рост составил 9,54 пп., и удельный вес по данной статье — 50,5%. Далее следуют расходы по статье «Стационарная медицинская помощь», удельный вес которой составил 27,33; 18,59; 23,21; 22,05 и 20,8% в 2018, 2019, 2020, 2021 и 2022 гг. соответственно, то есть к 2019 г. произошло снижение на 8,74%, к 2020 — рост на 4,62 пп., отмечено снижение на 1,17 пп. и 1,25 пп. к 2021 и 2022 гг.

Удельный вес по статье «Амбулаторная помощь» в 2018 г. составил 21,91% и снизился на 5,94 пп. до 15,97%. К 2020 г. удельный вес уменьшился на 0,39 пп. до 15,58%. Отмечено увеличение на 13,34 пп. к 2021 г. до 28,92%, а в 2022 г. — снижение на 7,45 пп. до 21,48%. На статью «Скорая медицинская помощь» приходится 3,62% всех расходов по разделу «Здравоохранение» в 2018 г. и к 2019 г. произошло снижение на 0,1 пп. до 3,51%. К 2020 г. — на 0,79 пп. до 2,71%. К 2021 г. произошло увеличение на 1,51 пп. до 4,24%, а к 2022 — снижение удельного веса на 0,21 пп. до 3,66%. По статье «Заготовка, переработка, хранение и обеспечение безопасности донорской крови и ее компонентов» удельный вес составляет 3,93; 2,67 и 2,02% в 2018,

2019 и 2020 гг. соответственно, то есть к 2019 г. произошло снижение на 1,25 пп., а к 2020 — на 0,65 пп. В 2021 и 2022 гг. удельный вес по данному подразделу составил 3,1 и 2,89% соответственно, то есть отмечено увеличение в 2021 году на 1,08 пп. и снижение на 0,21 пп. в 2022 г. По статье «Медицинская помощь в дневных стационарах всех типов» удельный вес на протяжении всего исследуемого периода составляет менее 1%. Так, расходы по статье «Стационарная медицинская помощь» в 2018 году составили 1396,1 млн руб. и увеличились к 2019 г. на 8,34% до 1512,55 млн руб. К 2020 г. произошел рост на 79,03% и расходы по данной статье составили 2707,99 млн руб. На амбулаторную помощь было выделено 11119,2 млн руб. в 2018 г., 1299,38 млн руб. — в 2019 и 1817,8 млн руб. — в 2020 г. Другими словами, темп прироста к 2019 г. составил 16,1%, а к 2020—39,9%. По статье «Медицинская помощь в дневных стационарах всех типов» расходы составили 41,6; 47,27 и 52,85 млн руб. в 2018, 2019 и 2020 гг., т. е. темп прироста по данной статье соответственно составил 13,64 и 11,8% к 2019 и 2020 гг. Расходы по статье «Скорая медицинская помощь» в 2018 г. достигли 184,7 млн руб. и увеличились на 54,78% к 2019 г. до 285,87 млн руб. К 2020 г. произошел рост на 11,15% до 317,75 млн руб. По статье «Заготовка, переработка, хранение и обеспечение безопасности донорской крови и ее компонентов» расходы в 2018, 2019 и 2020 гг. составили 200,5; 217,22 и 235,31 млн руб. соответственно, то есть темп прироста к 2019 г. составил 8,34%, а к 2020—8,33%. На другие вопросы в области здравоохранения было выделено 2166 млн руб. в 2018 г., 4772,09 млн руб. — в 2019 и 6533,65 млн руб. — в 2020 г. Таким образом, отмечается рост на всем исследуемом периоде на 120,32% к 2019 г. и на 36,91% к 2020 г.

В 2021 г. наблюдается снижение расходов по статье «Стационарная медицинская помощь» на 37,44% до 1694,01 млн руб., а в 2022 г. — увеличение на 5,13% до 1780,84 млн руб. По статье «Амбулаторная помощь» произошло увеличение к 2021 г. на 22,25% до 2222,26 млн руб., однако к 2022 г. зафиксировано снижение по данной статье на 17,26% до 1838,68 млн руб. Расходы по статье «Медицинская помощь в дневных стационарах всех типов» составили 56,68 млн руб. в 2021 и 58,66 млн руб. в 2022 г. Так, темп прироста по данной статье составил 7,25% к 2021 г. и 3,49% — к 2022 г. По статье «Скорая медицинская помощь» расходы к 2021 г. — 325,56 млн руб., то есть произошел рост на 2,46%, а к 2022 г. расходы по данной статье уменьшились до 313,21, произошел спад на 3,79%. Расходы по статье «Заготовка, переработка, хранение и обеспечение безопасности донорской крови и ее компонентов»

в 2021 г. составили 238,14 млн руб., по сравнению с 2020 возросли на 1,21%, а к 2022 г. отмечен рост на 3,74% до 247,06 млн руб. Другие расходы в области здравоохранения снижены к 2021 г. на 51,83% до 3147,17 млн руб., а к 2020-увеличились на 37,38% до 4323,44 млн руб.

Закон Мурманской области от 24.12.2020 № 2583–01-ЗМО «О бюджете территориального фонда обязательного медицинского страхования Мурманской области на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов» устанавливает, что денежные средства используются для выполнения следующих задач (табл. 2):

- выполнение целей и задач программы обязательного медицинского страхования населения Мурманской области с ежегодным финансированием из государственного бюджета федерального уровня управления;
- создание процесса дополнительного образования и повышения квалификации медицинского персонала в Мурманской области, финансируемого из бюджета региона;
- на обновление и ремонт оборудования в медицинских учреждениях Мурманской области с привлечением дополнительных источников формирования доходной части бюджета региона;
- компенсацию медицинским учреждениям региона упущенных доходов по причине изменения объемов, оказываемых населению платных медицинских услуг.

Как следует из данных, представленных в таблице 2, наибольший удельный вес представляют выплаты из фонда оплаты труда 69% в 2018 и в 2020 г., и 61% — в 2019 г.

О степени обеспеченности населения медицинским обслуживанием можно судить и по такому показателю, который не является индикатором, подлежащим мониторингу. Это заболеваемость на 1000 человек населения у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни. В РФ в 2019 г. таких пациентов было 780,2 на 1000 чел. населения, в 2020 г. их количество уменьшилось до 759,9 чел., или на 2,6%, и в 2021 г. произошел рост до 857,1 чел., или на 12,79%.

В Мурманской области заболеваемость населения с таким впервые установленным диагнозом составила 823,1 чел. в 2019 г., 783,1 — в 2020 и 920,2 чел. — в 2021 г., что превышает среднероссийскую величину показателя в 2019 г. на 5,5%, в 2020 — на 3,05 и в 2021 г. — на 7,36%. В Мурманской области, так же как и в РФ, заболеваемость населения в 2020 г. снизилась по сравнению с 2019 г. на 4,86%, а затем увеличилась в 2021 г. по отношению к 2020 на существенную величину, равную 17,51%.

Таблица 2

**Показатели выплат за счет средств Территориального фонда обязательного
медицинского страхования Мурманской области ГОБУЗ «Мурманская областная станция
скорой медицинской помощи», тыс. руб.**

Наименование показателя	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Всего	447178,834	470050,148	520837,959
Фонд оплаты труда	308564,765	290945,593	360567,315
Прочие несоциальные выплаты персоналу в денежной форме	4494,975	500,000	99,400
Прочие несоциальные выплаты персоналу в натуральной форме	0,000	15450,000	5639,654
Прочие выплаты	0,000	2050,000	1179,033
Начисления на выплаты по оплате труда	86498,183	88100,837	101922,093
Услуги связи	905,519	1302,750	924,495
Транспортные услуги	12,600	0,000	0,000
Коммунальные услуги	5675,300	11829,361	11309,250
Работы, услуги по содержанию имущества	1705,290	3252,296	2020,795
Прочие работы, услуги	4892,482	0,000	4732,280
Страхование	0,000	3061,868	783,085
Пособия по социальной помощи населению	0,000	600,000	0,000
Пенсии, пособия, выплачиваемые работодателями, нанимателями бывшим работникам	80,117	0,000	118,820
Прочие расходы	3345,907	0,000	2184,769

Итак, следует сделать вывод о том, что степень обеспеченности системы здравоохранения зависит не только от сумм финансирования, но и от системы управления финансовыми ресурсами. Поэтому руководителям бюджетных медицинских учреждений необходимо прогнозировать следующие показатели: заболеваемость населения на 1000 человек населения с диагнозом, установленным впервые в жизни; сумму доходов и расходов финансовых средств из всех источников; осуществлять текущий (процессный) контроль расходования финансовых средств. Кроме того, необходимо контролировать как бюджетную, так и внебюджетную деятельность с целью оценки эффективности использования средств на исполнение поставленных задач и функций деятельности медицинского

учреждения. Исследование показало, что степень обеспеченности системы здравоохранения финансовыми ресурсами остается неустойчивым, а деятельность медицинских учреждений практически полностью зависит от объемов государственного финансирования. Основной проблемой в данном случае является рациональное использование средств, в связи с чем необходимо совершенствовать финансовую политику, что позволит повысить не только эффективность использования финансовых средств из различных бюджетных источников, но и оказывать населению необходимые качественные медицинские услуги [8, 9].

Кроме того, целесообразно использовать зарубежный опыт управления системой здравоохранения [10].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бабкина Л. Н., Скотаренко О. В., Кузнецова Е. С. Состояние и возможности социального развития регионов Арктической зоны Российской Федерации // Микроэкономика. 2022. № 3 (104). С. 63–74.
2. Singh D. R., Sah R. K., Simhada B. et al. Opportunities and challenges of using collaborative design in research in the field of health services in low- and middle-income countries // Global health research and policy. No. 8. URL: <https://doi.org/10.1186/s41256-023-00290-6> (дата обращения: 28.06.2023).
3. Гасанова Ю. Н., Безденежных А. А. Качество жизни и здоровье человека в современном мире // Наука-2020. 2021. № 7 (52). С. 142–145.
4. Измайлова М. Секреты долголетия: почему в России увеличилась продолжительность жизни // Профиль. 18.04.2023. URL: <https://profile.ru/society/sekrety-dolgoletiya-pochemu-v-rossii-uvelichilas-prodolzhitelnost-zhizni-1298365/?ysclid=1h2c7o2uhh212037911> (дата обращения: 25.04.2023).

5. Потёмина Т. Е., Кузнецова С. В., Перешеин А. В., Самойлова О. Ю., Янушанец О. И. Качество жизни в здравоохранении: критерии, цели, перспективы // Российский остеопатический журнал. 2018. № 3–4. С. 98–106 (дата обращения: 25.04.2023).

6. Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402829258/?ysclid=lhev8nwdqy399912960> (дата обращения: 30.04.2023).

7. Регионы России. Социально-экономические показатели — 2022 г. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/regional_statistics (дата обращения 10.03.2023).

8. Тарасова Т. В. Проблемы системы здравоохранения в России // Молодой ученый. 2022. № 1 (396). С. 41–43. URL: <https://moluch.ru/archive/396/87635/> (дата обращения: 28.06.2023).

9. Лаврентьева М. А., Запечалова И. А. Актуальные вопросы здоровья населения и организации здравоохранения (на примере Российской Федерации и ФРГ) // Экономические исследования и разработки. 2018. № 11. URL: <http://edrj.ru/article/08-11-2018> (дата обращения: 28.06.2023).

10. Pan S. W. Transnational public and global health education in China // Global health research and policy. 2023. No. 8. URL: <https://doi.org/10.1186/s41256-023-00305-2> (дата обращения: 26.06.2023).

REFERENCES

1. Babkina L. N., Skotarenko O. V., Kuznetsova E. S. The state and possibilities of social development of the regions of the Arctic zone of the Russian Federation. *Microeconomics*. 2022. No. 3 (104). Pp. 63–74.

2. Singh D. R., Sah R. K., Simhada B. et al. Opportunities and challenges of using collaborative design in research in the field of health services in low- and middle-income countries. *Global health research and policy*. No. 8. URL: <https://doi.org/10.1186/s41256-023-00290-6> (date of access: 28.06.2023).

3. Gasanova Yu. N., Bezdenzhnykh A. A. Quality of life and human health in the modern world. *Nauka-2020*. 2021. No. 7 (52). Pp. 142–145.

4. Izmailova M. Secrets of longevity: why life expectancy has increased in Russia. Profile. 18.04.2023. URL: <https://profile.ru/society/sekrety-dolgoletiya-pochemu-v-rossii-uvelichilas-prodolzhitelnost-zhizni-1298365/?ysclid=lh2c7o2uhh212037911> (date of access: 25.04.2023).

5. Potemina T. E., Kuznetsova S. V., Pereshein A. V., Samoylova O. Yu., Yanushanets O. I. Quality of life in healthcare: criteria, goals, prospects. *Russian Osteopathic Journal*. 2018. No. 3–4. Pp. 98–106.

6. Unified plan for achieving the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2024 and for the planning period up to 2030: Decree of the President of the Russian Federation No. 474 of July 21, 2020. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402829258/?ysclid=lhev8nwdqy399912960> (date of access: 30.04.2023).

7. Regions of Russia. Socio-economic indicators-2022. Official website of the Federal State Statistics Service. URL: https://rosstat.gov.ru/regional_statistics (accessed: 10.03.2023).

8. Tarasova T. V. Problems of the healthcare system in Russia. *Young scientist*. 2022. No. 1 (396). Pp. 41–43. URL: <https://moluch.ru/archive/396/87635/> (accessed: 28.06.2023).

9. Lavrentieva M. A., Zapevalova I. A. Topical issues of public health and healthcare organization (on the example of the Russian Federation and Germany). *Economic research and development*. 2018. No. 11. URL: <http://edrj.ru/article/08-11-2018> (date of access: 28.06.2023).

10. Pan S. W. Transnational public and global health education in China. *Global health research and policy*. 2023. No. 8. URL: <https://doi.org/10.1186/s41256-023-00305-2> (date of access: 26.06.2023).

Поступила в редакцию: 04.07.2023.

Принята к печати: 28.07.2023.

УДК 332:378.4 (470)

DOI 10.14258/epb202333

МОЛОДЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ РОССИИ: СОЗДАНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ, РОЛЬ КОЛЛЕКТИВА И ЛИЧНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ ЛУЧШИХ УНИВЕРСИТЕТСКИХ ТРАДИЦИЙ И ПРАКТИК

В. И. Беляев, В. В. Мищенко, О. Ю. Рудакова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В статье освещаются вопросы создания и развития молодых университетов. Отмечаются важные исторические аспекты формирования и развития высшего образования как в европейских странах, так и в России. Представлена и рассмотрена классификация факторов развития университетов. Выделены две группы факторов: сугубо внешние (политические, материальные, финансовые) и факторы, источниками ресурсов для формирования которых являются как внешние, так и внутренние возможности университетов (социально-культурные, интеллектуальные факторы). Определены продукты, производимые университетами: индивидуальный интеллектуальный капитал и социально значимый общественный капитал, научные знания, культура. Установлено, что культура создается и передается студентам университетов их профессорско-преподавательским составом и покидает университет вместе с выпускниками, создавая во внешней среде репутацию университету. При этом, покидая университет, культура, вместе с тем, остается и в университете. В этом случае она выполняет функцию фактора его развития.

Ключевые слова: молодой университет, продукты университета, факторы развития университета, культура университета, интеллектуальный капитал университета.

YOUNG UNIVERSITIES OF RUSSIA: CREATION AND FORMATION, THE ROLE OF THE STAFF AND INDIVIDUAL IN THE FORMATION OF THE BEST UNIVERSITY TRADITIONS AND PRACTICES

V. I. Belyaev, V. V. Mishchenko, O. Yu. Rudakova

Altai State University (Barnaul, Russia)

The article highlights the issues of creation and development of young universities. Important historical aspects of the formation and development of higher education are noted, both in European countries and in Russia. The classification of university development factors is presented and considered. Two groups of factors are singled out: purely external (political, material, financial) and factors, the sources of resources for the formation of which are both external and internal capabilities of universities (socio-cultural, intellectual factors). The products produced by universities are defined: individual intellectual capital and socially significant social capital, scientific knowledge, culture. It has been established that culture is created and transmitted to university students by their faculty and leaves the university together with graduates, creating a reputation for the university in the external environment. At the same time, leaving the university, culture, at the same time, remains at the university. In this case, it performs the function of a factor in its development.

Keywords: young university, university products, university development factors, university culture, university intellectual capital.

Введение. Все университеты можно подразделить на молодые и старые. К старым, например, относится Болонский университет, отметивший свое 900-летие в 1988 г., и многие другие университеты Европы.

В России в категорию старых следует отнести Московский государственный университет (МГУ) им. М. В. Ломоносова; в 2005 г. он отпраздновал свое 250-летие, и Томский государственный университет (ТГУ), основанный в 1878 г. и приближающийся к своему 140-летию. Старыми их следует назвать не только потому, что они насчитывают более сотни лет своей деятельности, но и потому что они являются первыми в нашей стране: МГУ — первый в России университет; ТГУ — первый российский университет в Сибири.

Признаками старых университетов следует назвать наличие у них сложившихся уникальных традиций, накопленного опыта, ценностных ориентиров, культуры, истории, эффективных практик преподавания, исследований. Для старых университетов это является интеллектуальным капиталом, социально-значимым культурным фактором их дальнейшего развития и роста. Для молодых же — образцом для подражания. В качественном отношении именно это и отличает молодые университеты от старых. Объединяет же их в единую корпоративную общность род деятельности.

Университет: содержание деятельности. Содержание деятельности университета отражено в определении, сформулированном в 1988 г. при определении целей и задач Болонского процесса. Из него следует, что университет, находясь «в сердце различно организованных обществ и в силу различных географических условий и различий исторического развития, представляет собой автономное учреждение, которое критическим образом создает и распространяет культуру через научные исследования и образование. Чтобы адекватно реагировать на нужды современного мира, он должен иметь моральную и интеллектуальную независимость по отношению к любой политической и экономической власти, реализуя свою деятельность в области исследований и образования» [1]. Таким образом, можно назвать две функциональные сферы, в которых университет осуществляет свою деятельность — образование и наука. При этом, как подчеркивается во второй статье устава Великой Хартии Университетов, «учебный процесс в университетах должен быть неотделим от исследовательской деятельности с тем, чтобы преподавание... было на уровне, отвечающем эволюции как потребностей общества, так и требованиям, предъявляемым к научным знаниям» [2]. Подбор профессорского состава также должен

«происходить в соответствии с принципами неотделимости исследовательской деятельности от преподавательской» [3].

Алтайский государственный университет: место в корпоративной структуре университетского сообщества России, история создания, становления, развития. Можно выделить две волны создания молодых университетов в РФ. Первая из них охватывает период с 1973 по 1990 г., когда было создано 28 университетов. Во вторую волну (с 1991 г. по настоящее время) был создан 31 университет, в том числе 24 — в Москве с пригородами (Пушино, Дубна) и четыре — в Санкт-Петербурге.

В настоящее время в РФ насчитывается 373 университета, 69 из них относится к молодым университетам, каждому из которых нет еще и 50 лет. География молодых университетов следующая: 22 — в Москве, пять — в Санкт-Петербурге, 42 — в регионах (восемь из которых не в столицах субъектов РФ).

В классическом понимании университет, в отличие от института или академии, предоставляет: 1) более широкий спектр направлений подготовки и послевузовской переподготовки обучающихся, при этом в рамках одного факультета они могут быть разноплановыми; 2) осуществляет научную деятельность как теоретического, так и прикладного характера [4].

Из 69 молодых университетов России к классическим, в соответствии с вышеназванными критериями, можно отнести только 36, из них 12 были созданы в 1973–1990 гг., все в областных (краевых) центрах.

Во вторую волну (1991 г. — по н. в.) молодые классические университеты были созданы прежде всего в Москве (девять) и Санкт-Петербурге (два). Остальные — узкопрофильные (аграрные, медицинские, технические и т. п.). Все они создавались практически с нуля (кроме Ленинградского государственного университета). В регионах новые классические университеты (15) создавались в результате реорганизации уже действующих высших учебных заведений, за исключением Сургутского (1993 г.) и Ингушского (1994 г.).

Алтайский государственный университет (АлтГУ) был открыт в 1973 г. Особенность его становления — развитие с «нуля», то есть не на базе какого-то вуза региона, например, педагогического института (так было в ряде областей, в частности, Кемеровской). В первый год план набора был определен в 300 студентов на трех факультетах: историческом, экономическом, юридическом и только по очной форме обучения. В основу первого профессорско-преподавательского состава вошли ученые Томского и Новосибирского государствен-

ных университетов, Барнаульского юридического факультета Томского университета [5].

Выделяются следующие вехи в развитии Алтайского государственного университета:

1973–1983 гг. — становление и формирование профессорско-преподавательского ядра коллектива университета, создание основ материально-технической базы. В 1983 г. АлтГУ уже включал в себя восемь факультетов, 29 кафедр, 275 преподавателей. Университет располагал тремя учебными корпусами, тремя общежитиями.

1983–1993 гг. — АлтГУ выходит на позиции классического университета в сфере образования. В 1993 году он состоит из 10 факультетов и отделений, 54 кафедр. Среди ППС два члена-корреспондента РАН, 39 докторов наук и профессоров. В 1991 г. открыт первый диссертационный совет.

В период 1993–2003 гг. — АлтГУ становится лидером в сфере образования. На конец этого периода в вузе функционировало 15 факультетов и два отделения, 81 кафедра, шесть филиалов.

В АлтГУ работают семь докторских и шесть кандидатских диссертационных советов. Обучается 16000 студентов по 56 специальностям и направлениям. Численность ППС — более 700. 26 декабря 2000 г. состоялось торжественное открытие нового 9-этажного административно-учебного корпуса.

К 45-летию (2018 г.) АлтГУ вошел в число ведущих вузов России. Функционируют 11 факультетов и два института, четыре филиала, колледж. В 2011 г. в АлтГУ прошел Всероссийский студенческий форум с участием Президента РФ Д. А. Медведева и министра образования и науки А. А. Фурсенко.

Важным достижением стало утверждение в 2011 г. программы стратегического развития на пятилетний период в числе 55 университетских программ — победителей конкурса Минобрнауки РФ.

В АлтГУ сформировались коллективы ученых, конкурентоспособных на федеральном и международном уровнях в лице прежде всего трех научных школ по археологии (руководитель Ю. Ф. Кирюшин), социологии (С. Г. Максимова) и ботанике (А. И. Шмаков), признанных Советом при Президенте РФ ведущими научными школами.

В 2013 г. под эгидой университета создана Ассоциация азиатских университетов. В нее входят 50 вузов из восьми стран. АлтГУ стал головным вузом Университета ШОС.

Произошли количественные и качественные изменения в инфраструктуре: собственностью АлтГУ стал учебный корпус на 2,2 тыс. кв. м. и общежитие № 3, базы практик «Чемал» и «Голубой утес». В 2018 г. запустили в эксплуатацию студенческий жилой комплекс на 1000 мест.

В настоящее время в АлтГУ в девяти институтах (истории и международных отношений; экономики, менеджмента и информационных систем; юридическом, математики и информационных систем; цифровых технологий, электроники и физики; химии и химико-фармацевтических технологий; биологии и биотехнологии; географии; гуманитарных наук), а также колледже и трех филиалах (Белокурихинский, создан в 1996 г., Бийский, 2001 г. и Рубцовский, 1996 г.) обучается более 17000 студентов и аспирантов, в том числе 2000 иностранных из 30 стран мира, 3000 студентов СПО. Обучение в университете ведется по более 300 образовательным программам, действует 70 сетевых программ с ведущими вузами, около 40 программ подготовки кадров высшей квалификации. Работает более 600 высококвалифицированных преподавателей и ученых, включая 144 докторов наук, профессоров [6].

Факторы развития молодых университетов: общая характеристика. Любая общественная структура, в том числе и образовательные учреждения, не могут не развиваться [7, с. 122–131]. По признаку источников и сфер проявления факторы развития университетов можно сгруппировать в две группы: сугубо внешние, и факторы, которые имеют и внешние, и внутренние источники. К сугубо внешним относятся материальные, финансовые политические факторы. Интеллектуальные и социально-культурные — к внешним и внутренним.

Если вести речь о значении личности и коллектива в развитии университетов, то следует заметить, что внешние факторы не зависят от влияния профессорско-преподавательского состава на их источники, в то время как интеллектуальные и культурные факторы непосредственно связаны и с действиями отдельных индивидуумов, и с взаимодействиями их друг с другом при осуществлении образовательных и исследовательских процедур. Поэтому если вести речь о «формировании лучших университетских традиций и практик», основное внимание рекомендуется сосредоточить на группе социально-культурных и интеллектуальных факторов, но рассматривать их нужно в зависимости от количественных и качественных параметров материальных, финансовых и политических факторов.

Внешние факторы развития университетов. Очевидно, что эти факторы формируются в исторической ретроспективе. Поэтому влияние сугубо внешних факторов на создание и развитие университетов можно рассмотреть на примерах из прошлого. Так, из истории развития высшего образования в России, как уже отмечено выше, следует, что первый университет — МГУ — был создан в 1755 г. Это была уже вторая попытка организа-

ции высшего образования в нашей стране. Первая успехом не увенчалась. Ее инициатором был Петр I (1672–1725). В ходе Великого посольства в Европу (1697–1698), он, кроме всего прочего, загорелся желанием создать в России академию наук и университет одновременно. По этому поводу у него была дискуссия с В. Г. Лейбницем (1646–1716), который был как бы платным консультантом царя в деле создания и развития в нашей стране образования и науки. Г. В. Лейбниц предлагал ему сначала создать университет, подготовить научную элиту, которая бы и составила интеллектуальную основу российской академии наук; это выглядело логично. Но Петр I думал по-иному. И, несмотря на то, что его отвлекали другие дела, о необходимости учреждения научных и образовательных структур в государстве он не забыл. По его инициативе Указом сената от 28 января (8 февраля) 1724 г. российская академия наук была создана. В то же время был учрежден и первый российский университет. Однако он просуществовал всего лишь до середины XVIII в. Причина неудачи, по справедливому суждению профессора А. А. Аузана, заключается в игнорировании социально-культурных факторов, комплексного системного подхода к обоснованию решения о создании одновременно и академии наук, и университета в нашей стране не было [3]. Не была учтена сословная структура населения (социально-культурный фактор). В университете принимали только детей дворян, которые отнюдь не стремились к постижению научных истин. По меткому замечанию А. А. Аузана, университет превратился «в туристическое агентство» для детей богатых дворян, которые уезжали в Европу получать образование, но на деле преследовали другие цели; по окончании обучения в Европе далеко не все из них вернулись в Россию. Болонская система образования, имея целью «унификацию образовательных систем и политики развития европейского университетского сообщества», создав возможность обучения студентов в разных учебных заведениях Европы, по отношению к современной России¹ выполняла, по сути, ту же функцию: способные выпускники бакалавриата российских вузов могли продолжить обучение в магистратурах европейских университетов — и делали это — и мно-

гие из завершивших обучение, как и некоторые из, как бы, «птенцов гнезда Петрова»², предпочли остаться в Европе.

Политические факторы в организации и развитии университетов выражаются в форме управленческих решений, в выработке конкретных требований к организации учебного и исследовательского процессов. Очевидно, что политические факторы являются изначальными и определяющими — быть или не быть университету, быть или не быть программе развития университета. По этой причине политические решения должны быть взвешены и по другим перечисленным выше факторам. Очевидно, что игнорирование социально-культурных факторов при обосновании политического решения по созданию университета в Санкт-Петербурге в первой половине XVIII в. и обусловило неудачу.

Большое значение, естественно, имеет ресурсный фактор. А именно материальная база: здания, сооружения, оснащенность учебного и исследовательского процессов, финансирование формирования и развития ресурсной базы университета и источники финансирования. Рассматривая вопрос, касающийся источников финансирования университетов, А. А. Аузан оттолкнулся от изначальных позиций известных исторических личностей. Так, А. Смит (1723–1790) полагал, что содержать профессоров должны студенты. Автор «Исследования о природе и причинах богатства народов» (1776), более 25 лет размышлявший о формировании благосостояния индивидуумов и общества, исходил из того, что в процессе обучения молодой человек получает приращение частного человеческого капитала, который он затем реализует на рынке труда за заработную плату. По его теории получается, что университеты производят частное благо в форме индивидуального человеческого капитала, следовательно, обучающиеся и должны оплачивать труд преподавателей, а также содержание и развитие материальной базы учебных заведений.

По-иному, как свидетельствует А. А. Аузан, воспринимал и объяснял деятельность университетов Наполеон Бонапарт (1769–1821). По его представлениям, университеты производят не только индивидуальное благо; они создают и общественное социально-значимое благо в форме общественно-

¹ Россия к Болонскому процессу присоединилась в 2003 г., но спустя двадцать лет в 2023 г. вынуждена была отказаться от участия в нем.

² Конечно, студентов несостоявшегося первого университета нашей страны, уехавших в первой половине XIX в. на обучение в европейские университеты, назвать «птенцами гнезда Петрова» можно только весьма условно, ибо А. С. Пушкин (1799–1837) в поэме «Полтава» (1829) отнес к таковым ближайших соратников Петра I по битве под Полтавой, а именно генералов, участвовавших в ней («...и Шереметьев благородный, и Брюс, и Боур, и Репнин...»). Но поскольку уехавшие в Европу студенты первоначально учились в университете, инициатором создания которого был Петр I, то отождествление их с «птенцами гнезда Петрова» допустимо, хотя и с некоторой натяжкой. Что же касается наших современников, которые по окончании обучения в зарубежных вузах предпочитают остаться там, где учились, то они, конечно, никакие не «птенцы гнезда Петрова»; они просто «перелетные птицы», или «рыбы, которые ищут где глубже», и которых ловят на наживку мнимых европейских ценностей «болонские рыбаки».

го человеческого капитала, реализация которого в общественной социально-экономической среде и обуславливает функционирование и развитие общества. Из его теории следует, что государство не должно устраняться от финансирования функционирования и развития университетов.

Социально-культурные и интеллектуальные факторы развития университетов. Содержание этих факторов, их роль в развитии университетов, как старых, так и молодых, сформулировал и объяснил В. Гумбольдт (1767–1835), основатель Берлинского университета (1809). Его подход отражен в определении университета, представленном в уставе Великой Хартии. Из этого определения следует, что университеты производят не только социально-значимые блага в форме профессиональных кадров для производственной жизнедеятельности общества; они образуют и культуру, морально-нравственные ценностные ориентиры и поведенческие установки обучающихся и, таким образом, завершают социализацию представителей молодого поколения, начатую в семьях, в детских дошкольных учреждениях, в школах. Таким образом, подход В. Гумбольдта предполагает синтез результатов анализа всех перечисленных выше факторов, обуславливающих функционирование и развитие университетов, сосредоточивая внимание на социально-культурных и интеллектуальных условиях. Исходить в этом синтезе нужно из того, что университет производит и воспроизводит культуру, которая формирует и отражает образ университета в общественном сознании.

Поскольку в определении университета отмечена и интеллектуальная деятельность, следовательно, он производит и новые научные знания. Создавая их, университет накапливает уникальный опыт производства знаний, который прямо и непосредственно влияет не только на укрепление его интеллектуальных ресурсов, но и социально-культурного фактора. Таким образом, в обобщенном виде продуктами, производимыми университетами, являются культура и знания, формирующие интеллектуальный капитал. Они же являются и факторами развития университетов. Получается, что любой отдельно взятый университет, производя эти продукты, осуществляет и создание факторов (условий) для своего развития. В итоге, с одной стороны, и то, и другое, как продукты, включается в общественное потребление, а с другой — и то, и другое остается в университете и используется его менеджментом в качестве специфических факторов его развития.

Организационные (корпоративные) культуры: содержание и структура, методы и подходы к формированию. Культура организации представляет собой то, что подчеркивает различия

в трудовом поведении работников в одинаковых по выпускаемому продукту и применяемым технологиям условиях производства. В связи с этим Эдгар Шейн организационную культуру определил как систему «коллективных базовых представлений, приобретаемых [ее членами] при разрешении проблем адаптации к внешней среде и внутренней интеграции, которые доказали свою эффективность и поэтому рассматриваются новыми членами группы в качестве правильной системы восприятия, мышления и чувствования в отношении названных проблем» [8, с. 31–32]. Основным их источником являются национальные культуры, но и не только. Отдельные черты, характеристики организационных культур появляются под воздействием конкретных обстоятельств, которые по-разному воспринимаются, а следовательно, по-разному и проявляют себя в разных организациях, в том числе и одной отраслевой принадлежности; и университеты здесь не являются исключением. В этом случае можно говорить о том, что организационная культура конкретного университета является уникальной.

Организационные культуры имеют определенную структуру. Выделяют следующие составляющие организационных культур: традиции, мифы, нормы и правила трудового поведения, общения, ценностные ориентиры, а также ограничения на некоторые действия, поступки, решения. Некоторые из структурных элементов культур приобретают форму официальных регламентов, то есть они официально задокументированы и их исполнение контролируется менеджментом. Такие официальные элементы культур иногда называют кодексом организационной культуры. А есть нормы, правила поведения, ценности, которые официально не оформлены, не задокументированы, но они сформулированы, восприняты работниками, влияют на поведение людей, причастных к этой культуре; следовательно, определяют результаты организации. Таким образом, все структурные элементы организационных культур можно подразделить на две большие группы: писанные, то есть официально оформленные регламенты, и неписанные нормы, правила поведения, ценностные ориентиры.

Считается, что автором термина «корпоративная культура» и инициатором деления структурных составляющих культур на писанные и неписанные является известный немецкий военный теоретик К. фон Клаузевиц (1780–1831). По некоторым свидетельствам, кроме воинских уставов и регламента офицерских судов чести, он ввел в состав культуры поведения членов офицерской корпорации неписанные (но сформулированные и неофициально принятые) правила проведения дуэльных поединков. Истоками писанных правил корпоративных куль-

тур в Западной Европе, очевидно, следует назвать Магдебургское право, предписывающее нормы поведения членам цеховых структур в пределах своих цеховых корпораций (обувщики, булочники и др.); очевидно, внутри цеховых структур были и неписанные правила поведения, взаимоотношений, взаимодействий. Скорее всего, К. фон Клаузевиц, проецируя неписанные нормы культуры офицерской корпорации, использовал метод аналогий.

Формирование организационных культур в молодых университетах. Писанные и неписанные методы формирования внутриорганизационной культуры трудового поведения применяются и в формировании университетских организационных культур. Неписанные правила и нормы организационной культуры в университетской среде, которые могут придать культуре черты уникальности, формируются на кафедрах в процессе живого человеческого общения преподавателей между собой, в аудиториях при общении преподавателей со студентами. Э. Шейн, обращая на это внимание, утверждает, что значительная роль в формировании таких правил принадлежит лидеру [8, с. 27, 183–321]. По его мнению, создание и развитие культуры, формирующей привлекательный образ организации, является самой важной задачей лидера. Для университета создаваемая в его рамках культура является уникальным продуктом и фактором: вместе с выпускниками, воспринявшими эту культуру, она распространяется в общественном пространстве; но при этом она одновременно остается и в университете, в том числе и в неявном виде в структуре социально-трудовых отношений работников. В первом случае она формирует репутацию университета во внешней среде. Во втором — она является фактором для дальнейшего развития университета, придания ему уникальных характеристик. Таково значение этого продукта-фактора. И ведущая роль в укреплении и развитии этого продукта-фактора, по утверждению Э. Шейна, принадлежит лидеру. Кто же в университете может быть таковым лидером, который формирует его внутреннюю культуру?

Лидера часто воспринимают как человека, наделенного властью и обладающего признанным авторитетом, способного сформировать команду и повести ее за собой. Лидер формирует и транслирует базовые элементы организационной культуры университета — ценности, традиции, обычаи, является инициатором изменений культуры, включая символику ее проявления внутри и за пределами университета.

Иерархию формальных лидеров университетской культуры, определяющих ее параметры, трансляцию и поддержание в деловой среде, обеспечивая, с одной стороны, решение стратегических

задач, с другой — формирование и укрепление образа университета, можно представить следующим образом:

- 1) все менеджеры верхнего уровня управления (ректор, проректоры по различным функциональным направлениям);
- 2) деканы факультетов (директора институтов) и их заместители;
- 3) заведующие кафедрами;
- 4) преподаватели.

Лидеры формирования культуры университета являются ее носителями; они, реализуя функционально-ролевую модель поведения, согласно должностным инструкциям и организационной структуре, создают социально-психологический климат и передают содержание культурных ценностей в вертикальных и горизонтальных коммуникациях.

Диагностика культуры университета по модели К. Камерона и Р. Куинна [9, с. 61–99], как вектора поведения и трудовой деятельности всех участников (сотрудники, преподаватели, студенты, административно-управленческий персонал), позволяет построить ее типовой (усредненный) профиль с позиции текущего (фактического) и желаемого (формального, регламентируемого) состояния. Лидеры и носители культуры постоянно находятся в состоянии выбора между приоритетами развития организации по отношению к внешней среде (внутренний фокус и интеграция или внешний фокус и дифференциация) и наилучшей организацией бизнес-процессов, способствующих достижению целей (гибкой и дискретной или стабильной и контролируемой организационной структуры). Это приводит к тому, что в различные периоды жизни университета в той или иной степени проявляются различные характеристики культуры:

- клановость в форме поддержки развития личности внутри организации и сплоченности ее носителей;
- инновационность с содействием динамике, творчеству, новаторству, проектированию;
- рыночность с ориентацией на коммерческие результаты и поддержку конкурентной борьбы;
- иерархичность, выраженная в значительной структурированности и формализованности.

Если на этапе становления и роста качественные характеристики культуры университета ориентированы на сплоченность, сбалансированное развитие всех ее участников, поддержку творческого и инновационного проявления, то на этапе зрелости и спада можно наблюдать преобладание формализованности в решении задач, что ограничивает гибкость института в научно-исследовательском развитии, превалирование в целевых установках

коммерческой составляющей, что становится препятствием в развитии творческой составляющей, инновационной активности, поддержке значимости роли преподавателя как основного поставщика знаний в образовательном процессе, и как производителя знаний — в научно-исследовательском.

Культура университета — самый сложный и медленно трансформирующийся объект, напрямую обусловленный ценностно-целевой моделью самого университета и его лидеров, масштабами и направлениями деятельности (образовательная, научно-исследовательская, консультационная, воспитательная). Она создается и развивается в условиях изменений экономических, политических и социальных приоритетов, национальных стратегических задач и целей социально-экономического развития, образовательной и научной деятельности, которые становятся факторами и условиями, определяющими цели деятельности университета и его внешний облик в общем социально-экономическом пространстве.

На основе базовых представлений о мире и реальности, о провозглашаемых ценностях, внешних проявлениях культуры университета в дальнем и ближнем окружении, стиля лидерства и управления, стратегических целей и определяемых критериев успеха, можно сделать вывод о вероятном конфликте и несоответствии в фактических и регламентируемых параметрах культуры университета, особенно заметных в переходные периоды (например, в период перевода студентов на дистанционное обучение, а преподавателей на дистанционный режим работы, в связи с необходимостью предотвращения распространения коронавирусной инфекции, или в период перехода к цифровой экономике, требующей быстрой перестройки организационных процессов, либо в периоды значительного изменения целевых ориентиров в сторону коммерциализации результатов деятельности). Именно поэтому мы видим прямую пропорциональную зависимость в параметрах связующих культурных ценностей в процессах взаимодействия членов вузовского коллектива.

Роль и значение лидера в формировании культуры университета как в части писаных, так и неписаных ее правил поведения можно проследить посредством анализа ролевой структуры того или иного лидера, представляющего собой либо администрацию университета (факультета), либо профессорско-преподавательский состав. Методологию и порядок проведения такого анализа предлагается рассмотреть на примере ролевой структуры преподавателя университета.

Моделирование ролевого поведения преподавателей в процессах формирования организационной культуры университета. Очевид-

но, что многие неписанные ценностные ориентиры, составляющие сущностную основу организационных культур, проявляются в поведении людей, в отдельных поступках. Наблюдающие за ними (коллеги, участники процесса) могут воспринимать или не воспринимать формы проявления этой сущностной основы. И в том, и в другом случае они становятся вольными или невольными субъектами формирования неписаных и не предписываемых правил поведения в обществе. Так и укореняются в организационную (и не только в организационную) культуру неписанные нормы и правила поведения людей, формирующие общественные отношения, составляющие ее (культуры) сущностную основу, проявляющуюся на поверхности явлений в соответствующих ценностным ориентирам формах поведения людей. Также формируется (производится) в университетских аудиториях и та культура, которая, говоря образно, предназначена «навынос». И лидером в ее производстве является преподаватель. Входя в студенческую аудиторию, он, вольно или невольно, осознанно или неосознанно, становится лидером в формировании неписаных правил поведения, являющихся элементами организационной (и не только организационной) культуры. На него смотрят, его слушают, понимают (или не понимают), воспринимают (или не воспринимают). В общем и целом — и по терминологии Э. Шейна, и по существу — он лидер, формирующий культуру в студенческой среде, которая и предназначена «навынос». Таким образом, преподаватель, как личность, должен беспокоиться о том, что «вынесут» из его общения те, которые скоро отправятся в «жизненное путешествие» по внешней среде; что они «понесут» и «принесут» во внешнюю среду, какое мнение об университете во внешней среде они будут формировать своим трудовым общественным поведением.

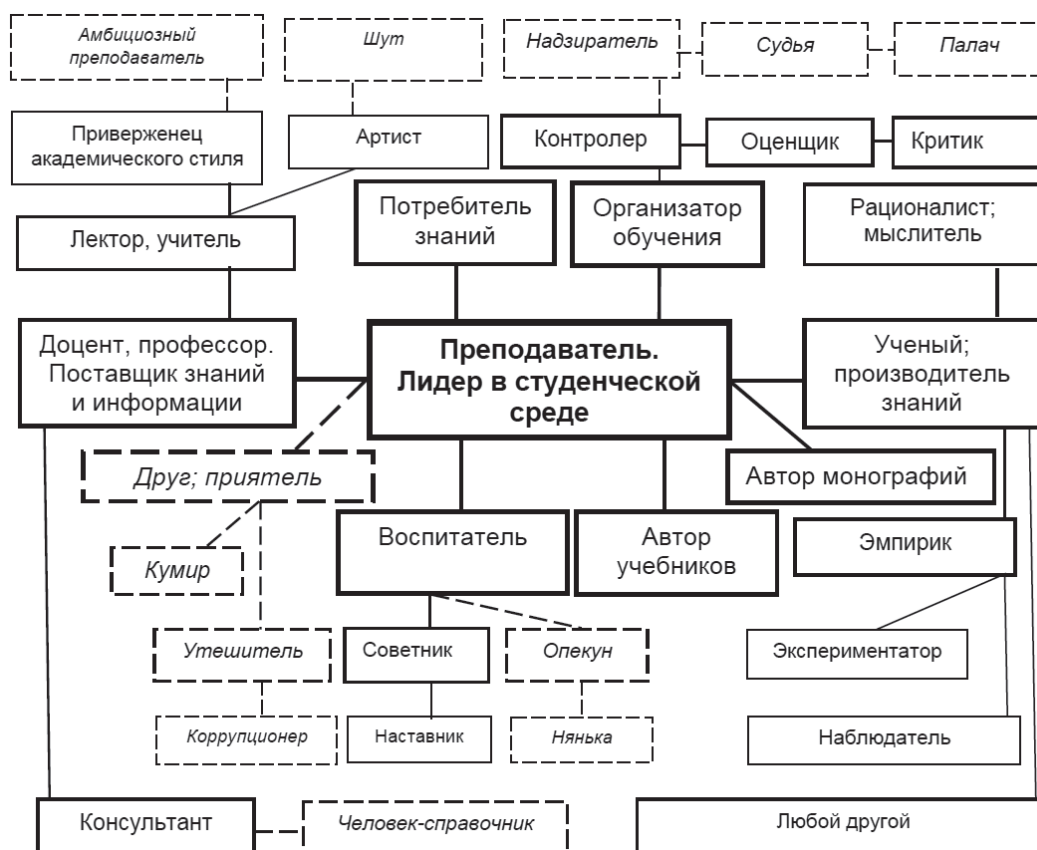
Как преподаватели это, вольно или невольно, делают? Социальный психолог Ч. Хэнди в объяснении решения этих задач использовал теорию ролей [10, с. 2–14]. Ее суть сводится к представлению структуры поведения индивидуума в форме ролей, которые он вынужден исполнять в решении производственных задач. Истоки этой концепции, очевидно, следует искать в комедии У. Шекспира «Как вам это понравится». В уста одного из ее героев он вложил следующую фразу: «Мир — театр. В нем женщины, мужчины — все актеры. У каждого есть вход и выход свой. И человек один и тот же роли различные играет в пьесе, где семь действий есть...» [11, с. 116]. Согласно У. Шекспиру, все люди в общественной жизни вынуждены играть разные роли; причем они в одном действе могут исполнять не одну роль. Г. Минцберг, исследуя содержание труда менеджера, также пришел

к выводу, что, осуществляя руководство людьми менеджер отнюдь не только решает группу функциональных задач, как это определил А. Файоль (1841–1925) [12, с. 103–108], но и, решая их, исполняет одну из десяти названных им ролей [13, с. 36–48]. Очевидно, на шекспировском принципе основана и ролевая теория социальной психологии, которую и использовал Ч. Хэнди в объяснении формирования организационных культур;

эту теорию можно применять и в объяснении формирования культуры университета, опираясь при этом и на суждения Э. Шейна о том, что режиссером в этой ролевой структуре является лидер, личность, преподаватель.

Ролевая модель преподавателя вуза, как лидер в студенческой аудитории, где закладываются основы культуры в форме неписаных ее элементов, представлена на рисунке [14, с. 174–182].

Ролевая модель преподавателя вуза

Графическая модель ролей преподавателя в общении со студентами является многоуровневой. Уровни выделены по критерию конкретизации роли. Так, роль ученого, как производителя новых научных знаний (второй ролевой уровень), может быть конкретизирована по признаку применимых методов познания и критериев оценки новых знаний на истинность на эмпириков (от греч. эмпирио — опыт) и рационалистов (от лат. ratio — разум): эмпирики в своей познавательной деятельности опираются на опыты и эксперименты, критерием истины для них является практика; рационалисты полагают, что новые знания появляются в процессе размышлений; критерием истины является разум.

Содержание той или иной роли преподавателя в процессе его трудовой деятельности развивается.

Иногда такое развитие может привести к перерождению позитивных моментов той или иной роли в негативные моменты. Например, развивая свою роль лектора, преподаватель, представляя учебный материал, применяет примеры из литературы, обыденной жизни, сценического искусства и др. Он становится мастером своего дела, артистом; его интересно слушать, и это, естественно, хорошо. Однако если преподаватель переусердствует с применением развлекательных моментов в своих лекциях, из артиста он может превратиться в шута. Очевидно, что такие ролевые трансформации не могут не сказываться на формировании культуры студентов, которые «вынесут» ее за пределы университета, формируя мнение о нем во внешней среде.

Некоторые роли могут изначально оказаться негативными. На рисунке в качестве такой роли

обозначено формирование дружеских отношений между преподавателем и студентами, конкретизация которых может привести к возникновению коррупционных взаимодействий.

Содержание каждой роли не может не оказывать влияния на мнения студентов об университете, на формирование их ценностных ориентиров, определяющих их поведение в общественной среде. Это влияние может быть как позитивным, так и негативным. Модель поведения преподавателя в отношении со студентами определяет и результат в производстве культуры «навынос».

На рисунке представлен общий вид ролевой модели преподавателя; ее рекомендуется воспринять как образец для построения реальной модели, отражающей содержание сложившихся ролевых стереотипов поведения преподавателей в пределах факультета или кафедры. Если ролевая модель будет точно отражать реальное положение дел на факультете (кафедре), можно выявить ее слабые стороны, обнаружить негативные ролевые позиции. По результатам такого анализа можно построить идеальную модель ролевого поведения преподавателей и наметить программу перехода от реальной модели к идеальной. Основная цель такой трансформации — формирование эффективной и результативной культуры, которая «уйдет» из университета вместе с выпускниками как продукт труда преподавателей и будет формировать общественное мнение, репутацию и имидж университета во внешней среде; а уходя, она вместе с тем останется в университете и может использоваться как фактор его развития.

Определяющими в формировании ролевой модели преподавателя являются его личные ценностные установки, их сходства и различия с ценностями университетской культурной среды, социально-психологического климата университета, складывающегося в процессах административных воздействий на труд преподавателей.

Формирование и использование интеллектуального капитала университета. Как и культура, интеллектуальный капитал университета представляет собой и продукт труда работников университета, и фактор дальнейшего его развития. На начальных этапах становления молодого университета источником интеллектуального капитала является внешняя среда; другие вузы города, страны. Так, первоначальный интеллектуаль-

ный капитал АлтГУ, как уже упоминалось выше, формировался посредством привлечения на работу ученых ТГУ, Новосибирского государственного университета. Источниками первоначального накопления интеллектуального капитала следует назвать также и аспирантуры старых вузов, куда могут направляться первые выпускники молодых университетов с целью получения ученой степени.

По мере накопления первоначального интеллектуального капитала молодого университета должны включаться механизмы и его накопления посредством производства новых научных знаний и приобретения исследовательского опыта работающими преподавателями. Речь идет об активном участии профессоров и доцентов в исследовательской работе по грантам, а также и в исследованиях по заказам предприятий, организаций на договорной основе.

Эффективное применение интеллектуального капитала университета, учитывая неотделимость результатов его образовательной и научной деятельности от человека, создающего его, определяется выбором наиболее подходящих инструментов управления человеческим капиталом, с одной стороны, ориентированных на формирование благоприятной инфраструктуры для производства новых научных знаний и их капитализации, а с другой — на целесообразное использование интеллектуального капитала во благо университета.

Заключение. Методология ролевого подхода в анализе формирования неписаных правил поведения работников в организационной культуре университетов рассмотрена в статье только на примере преподавателей. Очевидно, что по предлагаемой схеме (см. рис.) следует представить действующую и идеальную модель ролевого поведения менеджеров высшего и среднего звена управления университетов. Очевидно также и то, что эти модели должны быть содержательно сопряжены друг с другом, то есть исследованы влияющие на поведение преподавателей связи по всей иерархии управления вузом. Безусловно, никак нельзя оставлять без внимания и вопросы, связанные с производством новых научных знаний и с накоплением интеллектуального капитала университета. Он должен представлять собой неотъемлемую часть единого организационно-культурного контекста учебного заведения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аузан А. Миссия университета: взгляд экономиста // Вопросы образования. 2013. № 3. С. 266–286. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/missiya-universiteta-vzglyad-ekonomista/> (дата обращения: 11.04.2023).

2. Великая Хартия Европейских Университетов (Болонья, 18 сентября 1988 г.). URL: <https://base.garant.ru/70180098/> (дата обращения: 11.03.2023).
3. Аузан А. К уяснению смысла положений Великой хартии европейских университетов (текст лекции) // Эксперт-Урал. № 7 (588). Февраль 2014. URL: <https://expert-ural.com/archive/7-588/k-uyasneniyu-smisla-polozheniy-velikoy-hartii-evro.html> (дата обращения: 11.03.2023).
4. Филаткина Г. Чем университет отличается от института? URL: https://aif.ru/society/education/chem-universitet_otlichaetsya_ot_instituta/ (дата обращения: 01.04.2023).
5. История Алтайского государственного университета / Гордимся прошлым. URL: https://www.asu.ru/univer_about/new_history/ (дата обращения: 01.04.2023).
6. Юбилей 50 лет АлтГУ. URL: https://www.asu.ru/university_life/day/50/ (дата обращения: 03.04.2023).
7. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм, демократия. М., 2007. 864 с.
8. Шейн Э. Организационная культура и лидерство. 3-е изд. СПб., 2007. 336 с.
9. Камерон К., Куинн Р. Диагностика и изменение организационных культур. СПб., 2001. 320 с.
10. Хэнди Ч. Понимание организации: хрестоматия к курсу «Менеджмент в здравоохранении». М., 1999. 35 с.
11. Шекспир В. Полное собрание комедий. СПб., 2020. 1128 с.
12. Пью Д. С., Хиксон Д. Дж. Исследователи об организациях: хрестоматия. Жуковский, 1996. 240 с.
13. Минцберг Г. Менеджмент: природа и структура организации. М., 2021. 626 с.
14. Беляев В. И. Практика менеджмента. М., 2006. 256 с.

REFERENCES

1. Auzan A. The mission of the university: the view of an economist. Questions of education. 2013. No. 3. Pp. 266–286. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/missiya-universiteta-vzglyad-ekonomista/> (date of access: 11.04.2023).
2. Magna Carta of European Universities (Bologna, September 18, 1988). URL: <https://base.garant.ru/70180098/> (date of access: 11.03.2023).
3. Auzan A. To clarify the meaning of the provisions of the Great Charter of European Universities (lecture text). Expert-Ural. No. 7 (588). February 2014. URL: <https://expert-ural.com/archive/7-588/k-uyasneniyu-smisla-polozheniy-velikoy-hartii-evro.html> (date of access: 11.03.2023).
4. Filatkina G. How does a university differ from an institute? URL: https://aif.ru/society/education/chem-universitet_otlichaetsya_ot_instituta/ (date of access: 01.04.2023).
5. History of Altai State University / Proud of the Past. URL: https://www.asu.ru/univer_about/new_history/ (date of access: 01.04.2023).
6. Anniversary of 50 years of AltSU. URL: https://www.asu.ru/university_life/day/50/ (date of access: 03.04.2023).
7. Schumpeter J. A. Theory of economic development. Capitalism, socialism, democracy. Moscow, 2007. 864 p.
8. Shane E. Organizational culture and leadership 3rd ed. St. Petersburg, 2007. 336 p.
9. Cameron K., Quinn R. Diagnostics and change in organizational cultures. St. Petersburg, 2001. 320 p.
10. Handy C. Understanding Organization: A Reader for Healthcare Management. Moscow, 1999. 35 p.
11. Shakespeare V. Complete collection of comedies. St. Petersburg, 2020. 1128 p.
12. Pugh D. S., Hickson D. J. Researchers about organizations. Chrestomathy. Zhukovsky, 1996. 240 p.
13. Mintzberg G. Management: The nature and structure of the organization. Moscow, 2021. 626 p.
14. Belyaev V. I. Management practice. Moscow, 2006. 256 p.

Поступила в редакцию: 17.04.2023.

Принята к печати: 24.05.2023.

УДК 330.1:338.24
DOI 10.14258/epb202334

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВ КОНТРОЛЛИНГА

Е. А. Гвоздева

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Ситуация экономической турбулентности, в которой оказались современные хозяйствующие субъекты, диктует необходимость применения прогрессивных подходов к управлению, к числу которых относят контроллинг. Изучение эволюции взглядов на контроллинг необходимо для объективной оценки современного состояния данной концепции, перспектив ее развития на отечественных предприятиях.

В статье представлены теоретические аспекты становления концепции контроллинга, отражены взгляды наиболее известных зарубежных и отечественных исследователей в области контроллинга относительно сущности данной категории. Приведена систематизация подходов к определению понятия «контроллинг», предложен авторский подход трактовки данного понятия с учетом современных тенденций развития теории и практики менеджмента. Формулируя определение понятия «контроллинг», автор акцентирует внимание на взаимосвязи концепции контроллинга и процессного управления.

Ключевые слова: контроллинг, концепция контроллинга, управленческий учет, контроль, процессный подход.

THEORETICAL ASPECTS OF DEVELOPMENT OF THE CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF CONTROLLING

E. A. Gvozdeva

Altai State University (Barnaul, Russia)

The situation of economic uncertainty dictates the need to apply progressive approaches to management, which include controlling. The study of the evolution of views on controlling is necessary for an objective assessment of the current state of this concept, the prospects for its development in domestic enterprises.

The article presents the theoretical aspects of the formation of the concept of controlling, reflects the views of the most famous foreign and domestic researchers in the field of controlling regarding the essence of this category. The systematization of approaches to the definition of the concept of “controlling” is given, the author's approach to interpreting this concept is proposed, taking into account modern trends in the development of management theory and practice. Formulating the definition of the concept of “controlling”, the author focuses on the relationship between the concept of controlling and process management.

Keywords: controlling, concept of controlling, management accounting, control, process approach.

Концепция контроллинга получила широкое распространение в теории и практике управления. Однако полемика относительно теоретического содержания данной категории, а также концептуальные дискуссии в области контроллинга продолжаются. Вопрос трактовки понятия «контроллинг» имеет не только важное научно-теоретическое, но и практическое значение. Многообразие подходов к определению сущности контроллинга привело к формированию различ-

ных взглядов на содержание процесса организации контроллинга на предприятии.

Наиболее известным считают определение понятия «контроллинг», данное немецким экономистом Д. Ханом в работе «Планирование и контроль: концепция контроллинга», согласно которому, «контроллинг — это автоматизированная система управления управлением». Главной задачей контроллинга, по мнению ученого, является «информационное обеспечение, ориентированное

на результат управления предприятием». Д. Хан выделял две функции контроллинга: контроль и планирование [1, с. 224].

Ряд исследователей в своих трудах отождествляют понятия «контроллинг» и «управленческий учет». Так, Т. Рейхманн в качестве основной задачи контроллинга выделял задачу обеспечения менеджмента компании информацией, необходимой для принятия решений. Информационная поддержка принятия решений традиционно выступает в качестве задачи управленческого учета. Аналогичной точки зрения придерживался П. Прайссер, который писал о контроллинге как о «выходящем за рамки одной функции управленческом инструменте, поддерживающем внутрифирменный процесс управления и принятия решений с помощью целенаправленного подбора и обработки информации» [2].

Немецкий экономист П. Хорват интерпретировал контроллинг как «комплексную межфункциональную концепцию управления». Согласно позиции ученого, главной целью концепции контроллинга выступает координация управленческих функций по планированию, контролю и информационному обеспечению [3, с. 17]. П. Хорват указывал на ошибочность мнения, согласно которому контроллинг отождествляется с контролем. Интересен также взгляд автора на организацию контроллинга на предприятии. По его мнению, необязательно выделение обособленного организационного звена контроллинга, это определенная область задач, которая может выполняться действующими сотрудниками.

Другой немецкий экономист Х.-Ю. Кюппер представлял систему управления предприятием в виде отдельных подсистем и считал ключевой функцией координации существующей системы. Каждая подсистема имеет собственные цели, согласованность которых обеспечивает контроллинг и тем самым способствует достижению системы целей предприятия. Такая широкая интерпретация, по словам самого автора, несла в себе опасность того, что задачи контроллинга становятся «всеохватывающими и не могут быть беспрепятственно отделены от задач других подсистем управления» [1, с. 225].

Последователем концепции контроллинга П. Хорвата и Х.-Ю. Кюппера стал И. Вебер. В его интерпретации цель контроллинга — координация системы менеджмента. Исследователь особое значение в процессе контроллинга отдавал вопросам планирования, контроля и информирования. И. Вебер, как и Х.-Ю. Кюппер, не связывал контроллинг с процессами постановки целей.

Аналогичной точки зрения в вопросах формулировки задач контроллинга придерживался

Д. Шнайдер, по мнению которого, главная задача контроллинга — координация системы управления. Функции контроллинга ученый разделял на два блока: планирование и учет. В рамках функции планирования разрабатываются отдельные планы предприятия, которые затем сводятся в единый план. Внутренний производственный учет необходим в целях контроля за реализацией планов и сбора информации для последующего планирования [1, с. 226].

У. Шеффер и Р. Герсне считали основной функцией контроллинга поддержку менеджмента. Анализируя деятельность контроллера в процессе реализации функций контроллинга, У. Шеффер называл контроллера «экономическим консультантом менеджера» [2].

Значительный вклад в становление концепции контроллинга внесли Э. Майер и Р. Манн, которые интерпретировали контроллинг как «систему мышления и управления» [4]. По их мнению, контроллинг объединяет в общую систему функции учета, планирования, анализа и контроля для достижения определенной цели функционирования предприятия.

Немецкий ученый-экономист Х. Й. Фольмут в качестве главной цели контроллинга называл «обеспечение долгосрочного существования фирмы». Основные задачи контроллинга — «планирование, контроль и регулирование». В своих трудах исследователь подробно описал инструменты контроллинга, обеспечивающие взаимосвязь стратегического и оперативного управления.

В статье «Уточнение содержания контроллинга как функции управления и его поддержки» Г. Пич и Э. Шерм определили понятие «концепция контроллинга» как «совокупность суждений о его функциональном разграничении, институциональном оформлении и инструментальной вооруженности в контексте целей предприятия, релевантных контроллингу, и целей контроллинга, вытекающих из целей предприятия» [5]. Данной формулировкой понятия «контроллинг» авторы поставили акцент на подчиненности целей организации контроллинга целям существования предприятия.

Теоретические исследования содержания понятия «контроллинг» определили два основных концептуальных подхода в интерпретации его сущности: англо-саксонский (американский) и европейский (германский) [6]. Для данных направлений характерны как терминологические различия, о которых говорилось выше, так и концептуальные.

В рамках европейской модели прослеживается тенденция к академизации контроллинга. На раннем этапе своего развития европейская модель представляла контроллинг преимущественно

но как инструмент информационного обеспечения, реализующий функцию координации системы управления. Англо-саксонский подход, напротив, предполагает более прагматический характер. Контроллинг рассматривается в тесной взаимосвязи с менеджментом, интерпретируется как один из важнейших элементов системы управленческого учета.

Российская практика внедрения контроллинга представляет собой синтез немецкой и англо-американской модели. В отечественной экономической науке интерес к контроллингу стал появляться в начале 1990-х гг. в связи с переходом к рыночной экономике. Фонетическое сходство двух слов — русского «контроль» и английского «control», а также соотнесение данного понятия с понятием «координация» породили множество интерпретаций.

Наиболее известны исследования в области контроллинга таких отечественных авторов, как Е. А. Ананькина, Н. Г. Данилочкина, А. М. Карминский, С. Г. Фалько.

Е. А. Ананькина и Н. Г. Данилочкина описывают контроллинг как часть финансово-экономической деятельности предприятия. По мнению авторов, контроллинг представляет собой «функционально обособленное направление экономической работы на предприятии, связанное с реализацией финансово-экономической комментирующей функции в менеджменте для принятия оперативных и стратегических управленческих решений» [7].

Акцентировать внимание на функции поддержки менеджмента склонны также А. М. Карминский и С. Г. Фалько, которые представляли контроллинг как «ориентированную на перспективу систему информационно-аналитической, методической и инструментальной поддержки руководства при реализации цикла управления по всем функциональным сферам предприятия и процессам». В организационной структуре предприятия, по мнению авторов, контроллинг должен рассматриваться как обособленный структурный элемент.

Проводя параллель с трактовкой исследуемого понятия зарубежными авторами, необходимо отметить, что во многом представления о контроллинге отечественными авторами, рассмотренные выше, созвучны с толкованием данного понятия У. Шеффером, Р. Герсне, П. Хорватом [8].

Специфика современных проблем управления заключается в необходимости учитывать темпы изменений окружающего мира. Постоянно меняющееся рыночное пространство требует соответствующих изменений в существующих методах

и системах управления. Перманентная трансформация контроллинга на предприятии приводит к необходимости теоретического переосмысления содержания данного понятия.

Контроллинг остается предметом исследования и в трудах современных авторов. Так, Е. Г. Бергер определяет контроллинг как ориентированную на достижение целей интегрированную систему информационно-аналитической и методической поддержки руководителей в процессе планирования, контроля, анализа и принятия управленческих решений по всем функциональным сферам деятельности предприятия.

Т. А. Куликова, формулируя определение понятия «контроллинг», делает акцент на том, что контроллинг связан с экономической деятельностью предприятия и реализацией финансово-экономической функции [9].

В книге «Управленческий контроллинг бизнес-процессов» А. А. Сиганьков определяет контроллинг как систему управления процессом достижения конечных целей и результатов деятельности предприятия.

Рассматривая эволюцию понятия «контроллинг», В. В. Даринская отмечает особую актуальность контроллинга в России в настоящий момент в связи с реализацией масштабной государственной программы по внедрению информационных технологий (программы формирования цифровой экономики). Контроллинг как система информационной поддержки принятия решений в этом вопросе может сыграть ключевую роль [10].

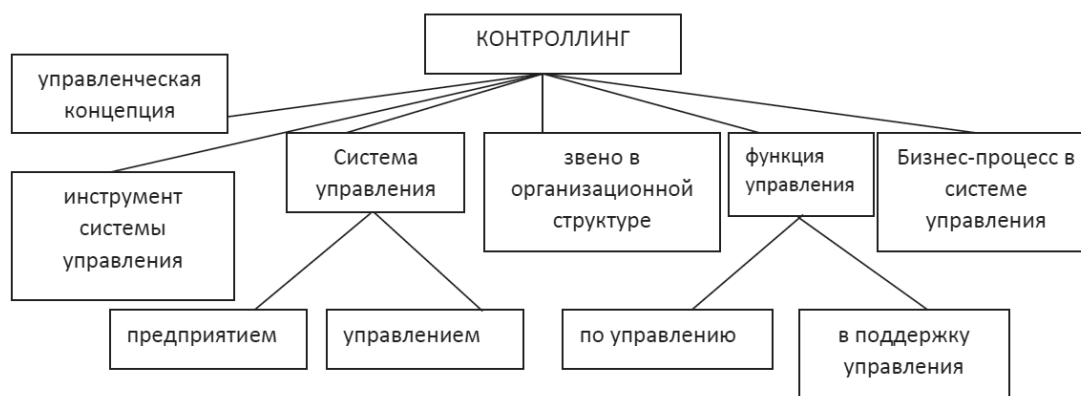
Проведенный анализ дает возможность систематизировать определения понятия «контроллинг», представленные в научных трудах зарубежных и отечественных авторов (рис.).

Раскрывая содержание категории «контроллинг», исследователи в данной области акцентируют внимание на отдельных составляющих контроллинга. В результате многообразия подходов к толкованию сущности исследуемой категории разрушается целостность содержания данного понятия.

Систематизация определений понятия «контроллинг» позволяет сделать вывод о том, что между ними нет принципиальных противоречий. Так или иначе все исследователи связывают контроллинг с системой управления предприятием.

Наиболее актуальным, на наш взгляд, является определение категории контроллинга, данное А. А. Сиганьковым. Автор рассматривает контроллинг во взаимосвязи с процессным подходом к управлению. Считаем, что на современном этапе развития теории и практики контроллинга данное определение заслуживает особого внимания.

Систематизация подходов к определению понятия «контроллинг»

Контроллинг и процессный подход имеют определенные точки соприкосновения. Во-первых, и процессный подход, и контроллинг появились как ответ на новые вызовы рынка, связанные с необходимостью качественного улучшения деятельности бизнеса. Во-вторых, обе концепции представляют собой обоснованный путь к достижению целей бизнеса, иначе говоря, применяются для достижения стратегических и оперативных целей хозяйствующих субъектов.

На современном этапе развития менеджмента симбиоз контроллинга и процессного подхода могут дать максимальный эффект в вопросах совершенствования управленческих систем бизнеса.

В связи с вышесказанным считаем возможным рассматривать контроллинг как концепцию управления, направленную на достижение системы стратегических и оперативных целей бизнеса посредством обеспечения взаимосвязи между бизнес-процессами, их целями и конкретными результатами. Данное определение, по нашему мнению, наиболее полно отражает сущность исследуемой категории в соответствии с последними тенденциями развития теории и практики менеджмента, что находит подтверждение в следующих его составляющих:

— Концепция управления. Интерпретация контроллинга как концепции управления, во-первых, подчеркивает направленность на стратегию действий, представляет контроллинг как некую руководящую идею. В современных условиях контроллинг не может строиться только на анализе

динамики показателей прошлых периодов, он должен опираться на экспертные формы прогнозирования. Во-вторых, указывает на системность данного подхода к управлению.

— Направленность на достижение системы стратегических и оперативных целей бизнеса. Данное положение, по сути, конкретизирует предыдущее и отражает основную цель построения контроллинга.

— Предполагает установление взаимосвязей между бизнес-процессами, их целями и конкретными результатами. Построение эффективной системы менеджмента возможно только при условии установления взаимосвязей между бизнес-процессами и их целями. Бизнес-цель должна быть четко сформулирована, представлена в виде конкретного измеримого результата, движение к которому можно проследить по мере реализации бизнес-процессов.

Таким образом, исследование эволюции представлений о контроллинге свидетельствует о длительном пути становления данной концепции. На современном этапе контроллинг пребывает в перманентном развитии, поскольку быстро меняющаяся экономическая ситуация требует адекватной реакции со стороны науки и бизнеса. По мере усложнения управленческих задач необходим дальнейший поиск направлений совершенствования управленческих систем, вариантов оптимального сочетания инструментов менеджмента. Одним из таких вариантов может стать синтез концепции контроллинга и процессного управления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Хан Д. Пик: Планирование и контроль: концепция контроллинга: учебник. М., 1997. С. 765.
2. Литвинова И. А. Международный опыт эволюции контроллинга и его использование в России // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 12. С. 100–107.
3. Концепция контроллинга: управленческий учет. Система отчетности. Бюджетирование / пер. с нем. под ред. В. Григорьева. М., 2006. С. 269.

4. Касюк Е. А. Развитие концептуальных подходов к пониманию сущности категории «контроллинг» // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2022. Т. 11. № 3. С. 81–88.
5. Пич Г., Шерм Э. Уточнение содержания контроллинга как функции управления и его поддержки // Проблемы теории и практики управления. 2001. № 3. С. 102–107.
6. Королев В. А., Калашников А. А., Передерева Е. В. Анализ концептуальных основ контроллинга: понятие, сущность, методы и инструменты // Вестник ВГУ. Серия: экономика и управление. 2018. № 3. С. 30–35;
7. Данилочкина Н. Г., Боброва М. Б., Проскуряков В. А. Теоретическое обоснование системы антикризисного финансового контроллинга на предприятии // Вестник Университета. 2017. № 10. С. 112–115.
8. Гвоздева Е. А. Исследование содержания понятия «контроллинг» // Проблемы и перспективы развития экономики и менеджмента в России и за рубежом. Рубцовск, 2017. С. 263–267.
9. Куликова Т. А. Развитие инструментария контроллинга производства // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2021. № 1. С. 65–77.
10. Даринская В. В. Эволюция концепции контроллинга // Научно-теоретический журнал. 2021. № 4. С. 64–70.

REFERENCES

1. Han D. P&C: Planning and Control: The Concept of Controlling: textbook. Moscow, 1997. 765 p.
2. Litvinova I. A. International experience in the evolution of controlling and its use in Russia. Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2019. No. 12. Pp. 100–107.
3. The concept of controlling: Management accounting. Reporting system. Budgeting. Translation from German, edited by V. Grigoriev. Moscow, 2006. 269 p.
4. Kasyuk E. A. Development of conceptual approaches to understanding the essence of the category “controlling”. Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technologies. 2022. Vol. 11. No. 3. Pp. 81–88.
5. Pich G., Sherm E. Refinement of the content of controlling as a function of management and its support. Problems of theory and practice of management. 2001. No. 3. Pp. 102–107.
6. Korolev V. A., Kalashnikov A. A., Peredereva E. V. Analysis of the conceptual foundations of controlling: concept, essence, methods and tools. Vestnik VGU. Series: economics and management. 2018. № 3. Pp. 30–35.
7. Danilochkina N. G., Bobrova M. B., Proskuryakov V. A. Theoretical substantiation of the system of anti-crisis financial controlling at the enterprise. Bulletin of the University. 2017. No. 10. Pp. 112–115.
8. Gvozdeva E. A. Study of the content of the concept of “controlling”. Problems and prospects for the development of economics and management in Russia and abroad. Rubtsovsk, 2017. Pp. 263–267.
9. Kulikova T. A. Development of production controlling tools. Models, systems, networks in economics, technology, nature and society. 2021. No. 1. Pp. 65–77.
10. Darinskaya V. V. Evolution of the concept of controlling // Scientific and theoretical journal. 2021. No 4. Pp. 64–70.

Поступила в редакцию: 15.05.2023.

Принята к печати: 30.06.2023.

УДК 331.5 (571.150)
DOI 10.14258/epb202335

АНАЛИЗ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Ю. М. Ильиных^{1,2}, Ж. М. Козлова^{2,3}

¹Финансовый университет при Правительстве РФ, Алтайский филиал (Барнаул, Россия)

²Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова (Барнаул, Россия)

³Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Алтайский институт экономики (Барнаул, Россия)

При массовой безработице, плохих условиях труда, разрыве в размерах заработной платы, дискриминации и других проблемах поиск работы может быть проблемой, а наличие работы не гарантирует достойных условий жизни, особенно в странах с низким уровнем дохода. В статье приводятся результаты анализа статистических данных, касающихся занятости населения в Алтайском крае в период с 2017 по 2021 г., показана динамика и структура численности занятых по отраслям в регионе в этот период. Авторами рассматриваются меры по сокращению числа безработных, предпринятые Правительством Алтайского края в 2019–2021 гг. (государственная программа содействия занятости населения в Алтайском крае), выявлены возможности обеспечения трудовыми ресурсами экономики Алтайского края. На основе анализа статистических данных сделан вывод об эффективности принятых мер, в результате которых в 2021–2022 гг. произошел рост уровня занятости населения региона.

Ключевые слова: трудовые ресурсы, занятость, рынок труда, регион, безработица.

ANALYSIS OF POPULATION EMPLOYMENT IN ALTAI KRAI: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Y. M. Ilinykh^{1,2}, Z. M. Kozlova^{2,3}

¹Financial University under the Government of the Russian Federation, Altai branch (Barnaul, Russia)

²Polzunov Altai State Technical University (Barnaul, Russia)

³St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Altai Institute of Economics (Barnaul, Russia)

With mass unemployment, poor working conditions, wage gaps, discrimination and other problems, finding a job can be a challenge, and having a job does not guarantee decent living conditions, especially in low-income countries. The article presents the results of the analysis of statistical data relating to employment in the Altai Territory in the period from 2017 to 2021, shows the dynamics and structure of the number of employees by industry in the region during this period. The authors consider measures to reduce the number of unemployed taken by the Government of the Altai Territory in the period from 2019 to 2021 (the state program to promote employment in the Altai Territory), identify opportunities to provide the economy of the Altai Territory with labor resources. Based on the analysis of statistical data, a conclusion was made about the effectiveness of the measures taken, as a result of which in 2021–2022. there has been an increase in employment in the region.

Keywords: labor resources, employment, labor market, region, unemployment.

В настоящее время особую актуальность и значимость приобретает изучение проблем занятости и безработицы всех социально-демографических групп населения. Безработица представляет собой один из важнейших макроэко-

номических показателей, который является основным экономическим и социальным индикатором, и многие страны борются с этой проблемой [1].

Проблемы занятости в неформальном секторе экономики во взаимосвязи с вопросами форма-

лизации рынка труда и легализации трудовых отношений активно изучаются как российскими, так зарубежными специалистами.

Занятость как отношение числа трудоустроенных к численности трудоспособного населения характеризует степень использования трудовых ресурсов общества и ситуацию на рынке труда [2]. Занятость — это состояние человека, включенного в общественно-полезную деятельность, связанную с удовлетворением его личных потребностей и потребностей общества, не противоречащую законодательству страны и приносящую, как правило, заработок [3]. Целью исследования является анализ численности занятых, уровня и структуры занятости населения в Алтайском крае в период с 2017 по 2021 г., а также обзор принятых мер по повышению занятости населения региона.

Прежде чем анализировать занятость населения в Алтайском крае, обратимся к общемировой тенденции в этой сфере. Согласно исследованиям, нынешний глобальный экономический спад, вероятно, вынудит работников соглашаться на менее качественную низкооплачиваемую работу, не имеющую гарантий занятости и социальной защиты, что усугубляет неравенство, обусловленное кризисом COVID-19. Прогнозируется, что глобальный рост занятости составит всего 1,0% в 2023 г., это менее половины уровня 2022 г. Ожидается, что глобальная безработица немного вырастет в 2023 г., примерно на 3 млн до 208 млн человек (глобальный уровень безработицы 5,8%) [4]. Умеренный размер этого прогнозируемого увеличения в значительной степени обусловлен ограниченным предложением рабочей силы в странах с высоким уровнем дохода. Кроме самой проблемы безработицы, ключевой проблемой остается качество рабочих мест [5].

Десятилетний прогресс в сокращении бедности пошатнулся во время кризиса COVID-19. Несмотря на зарождающееся восстановление в 2021 г.,

продолжающаяся нехватка лучших рабочих мест, вероятно, усугубится [6].

Нынешнее замедление означает, что многим работникам придется согласиться на низкокачественную работу, часто с очень малой оплатой, иногда с недостаточным количеством часов. Кроме того, поскольку цены растут быстрее, чем номинальные трудовые доходы, кризис стоимости жизни рискует привести к бедности большего числа людей. Эта тенденция накладывается на значительное снижение доходов, наблюдавшееся во время кризиса COVID-19, который во многих странах больше всего затронул группы с низким доходом.

Ухудшение ситуации на рынке труда в основном связано с возникающей геополитической напряженностью, неравномерным восстановлением после пандемии и сохраняющимися узкими местами в глобальных цепочках поставок. Вместе они создали условия для стагфляции — одновременно высокая инфляция и низкий рост занятости — впервые с 1970-х гг.

Женщины и молодежь находятся в значительно худшем положении на рынке труда. Во всем мире уровень участия женщин в рабочей силе в 2022 г. составлял 47,4% по сравнению с 72,3% для мужчин. Этот разрыв в 24,9 процентных пункта означает, что на каждого экономически неактивного мужчину приходится две таких женщины. Молодые люди (в возрасте 15–24 лет) сталкиваются с серьезными трудностями при поиске и сохранении достойной работы. Уровень безработицы среди них в три раза выше, чем у взрослых [7]. Более чем каждый пятый (23,5%) молодой человек не работает, не учится и не проходит профессиональную подготовку.

В отличие от общемировой тенденции, в Российской Федерации уровень безработицы за последние три года находился в пределах 3,2–6,3%. В мае 2023 г. показатель уровня безработицы составлял 3,2% при общей занятости населения в 60,5%.

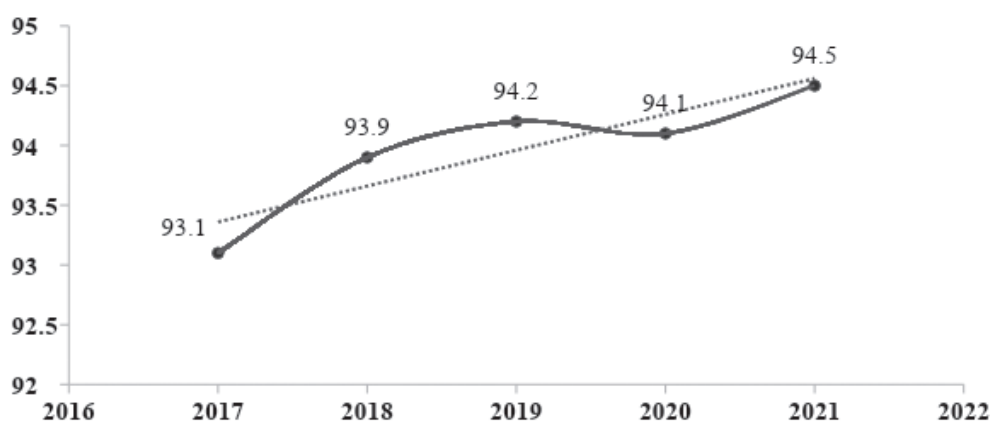

Рис. 1. Изменения показателя уровня занятости населения Алтайского края за период 2017 по 2021 г. [8]

Перейдем теперь к анализу занятости населения в Алтайском крае — одного из ведущих аграрных регионов России. Изменения показателя уровня занятости населения Алтайского края за период 2017–2021 гг. представлены на рисунке 1.

Проводя анализ диаграммы, можно сделать вывод, что в целом показатель уровня занятости за исследуемый период увеличивается, однако в разные периоды времени динамика нестабильная. К примеру, в 2017 г. уровень занятости составил 93,1%, в 2018–93,9%, темп прироста по сравнению с 2017 г. был равен 0,9%. Далее, в 2019 г.

уровень занятости достиг 94,2% и темп прироста по сравнению с 2018 г. составил только 0,3%. А в 2020 г. уровень занятости был 94,1%, то есть уменьшился на 0,1% по сравнению с 2019 г., при этом в 2021 г. наблюдается положительная тенденция — уровень занятости — 94,5%, то есть темп прироста достиг 0,4%. На 01.01.2022 официально численность безработных граждан составила 16,3 тыс. человек.

Численность и структура занятых в Алтайском крае по уровню образования в 2021 году представлена на рисунке 2.

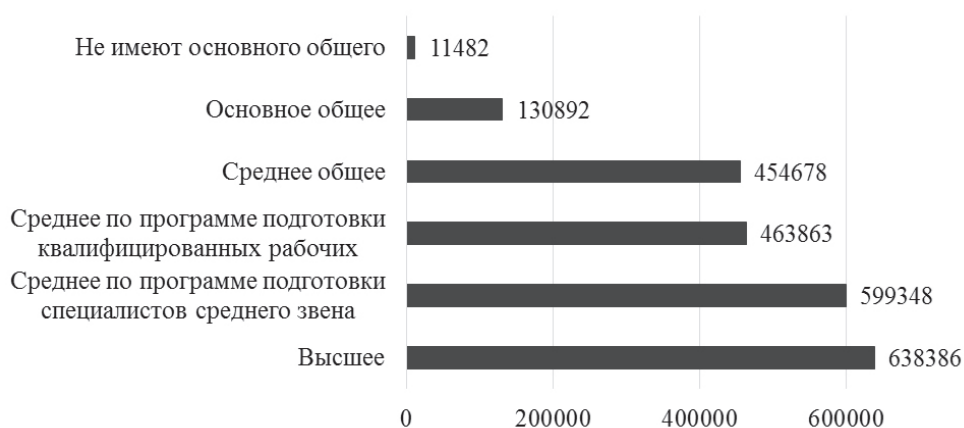

Рис. 2. Структура занятости населения в Алтайском крае по уровню образования в 2021 г. [8]

Наибольшую численность (27,8%) составила группа занятых, имеющих высшее образование, то есть 638386 человек. Лица со средним образованием по программе подготовки специалистов среднего звена — на втором месте (26,1%). Лица со средним образованием по программе подготов-

ки квалифицированных рабочих составили 20,2%. Занятых со средним общим образованием — 19,8%. Группа занятых с основным общим образованием составила 5,7%, не имеющих основного общего образования — всего 0,5%, или 11482 человек.

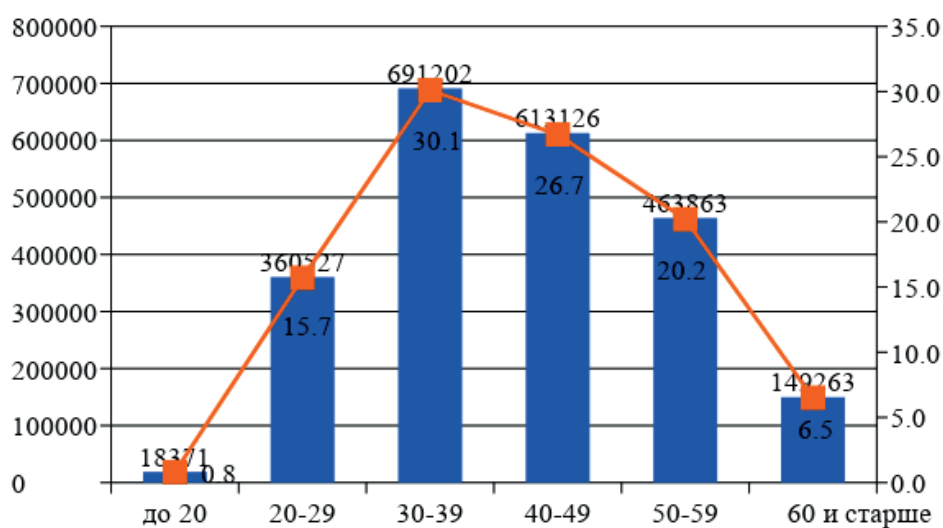

Рис. 3. Структура занятости в Алтайском крае по возрастным группам в 2021 г. (составлено авторами на основе данных Управления Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай)

Таким образом, уровень образования в Алтайском крае в 2021 г. — высокий, об этом свидетельствует превышение удельного веса занятых с высшим образованием над всеми остальными видами уровней образования.

Распределение численности занятых в Алтайском крае по возрастным группам в 2021 г. представлено на рисунке 3.

Наименьшая численность (0,8%, или 18371 человек) — в группе населения в возрасте до 20 лет. Молодые люди в возрасте от 20 до 29 лет — 15,7%. Наибольшая группа трудоустроенных — население в возрасте от 30 до 39 лет (30,1%). Граждане

в возрасте от 40 до 49 лет составили 26,7% всех трудоустроенных, или 613126 человек; 20,2 приходится на лиц в возрасте от 50 до 59 лет; также 6,5% (149263 человек) — граждане в возрасте от 60 лет.

Как можно видеть по данным рисунка 3, в Алтайском крае в 2021 г. трудились в основном молодые работники в возрасте от 20 до 49 лет. Численность граждан в возрасте до 20 лет и от 60 лет в сумме занимает также 7,3% от общего числа занятых.

Численность занятых по отраслям в Алтайском крае за 2020 г. представлена на рисунке 4.

Рис. 4. Численность занятых по отраслям в Алтайском крае за 2020 г. [3]

Известно, что безработица имеет ряд негативных последствий. Не производится часть товаров и услуг, которые могли быть созданы, если бы человек работал. Снижаются налоговые поступления. Падает уровень жизни безработного и его семьи, так как пособие по безработице меньше, чем заработная плата, что может привести к ухудшению психологического состояния безработного и возможным конфликтам в семье. Также безработица увеличивает вероятность повышения преступности и прочих негативных социальных явлений [9].

В Алтайском крае на 1 января 2022 г. уровень безработицы оценен в 1%, этот показатель на 0,3% меньше, чем было в 2021 г. Установлено, что жители Алтайского края в третьем квартале 2022 г. в среднем потратили 3,8 месяца для поиска рабо-

ты. Такой показатель является одним из лучших результатов в стране.

Для сравнения можно взять результат по безработице в соседней Республике Алтай, которая находится на 81-м месте, Новосибирская область — на 61-м месте, а Кузбасс на — 60-м.

Самый низкий уровень безработицы наблюдается в Камчатском крае, Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах.

В целом показатель уровня безработицы по стране составил 3,7%, это на 0,6% ниже, чем годом ранее. По статистике сегодня в стране безработных менее 3 млн человек.

Уровень безработицы и потребность в работах в Алтайском крае в период с 2017 по 2022 г. представлены на рисунке 5.

Наибольший уровень безработицы был достигнут в 2020 г. — 2,9%, что на 1,4% выше, чем в 2019 г. Главной причиной резкого скачка послужила пандемия коронавирусной инфекции. Многие предприятия в этот период времени закрывались, переводили сотрудников на удаленную работу или временно прекращали свою деятельность. Если рассматривать период с 2017 по 2019 г., то можно видеть, что уровень безработицы держался в среднем на уровне 1,4%, что является достаточно хорошим показателем, так как в среднем по стране показатель в этот же период времени со-

ставлял 5,25%. После начала послаблений и введения программы поддержки предпринимателей (вторая половина 2020 г. — 2021 г.) было резкое снижение уровня безработицы до 1,3%, и в последующем периоде наблюдается отрицательная динамика данного показателя. Это благоприятно сказалось на социально-экономическом положении региона. Важно, что 25 декабря 2019 г. Правительство Алтайского края утвердило Государственную программу «Содействие занятости населения Алтайского края»¹, что также способствовало снижению уровня безработицы в крае.

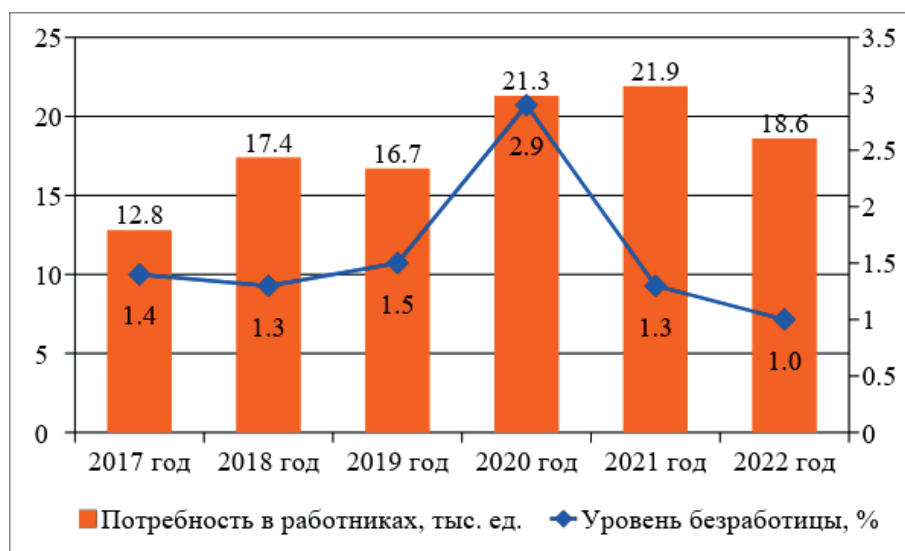

Рис. 5. Уровень безработицы и потребность в работниках в Алтайском крае за 2017–2022 гг.

Если сравнивать уровень безработицы и потребность в работниках, то видим достаточно интересную картину. В то время как в 2018 г. снижается уровень безработицы на 0,1%, то потребность в работниках увеличивается на 4,6 тыс. вакансий, к 2019 г. видим обратно пропорциональную динамику (уровень безработицы вырос, а потребность в работниках снизилась). Наибольшая потребность в работниках достигается после появления коронавирусной инфекции, а именно в 2021 г. В данный период времени уровень безработицы, как известно, снизился до 1,3%, а потребность в работниках составила 21,9 тыс. вакансий.

Сравнение двух данных показателей свидетельствует о том, что потребность в вакансиях не влияет на уровень безработицы. На рост уровня безработицы в 2020 г., во время коронавирусной инфекции, в основном повлияло два фактора: 1) увеличение средней заработной платы в регионе; 2) после того как многие работники из-за огра-

ничений остались без средств к существованию, они стали регистрироваться в центрах занятости и искать любые возможности увеличения собственного дохода. В 2021 г. Правительство РФ ввело послабление ограничений, что повлекло за собой сокращение уровня безработицы.

Нестабильность рынка труда и массовое закрытие организаций создают напряжение в обществе, что может привести к серьезным последствиям для социально-экономического развития региона [10]. С целью поддержания стабильности в сфере занятости населения Правительство Алтайского края, по мере необходимости, вносит изменения в постановление «Об утверждении государственной программы Алтайского края «Содействие занятости населения Алтайского края». Сейчас Программа включает в себя семь подпрограмм:

1. Содействие эффективной занятости населения и социальная поддержка безработных граждан.

¹ Постановление Правительства Алтайского края «Об утверждении государственной программы Алтайского края «Содействие занятости населения Алтайского края» от 25.12.2019 № 539 (в ред. от 31.03.2022 № 106). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=168023425&backlink=1&&nd=168116230>. (дата обращения: 27.12.2022).

2. Улучшение условий и охраны труда.
3. Сопровождение инвалидов молодого возраста при получении ими профессионального образования и содействие в последующем трудоустройстве.
4. Профессиональное обучение и дополнительное профессиональное образование лиц в возрасте 50 лет и старше, а также лиц предпенсионного возраста.

5. Поддержка занятости и повышение эффективности рынка труда для обеспечения роста производительности труда.

6. Содействие занятости.

7. Оказание содействия добровольному переселению в Алтайский край соотечественников, проживающих за рубежом.

Подводя итоги, можно утверждать, что, к сожалению, безработица является характерной чертой рыночной экономики, в которой полная занятость считается невозможной. Однако государство должно стремиться уменьшить негативные последствия безработицы, а населению необходимо быть готовым к профессиональной и трудовой мобильности.

Анализируя уровень безработицы в Алтайском крае, авторы данной статьи пришли к выводу,

что за счет разработанных государственных программ содействия занятости населения произошло повышение ее уровня и снижение уровня безработицы в 2021 г. Наибольшая занятость по признаку уровня образования выявлена в группе занятых, имеющих высшее образование — 27,8%; по возрастному признаку — работники в возрасте от 30 до 39 лет — 30,1%; по признаку отраслевой принадлежности — занятые на предприятиях обрабатывающего производства.

В последующие годы в Алтайском крае планируется предпринять следующие меры:

- продолжить реализацию системных мер, направленных на повышение уровня жизни и доходов граждан;
- обеспечить темп роста заработной платы в целом по краю не менее 107,9% и номинальный уровень не ниже 35,4 тыс. руб.;
- сохранить достигнутые соотношения уровня средней заработной платы отдельных категорий бюджетников;
- обеспечить снижение численности населения с доходами ниже прожиточного минимума до 349,7 тыс. граждан (15,4%).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Экономика и финансы региона: современные тенденции: монография / М. М. Богданова и др.; под общ. ред. И. К. Мищенко. М., 2023. 228 с.
2. Бизин С. В. Анализ развития регионального рынка труда и проблемы занятости населения // Экономика труда. 2018. Т. 5. № 3. С. 745–760.
3. Ильиных Ю. М., Козлова Ж. М. Анализ бедности населения в Алтайском крае // Экономика Профессия Бизнес. 2022. № 2. С. 34–39.
4. Чистик О. Ф. Процессы занятости и рынка труда в России // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2021. № 2 (196). С. 67–72.
5. Шатило Ю. Е., Конкова Е. С. Занятость и безработица в условиях цифровой экономики // Теория. Практика. Инновации. 2017. № 10. С. 66–77.
6. Ибрагимов У. Ф., Фаронова С. З. Занятость в условиях цифровой экономики // Экономика: теория и практика. 2018. № 3 (51). С. 75–82.
7. Троцковский А. Я., Ситникова О. В., Супонина И. В. Экономическая активность молодежи и граждан пожилого возраста в период рецессии экономики Алтайского края // Экономика Профессия Бизнес. 2020. № 2. С. 101–108.
8. Статистические данные по Алтайскому краю // Официальный сайт Управления Федеральной службы гос. стат. по Алтайскому краю и Республике Алтай. URL: <https://akstat.gks.ru/> (дата обращения: 27.12.2022)
9. Попов А. В. Нерешенные проблемы сферы занятости современной России // Экономика труда. 2017. Т. 4. № 3. С. 163–172.
10. Ольховский В. В. Современные тенденции развития занятости на российском рынке труда // Научное исследование. 2017. Т. 9. № 6.

REFERENCES

1. Economy and finance of the region: current trends: monograph / M. M. Bogdanova and others; under the general editorship of I. K. Mishchenko. Moscow, 2023. 228 p.
2. Bizin S. V. Analysis of the development of the regional labor market and the problems of employment of the population. *Labor Economics*. 2018. Vol. 5. No. 3. Pp. 745–760.
3. Ilinykh Yu. M., Kozlova Zh. M. Poverty Analysis of the Population in the Altai Territory. *Economics Profession Business*. 2022. No. 2. Pp. 34–39.
4. Chistik O. F. Employment and labor market processes in Russia. *Bulletin of the Samara State Economic University*. 2021. No. 2 (196). Pp. 67–72.
5. Shatilo Yu. E., Konkova E. S. Employment and unemployment in the digital economy. *Theory. Practice. Innovation*. 2017. No. 10. Pp. 66–77.
6. Ibragimov U. F., Faronova S. Z. Employment in the digital economy. *Economics: theory and practice*. 2018. No. 3 (51). Pp. 75–82.
7. Trotskovsky A. Ya., Sitnikova O. V., Suponina I. V. Economic activity of youth and elderly citizens during the recession of the economy of the Altai Territory. *Economics Profession Business*. 2020. No. 2. Pp. 101–108.
8. Statistical data for the Altai Territory. Official website of the Office of the Federal State Service. stat. in the Altai Territory and the Republic of Altai. URL: <https://akstat.gks.ru/> (date of access: 27.12.2022).
9. Popov A. V. Unresolved Problems of the Sphere of Employment in Modern Russia. *Labor Economics*. 2017. Vol. 4. No. 3. Pp. 163–172.
10. Olkhovsky V. V. Modern trends in the development of employment in the Russian labor market. *Naukovedenie*. 2017. Vol. 9. No. 6.

Поступила в редакцию: 19.04.2023.

Принята к печати: 10.07.2023.

УДК 339.9 (571.52)
DOI 10.14258/epb202336

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РЕСПУБЛИКЕ ТЫВА: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ¹

А. Ч. Кылгыдай, Г. Ф. Балакина

Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН (Кызыл, Россия)

Анализируется динамика внешнеэкономической деятельности в Республике Тыва за 2015–2021 гг., изменение внешнеторгового оборота Тувы с Монголией, со странами ближнего и дальнего зарубежья. Торговый оборот Тувы с внешними партнерами имеет положительное сальдо. Значительная доля внешнеторгового оборота приходится на страны дальнего зарубежья. Отмечается, что на характер торгово-экономических связей с Монголией влияет относительная развитость транспортной системы Тувы, республика не имеет железнодорожного сообщения с остальными регионами страны. Новые возможности для дальнейшего расширения межрегиональных связей и усиления международных экономических отношений двух соседних регионов обусловлены возможностями решения инфраструктурных проблем, присоединения региона к сети железных дорог России. Предлагается применение новых инструментов развития внешнеэкономических связей, расширения пространства межрегионального сотрудничества, инновационных подходов к привлечению инвестиций, стратегии развития внешнеэкономической деятельности региона. Обосновано создание трансграничного особого экономического района и трансграничного коридора Россия — Монголия — Китай.

Ключевые слова: Республика Тыва, приграничный регион, внешнеэкономическая деятельность, инфраструктурные ограничения, перспективы.

FOREIGN ECONOMIC ACTIVITY IN THE TYVA REPUBLIC: NEW OPPORTUNITIES

A. Ch. Kylgyday, G. F. Balakina

Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources SB RAS (Kyzyl, Russia)

The dynamics of foreign economic activity in the Republic of Tyva for 2015–2021, the change in the foreign trade turnover of Tuva with Mongolia, with countries of near and far abroad are analyzed. Trade turnover of Tuva with external partners has a positive balance. A significant share of foreign trade turnover falls on non-CIS countries. It is noted that the nature of trade and economic relations with Mongolia is influenced by the relative development of the transport system of Tuva, the republic does not have a railway connection with the rest of the country. New opportunities for further expansion of interregional and strengthening international economic relations between the two neighboring regions are due to the possibilities of solving infrastructure problems, joining the region to the Russian railway network. It is proposed to use new tools for developing foreign economic relations, expanding the space for interregional cooperation, innovative approaches to attracting investments, and strategies for developing the region's foreign economic activity. The creation of a cross-border special economic region and a cross-border corridor Russia — Mongolia — China are substantiated.

Keywords: Tyva Republic, border region, foreign economic activity, infrastructural constraints, prospects.

Важное геополитическое значение приграничных регионов, недостаточное использование особенностей их географического положения, специфика современных реалий определяют усиление внешнеэкономических отношений России и регионов с восточными госу-

¹ Статья подготовлена по плану НИР ТувИКОПР СО РАН. Проект № 121031300230–2.

дарствами, включая Монголию, протяженность совместной границы с территорией Тувы у которой составляет 1313 км.

Республика Тыва отнесена к проблемным, труднодоступным приграничным регионам, приравненным к районам Крайнего Севера, не присоединена к железнодорожной сети России. Параметры социально-экономических процессов отстают от средних по стране. Приграничный статус Тувы детерминирует целесообразность рассмотрения стратегических вопросов совершенствования транспортных связей с российскими и зарубежными территориями, учитывая особенности географического положения и созданной инфраструктурной базы (федеральных трасс и международных воздушных коридоров).

Перед экономикой Тувы стоит вызов динамичного развития внешнеэкономических связей с зарубежными странами, в особенности с Монголией, для реализации особенностей географического положения [1]. Со стороны Монголии приграничными являются аймаки: Увс, Завхан, Баян-Улгий и Хувстел; со стороны Республики Тыва: Овюрский, Эрзинский, Тес-Хемский Монгун-Тайгинский, Терехольский административные районы (кожууны). Длительная история добрососедских и дружественных связей Монголии и Тувы базируется на близких условиях климата, труда и быта, общих проблемах развития эколого-экономических тенденций, что обуславливает позитивное взаимодействие:

- *Исторический контекст* — длительная история добрососедских отношений, общение на уровне местных приграничных сообществ.
- *Общность в профиле экономики и социально-экономическом развитии* — социально-экономические проблемы одного региона решаются различием в уровне социально-экономического развития сопредельной территории. Одинаковая специализация выступает основой для организации трансграничного кластера.
- *Природно-ресурсный потенциал* — запас древесины; разведанные, но не вовлеченные в экономический оборот минерально-сырьевые ресурсы; бальнеологические источники (аржааны) и соленые озера с лечебной грязью.
- *Культурные и корпоративные ценности* — положительное восприятие культуры, корпоративных ценностей способствует построению эффективных деловых отношений. Схожесть условий труда и быта кочевников Центральной Азии обуславливает расширение хозяйственных связей.
- *Общие проблемы* — неразвитость промышленной переработки природного сырья, не-

достаточные темпы создания рабочих мест, низкие доходы сельского населения, которые, в свою очередь, выступают драйвером совместных проектов.

Для обеспечения легитимности связей с Монголией, осуществления таможенного контроля провоза товаров и проезда транспорта на территории Республики Тыва расположены три таможенных поста: в Тес-Хемском районе — двусторонний автомобильный пункт пропуска (ДАПП) «Шара-Сур», в Овюрском районе — ДАПП «Хандагайты» (сейчас реформируется в многосторонний пункт пропуска), в Эрзинском районе — ДАПП «Цаган-Тологой». Это свидетельствует о значительном потенциале внешнеэкономической деятельности с соседней Монголией. Допандемийная динамика перемещения лиц через ДАПП Хандагайты была одной из самых высоких в Сибири: 2017–2018 гг. — 29%, 2018–2019 гг. — 16%. И это без многостороннего статуса. До пандемии через ДАПП Хандагайты проходило до 28 тыс. транспортных средств и до 106 тыс. лиц в год. В 2021 г. государственную границу через пункт пересекли 3,5 тыс. человек, в 2022 г. пассажиропоток значительно возрос и составил 92,1 тыс. человек. По завершении работ по реконструкции пропускная способность ДАПП Хандагайты увеличится в среднем в 2–3 раза от существующей [2, с. 54].

Во внешнеэкономическом обороте Тувы и Монголии преобладают торговые операции, для которых характерно преобладание товарных позиций: республика поставляет в Монголию товары народного потребления, продукты питания и готовую продукцию промышленных предприятий. Динамичные темпы роста внешнеторгового оборота Тувы и Монголии наблюдаются в последние 7–10 лет. Так, за 2015–2021 гг. этот показатель вырос вдвое и составил в 2021 г. 813,7 тыс. долл. США (рис. 1). В структуре внешнеторгового оборота (ВТО) преобладает экспорт, на долю которого приходится от 91 до 100%. В 2021 г. на долю экспорта приходилось 91,7% ВТО, импорта — 8,3%.

Даже при устойчивой положительной динамике ВТО между Тувой и Монголией масштабы торговых операций пока не играют существенной роли для развития региона. Наличие инфраструктурных ограничений сдерживает динамичное развитие торгово-экономических связей двух стран. Поскольку в республике нет железнодорожного транспорта, основной объем грузоперевозок осуществляется автомобильным транспортом, что является дорогостоящим и не создает условий для повышения конкурентоспособности товаров и привлечения инвестиций в регион [3, с. 20].

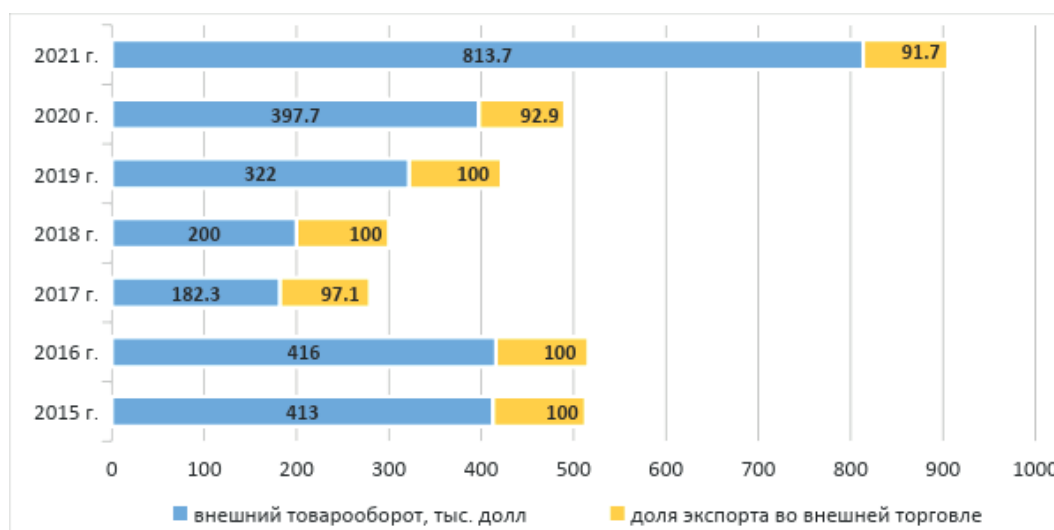

Рис. 1. Внешнеторговый оборот Тувы с Монголией и доля экспорта (Тувы) в нем, 2015–2021 гг.
 Источник: Экспорт и импорт Республики Тыва по странам и группам товаров // Офиц. сайт Сибирского таможенного управления. URL: <https://stu.customs.gov.ru/folder/270765/> (дата обращения: 07.02.2023)

Тем не менее Тува в настоящее время имеет широкий круг стран-партнеров по международной торговле из СНГ и дальнего зарубежья. За 2021 г. ВТО Республики Тыва со странами ближнего и даль-

него зарубежья превысил 152 млн долл. США, что на 149,3 млн долл., или в 49,2 раза, выше уровня 2015 г. (рис. 2).

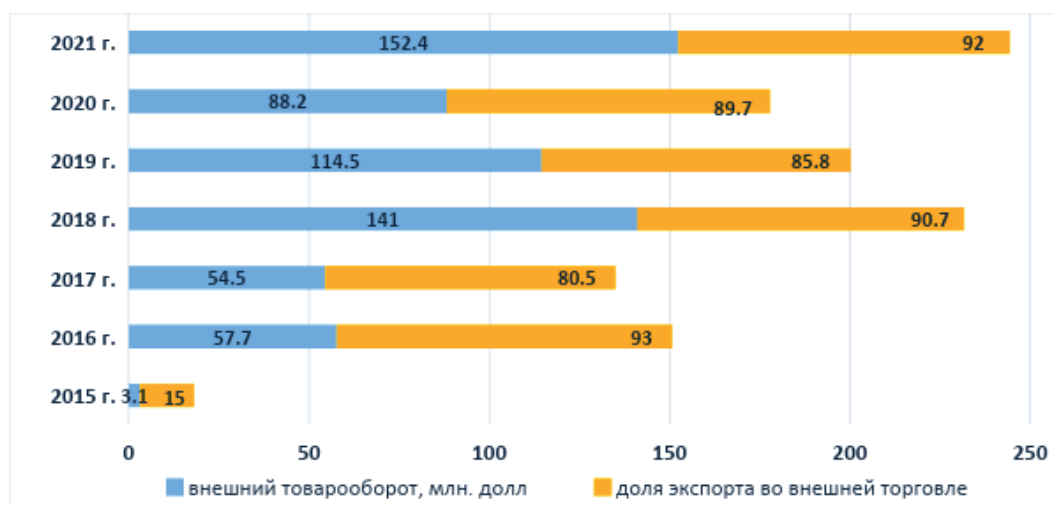

Рис. 2. Внешнеторговый оборот Тувы со странами СНГ и дальнего зарубежья и доля экспорта (Тувы) в нем, 2015–2021 гг.

Источник: Экспорт и импорт Республики Тыва по странам и группам товаров // Офиц. сайт Сибирского таможенного управления. URL: <https://stu.customs.gov.ru/folder/270765/> (дата обращения: 07.02.2023)

По данным налоговых органов Тувы, участники внешнеэкономической деятельности в республике в 2021 г. осуществляли внешнеторговые сделки с 14 странами дальнего и ближнего зарубежья (табл.) по сравнению с партнерством с тремя странами — Монголия (13,2% от ВТО), Китай (85%) и Узбекистан (1,8%) в 2015 г.

В ВТО Тувы преобладает объем торговых сделок со странами ближнего зарубежья, их удельный вес

в 2020 г. достиг 58,7%, в 2021 г. — 60,5%. Торговля Тувы со странами дальнего зарубежья в 2020 г. обеспечила 41,3% стоимостного объема товарооборота республики, в 2021 г. — 39,5%. В 2021 г. экспортировано товаров на сумму 140,2 млн долл. США, или экспорт по сравнению с 2015 г. вырос с 0,5 до 137,7 млн долл., преимущественно за счет роста поставок руд и концентратов цинковых и медных. В экспорте товаров в 2021 г. преобладали минеральные продукты

(рис. 3), из них 94,3% — вывоз в Казахстан и Китай руды и концентратов медных, цинковых и свинцовых руд на сумму 132,3 млн долл. США в объеме 107,8 тыс. тонн.

Динамика товарооборота Республики Тыва со странами — торговыми партнерами за 2021 г.

Страна	Стоимость, тыс. долл. США	Уд. вес, %	2021 г. в% к 2020 г.
Всего	152 365.6	100.0	172.8
в том числе:			
Казахстан	90 576.1	59.4	205.9
Китай	57 179.3	37.5	170.8
Кыргызстан	1 529.0	1.0	55.4
Монголия	813.7	0.5	204.6
Республика Корея	794.0	0.5	-
Вьетнам	722.5	0.5	97.4
Финляндия	609.5	0.4	45.7
Украина	124.3	0.1	6.3
Беларусь	6.2	0.0	-
Япония	5.7	0.0	ув. в 5.1 р.
Германия	3.7	0.0	ув. в 6.9 р.
Швеция	0.8	0.0	-
Соединенное королевство	0.6	0.0	-
Италия	0.2	0.0	-

Источник: Статистическая информация об итогах внешней торговли Республики Тыва за 2021 г. // Офиц. сайт Сибирского таможенного управления [Электронный ресурс]. — URL: <https://stu.customs.gov.ru/document/text/330204/> (дата обращения: 01.03.2023)

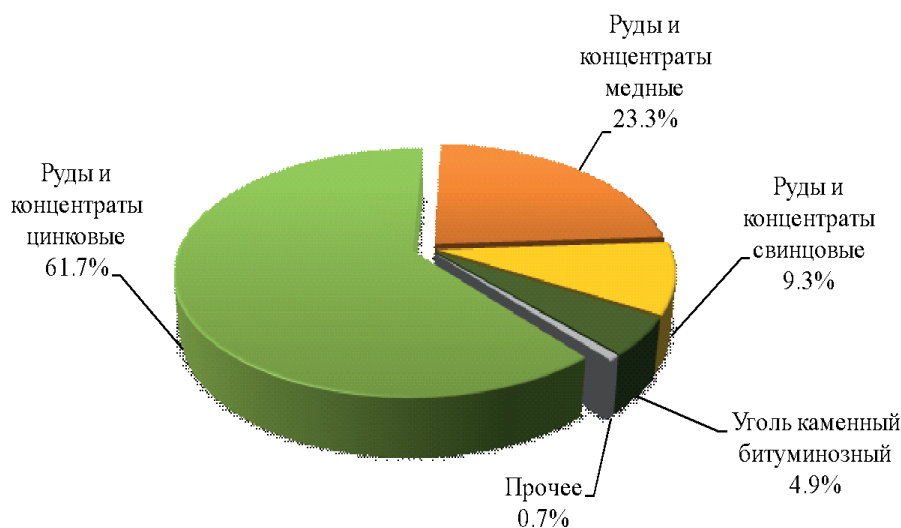

Рис. 3. Товарная структура экспорта Республики Тыва в 2021 г.

Источник: Статистическая информация об итогах внешней торговли Республики Тыва за 2021 г. URL: <https://stu.customs.gov.ru/document/text/330204/> (дата обращения: 01.03.2023)

Импорт товаров в Туву увеличился за 2015–2021 гг. с 2,6 млн до 12,2 млн долл. США (рис. 4). Большую часть — 86,8% стоимостного объема импорта составили товары из Китая, 12,5% — това-

ры из Кыргызстана. 47,9% от общего стоимостного объема импорта составил ввоз оборудования и механических устройств.

Рис. 4. Товарная структура импорта Республики Тыва за 2021 г.

Источник: Статистическая информация об итогах внешней торговли Республики Тыва за 2021 г.
 URL: <https://stu.customs.gov.ru/document/text/330204/> (дата обращения: 01.03.2023)

Таким образом, динамика торговых операций Тувы с внешними партнерами имеет положительное saldo.

Стратегические перемены формирования внешнеэкономических связей Тувы детерминированы перспективами совершенствования транспортных коммуникаций, началом строительства железнодорожного сообщения Тувы и России. Реализация проекта, затрудняемая рядом современных обстоятельств, позволит сформировать единую особую территорию между Россией, Монголией и Китаем [4]. «Западная Монголия может подосоединиться к железной дороге России, далее из Монголии возможно продление железнодорожного сообщения до г. Урумчи (КНР)» [5, с. 339], что решит стратегическую задачу реализации проекта формирования новых транспортных коридоров Россия — Монголия — Китай [6], повысит активность региональных экспортеров и импортеров Республики Тыва, откроет новые возможности увеличения ВТО. Другими словами, решение проблемы относительной транспортной доступности Тувы детерминирует реализацию стратегически значимого увеличения объемов международных экономических связей, может стать драйвером расширения трансграничного взаимодействия России, Китая и Монголии [7, с. 72].

Практика показывает, что развитие экономических связей между пограничными регионами

разных стран формирует механизм эффективного интеграционного межрегионального сотрудничества, в рамках которого возможен существенный рост вовлеченности ресурсов в экономику и реальной эффективности региональной экономики, не зависящей от особенностей распределительного механизма [8, с. 270–272], реализацию конкурентных преимуществ региона, увеличение вклада регионов в экономику страны [9, с. 83–85].

Учеными Тувы доказана эффективность создания инновационного инструмента развития приграничных территорий — формирование трансграничного особого экономического региона (ТОЭР), куда могут войти российские, монгольские и китайские соседние регионы, на которых будет применен селективный налоговый режим². Эффективное функционирование ТОЭР подтверждается успешной практикой развития индустриального комплекса Кэсон, расположенного на границе Республики Корея и КНДР (Южной и Северной Кореи) и приграничных провинций Китая. Основными направлениями экономического взаимодействия предполагаемых участников (государств и субъектов) могут стать создание и развитие предприятий по экологическому освоению природных, минеральных ресурсов (в том числе возможности восстановления и организации производства изделий из асбеста, кобальта), по производству удобрений, строительных материалов и конструкций, мебель-

² Идея создания трансграничного особого экономического региона (ТОЭР) обоснована к. э. н. В.О. Ооржаком (Тув-ИКОПР СО РАН).

ного производства, по глубокой переработке лесной и сельскохозяйственной продукции, решение инфраструктурных, институциональных и других проблем, путем повышения инвестиционной привлекательности территории. Предполагаемыми участниками-субъектами ТОЭР являются Республика Тыва, Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая, Убсунурский и Баян-Улэгэйский аймаки Монголии.

Для Республики Тыва, как и для других регионов Сибири и Азиатской России, характерной является недовостребованность значительного потенциала развития внешнеторговой деятельности, отмечаемая рядом исследователей. При этом потенциал роста объемов внешнеторгового оборота возможен, аналогично другим сибирским регионам, на базе расширения добычи полезных ископаемых, формирования новых перерабатывающих производств в АПК, увеличения поголовья скота, роста потенциала малого и среднего бизнеса, реализации проектов по созданию транспортных коммуникаций [10, с. 287], применения новых инструментов межстранового взаимодействия и научно-технологического развития, расширения пространства межрегионального сотрудничества, новых подходов к формированию инвестиционной стратегии.

Между тем в Туве наблюдается депопуляция территорий, непосредственно граничащих с Монголией. За 2005–2021 гг. численность населения в пяти районах, непосредственно граничащих с Монголией, снизилась на 2,1%, тогда как численность населения Тувы выросла на 9,7%. При этом количество жителей Овюрского кожууна сократилось на 9,6%, Тес-Хемского — на 4,2%. Население трех других районов за этот период выросло: Монгун-Тайгинского — на 0,7%, Эрзинского — на 4,7%, Тере-Хольского — на 11,6% за счет повышения применяемого на их территориях районного коэффициента к заработной плате.

Инвестиции в основной капитал в 2005–2021 гг. не превышали 1% от общего объема инвестиций по республике. Низкая инвестиционная активность обуславливает отставание в наращивании количества и качества образования, здравоохранения, социальной защиты, а также недостаточный уровень доходов, отстающий от среднего по региону, медленные темпы ввода жилья и низкий уровень его благоустройства. Другими словами, приграничные территории Тувы можно отнести к непопулярным, социальная политика в которых требует корректировки ввиду их геополитической значимости. Здесь целесообразно значительно повысить уровень благоустройства вводимого в строй жилья, социально-культурных объектов; работать над диверсификацией сообществ жителей регио-

на, увеличением социального пакета льгот и субсидий для закрепления здесь квалифицированных специалистов и формированием новых инструментов регулирования.

Таким образом, динамика внешнеэкономической деятельности как в целом по России, так и по Туве в частности такова, что рост экспортных объемов в большей части предполагает наращивание добычи природных ресурсов. При этом слабые и даже отрицательные связи между фактором индустриализации экономики регионов с показателями занятости, сельского хозяйства и инноваций характеризует низкий уровень вовлечения человеческого потенциала в создание экспортной продукции в нашей стране.

Одним из основных направлений развития внешнеэкономической деятельности в Республике Тыва является создание условий для закрепления населения в приграничных районах, что позволит снизить их зависимость от финансовой помощи федерального бюджета и более развитых регионов. Здесь возможно как применение новых инструментов стратегического развития: формирование специализированных фондов, разработка и реализация государственных целевых программ, так и создание территорий с особым статусом.

Необходимо также формирование условий увеличения внешнеторгового оборота путем привлечения инвесторов не только к развитию горнодобывающей промышленности, но и к их локализации по месту добычи перерабатывающих производств.

Формирование новых инструментов регулирования создаст условия для расширения внешнеэкономических связей Тувы. Совершенствование системы транспортных коммуникаций, присоединение Тувы к рельсовой сети России может стать началом реализации проекта создания трансграничного российско-монгольско-китайского коридора, а также формирование новых территорий с особым статусом и специальными налоговыми режимами, например, трансграничного особого экономического региона (ТОЭР). Отраслями специализации ТОЭР могут стать производство экологически чистой сельхозпродукции, добыча минерального сырья и его переработка, деревообработка и производство мебели для этнокластеров, воссоздание на новой технологической основе предприятий строительных материалов и конструкций (кирпича, цемента, асбестоцементных изделий), углехимии и углепереработки. В целях инклюзии компаний по переработке добываемого в Туве сырья предлагается применение преференционных режимов для инвесторов и селективная налоговая политика для инноваций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Зубаревич Н. В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 133–145.
2. Бадарчи Х. Б., Соян Ш. Ч., Кылыгдай А. Ч. Потенциал экономики приграничного региона в контексте реализации комплексного проекта по развитию транспортной инфраструктуры // Горная промышленность. 2023. № 2. С. 52–55.
3. Кылыгдай А. Ч. Торгово-экономическое сотрудничество Тувы и Монголии // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24. № 4. С. 15–23.
4. Тува станет сибирскими воротами в Азию // KrasnoyarskMedia.ru. URL: <https://krasnoyarskmedia.ru/news/587327/> (дата обращения: 24.04.2023).
5. Балакина Г. Ф., Бегзи А. Д. Экономика Тувы: возможные стратегии развития. Кызыл, 2016. 380 с.
6. Республика Тыва намерена стать экономическим партнером соседнего Китая // Риа Сибирь. URL: <http://ria-sibir.ru/viewnews/65484.html/> (дата обращения: 24.04.2023).
7. Кылыгдай А. Ч., Соян Ш. Ч. О возможностях развития Тувы как приграничного региона // Экономика Профессия Бизнес. 2022. № 3. С. 69–73.
8. Минакир П. А. Российское экономическое пространство: стратегические тупики // Экономика региона, 2019. Т. 15. Вып. 4. С. 967–980. DOI: 10.17059/2019–4–1.
9. Суслов В. И. Сибирь как мегарегион: экономические параметры и стратегии развития // Сибирь как мегарегион: параметры и цели. Новосибирск, 2018. С. 70–86.
10. Новый импульс Азиатской России / под ред. В. А. Крюкова, Н. И. Суслова. Новосибирск, 2022. 572 с.

REFERENCES

1. Zubarevich N. V. Spatial development strategy: priorities and tools. Issues of Economics. 2019. No. 1. Pp. 133–145.
2. Badarchi X. B., Soyán Sh. Ch., Klygyday A. Ch. Economic potential of a border region in connection with the implementation of an integrated transport infrastructure project. Russian Mining Industry. 2023. No 2. Pp. 52–55.
3. Klygyday A. Ch. Trade and economic cooperation of Tuva and Mongolia. Asia-Pacific region: economics, politics, law. 2022. Vol. 24. No. 4. Pp. 15–23.
4. Tuva will become the Siberian gateway to Asia URL: <https://krasnoyarskmedia.ru/news/587327/> (date of access: 26.01.2023).
5. Balakina G. F., Begzi A. D. Economy of Tuva: feasible development strategies. Kyzyl, 2016. 380 p.
6. The Republic of Tuva intends to become an economic partner of neighboring China. Ria Siberia. URL: <http://ria-sibir.ru/viewnews/65484.html> (date of access: 24.04.2023).
7. Klygyday A. Ch., Soyán Sh. Ch. About the development opportunities of Tuva as a border region. Economics Profession Business. 2022. No. 3. Pp. 69–73.
8. Minakir P. A. Russian economic space: strategic dead ends. Economics of the region. 2019. Vol. 15. Issue. 4. Pp. 967–980. DOI: 10.17059/2019–4–1.
9. Suslov V. I. Siberia as a mega-region: economic parameters and development strategies. Siberia as a mega-region: parameters and goals. Novosibirsk, 2018. Pp. 70–86.
10. A new impulse of Asian Russia / edited by V. A. Kryukov, N. I. Suslov. Novosibirsk, 2022. 572 p.

Поступила в редакцию: 19.06.2023.

Принята к печати: 05.07.2023.

УДК 330.3 (510)
DOI 10.14258/epb202337

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ КИТАЙСКОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИКИ

С. И. Обиремко, Лю Дзяньлу

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В статье анализируются достоинства и недостатки китайской экономической модели. Предложен критический анализ западных подходов к исследованию особенностей национальной модели экономики Китая. Рассмотрен основополагающий принцип формирования китайской национальной модели экономики — «демократический централизм». В статье уделяется внимание анализу демографического фактора формирования китайской экономической модели. В частности, его оценка с точки зрения теории «человеческого капитала». Авторы предлагают оценить последствия масштабных инвестиций в систему образования и здравоохранения в Китае с позиций капитализации демографического фактора и критической оценки «демографического дивиденда».

Большое внимание уделяется анализу недостаточно изученных особенностей налоговой политики Китайской Народной Республики. Дается оценка специфики структурной политики в сфере реализации промышленной политики.

Вместе с тем авторы далеки от идеализации китайской экономической модели и исходят из ее уникальности, связанной с такими фундаментальными факторами формирования модели, как исторический путь страны, менталитет народов, ее населяющих.

Ключевые слова: Китай, китайская модель, восточноазиатская модель, мировое лидерство, темпы роста, экологические проблемы, валовой продукт, Пекинский консенсус, демографический дивиденд, демократический централизм.

SOME FEATURES OF THE MODERN DEVELOPMENT OF THE CHINESE ECONOMIC MODEL

S. I. Obiremko, Liu Jianlu

Altai State University (Barnaul, Russia)

The article reveals the merits and shortcomings of the Chinese economic development model. A critical analysis of Western approaches to the study of the features of the national model of the Chinese economy is proposed. The fundamental principle of the formation of the Chinese national economic model — “democratic centralism” is considered. The article focuses on the analysis of the demographic factor of the formation of the Chinese economic model. In particular, his assessment from the point of view of the theory of “human capital”. The authors propose to assess the consequences of large-scale investments in the education and healthcare system in China from the standpoint of capitalization of the demographic factor and a critical assessment of the “demographic dividend”.

Much attention is paid to the insufficiently analyzed features of the tax policy of the People's Republic of China. An assessment of the specifics of structural policy in the field of industrial policy implementation is given.

At the same time, the authors are far from idealizing the Chinese economic model and proceed from its uniqueness associated with such fundamental factors of the formation of the model as the historical path of the country, the mentality of the peoples inhabiting it.

Keywords: China, Chinese model, East Asian model, world leadership, growth rate, ecological problems, gross product, Beijing Consensus, demographic dividend, democratic centralism.

Наиболее распространенным подходом к определению «национальной модели» экономики можно считать тот, при котором национальная экономика рассматривается как сложная взаимосвязанная система, охватывающая весь социально-экономический комплекс страны на региональном и национальном уровнях. Для характеристики национальных экономик используются функциональные, географические и отраслевые характеристики. Согласно функциональному принципу, характеристика национальной экономики определяется эффективностью применения основных экономических ресурсов, находящихся в распоряжении страны: людей, природы и капитала на основе исторически сложившихся экономических связей в процессах производства, обмена, распределения и потребления. В этом случае возможно выделение важнейших уровней экономического анализа: макроэкономического, мезоэкономического и микроэкономического. По нашему мнению, поскольку народное хозяйство каждой страны имеет различную природу, то все они располагают принципиально разными характеристиками. Именно этот аспект зачастую не принимается во внимание при попытках анализировать особенности экономического моделирования в каждой отдельной стране. Предпринимаются не всегда обоснованные попытки чрезмерно универсализировать экономический анализ.

Начнем наш анализ с принципиальной критики традиционных для западной экономической мысли взглядов на процессы развития «китайской национальной экономической модели».

Некоторые ученые и средства массовой информации на Западе предложили различные, но в то же время во многом совпадающие идеи развития экономики Севера и Юга Китайской Народной Республики, как модели «двух Китаев». С их точки зрения, между моделями экономического развития на Юге и Севере Китая есть не только большие различия, но и принципиальное несовпадение [1].

Мы полагаем, либо такой подход является поверхностным, свидетельствующим об отсутствии серьезной информации о развитии Китая, либо мы имеем дело с традиционным для Запада неприятием опыта, несовпадающего с мейнстримом западной идеологии, либо делается сознательная и недобросовестная попытка ввести мировое экономическое сообщество в заблуждение.

Во-первых, история экономического развития Севера и Юга демонстрирует различия, но это отнюдь не параллельное развитие разных моделей. Существуют очевидные различия в географии, климате и ресурсах между северной и южной частями республики, но очевидно, что экономическое развитие двух регионов одной страны нельзя отделить

от роли политического руководства и идентичности рыночных сил. Исторически сложилось так, что экономическое развитие Китая всегда зависело от руководящей роли правительства и существует много общего между политикой, проводившейся Севером и Югом в разные периоды. Например, в первые дни «реформ и открытости» как Север, так и Юг запустили политику создания особых зон для привлечения иностранного капитала и технологий для содействия местному экономическому развитию. Кроме того, и Север, и Юг начали проводить торговую и промышленную политику, направленную на поддержку развития местных предприятий и обеспечение эффективного руководства модернизацией промышленности. Поэтому хотя между Севером и Югом есть различия в некоторых аспектах, очевидной разницы нет.

Основные доказательства очевидного заблуждения западных аналитиков ярко демонстрируют традиционные объекты экономической аналитики. Например, темп роста ВВП, доход на душу населения, рассчитанный для условно географически отделенных регионов.

Темпы роста ВВП. Если рассматривать по отдельности северные и южные регионы Китая в 2020 г., то темпы роста ВВП южного региона Китая составили 6,9%, а темпы роста ВВП северного — 6,8%. Хотя темпы роста в южном регионе несколько выше, существенной разницы в динамике нет, что также объясняет отсутствие различий в национальной политике, в моделировании экономических процессов [2, р. 76].

Доход на душу населения. По данным Национального бюро статистики, в 2020 г. располагаемый доход на душу населения на юге Китая составлял 36 446 юаней, а на севере Китая — 33 187 юаней. С точки зрения доходов жителей существенной разницы нет, но Юг немного опережает Север [2, р. 84].

Во-вторых, ведущими китайскими экономистами аналитического центра китайского правительства различия северной и южной экономикой Китая расцениваются как видимость.

Ван Имин (заместитель директора Института экономики Китайской академии общественных наук) считает, что разница в экономическом развитии между Севером и Югом в основном связана с дисбалансом в региональном развитии, вызванным такими факторами, как история, география и политика. Принципиальной разницы между Севером и Югом нет, но существующие различия сформировались в конкретных исторических условиях. По мере корректировки национальной политики и совершенствования рыночных механизмов различия между северным и южным регионом будут постепенно уменьшаться [3, р. 12].

Джастин Ифу Линь (профессор Национальной школы развития Пекинского университета) отметил, что различия в моделях экономического развития между Севером и Югом не являются абсолютными. Хотя эти два региона различаются по обеспеченности ресурсами, промышленной структуре, структуре населения и т. д., у этих двух регионов также есть сходство. Например, и Север, и Юг сотрудничают в активном развитии новых отраслей промышленности и укреплении научно-технических инноваций. Поскольку акцент развития страны постепенно смещается в сферу решения внутренних проблем — развитие внутреннего спроса; согласованное внедрение цифровых технологий; сокращение разрыва между богатыми и бедными, эффективная приватизация находящихся в государственной собственности предприятий и «находящихся в государственной собственности активов»; устранение чрезмерного администрирования; формирование эффективной «сельско-городской сдвоенной экономической структуры» — разрыв между Севером и Югом будет постепенно сокращаться [4, p. 169].

Го Тяньюн (декан Национального института финансовых исследований Университета Цинхуа) считает, что различия в моделях экономического развития между Севером и Югом лишь внешние. По мере корректировки национальной политики и совершенствования рыночных механизмов различия между Севером и Югом будут постепенно сокращаться или исчезать. Поэтому мы должны использовать более комплексную и объективную перспективу, чтобы посмотреть на различия в моделях экономического развития между этими регионами. Ученый полагает, что различия в их экономическом развитии не абсолютны и являются лишь одним из проявлений текущего дисбаланса в развитии регионов [5, p. 69].

Большой резонанс на Западе получила концепция «Пекинского консенсуса», под которым понимается экономическая политика Китайской Народной Республики. По мнению ее авторов, данная экономическая модель начала развиваться после смерти Мао Цзэдуна и реабилитации Дэн Сяопина и обеспечила восьмикратный рост китайской экономики. Дж. К. Рамо полагал, что данная модель развития базируется на следующих принципах: сохранение авторитарного режима при постепенной демократизации общества; постепенное дерегулирование цен, соблюдение плюрализма форм собственности и контроля; сильная экспортно-ориентированная промышленность; занижение валютного курса и накопление валютных резервов; большое внимание опоре на традиционные ценности. Дж. Уильямсон выделяет пять элементов: постепенность реформ; опора на инновации и ис-

пользование экспериментов; обеспечение роста экономики за счет экспорта; разнообразие форм «государственного капитализма»; сохранение авторитаризма [6].

Отметим, что сам подход и терминология вызывают справедливое недоумение и негодование в связи с явным проявлением западного гегемонизма. Ч. Вэйвэй (профессор Пекинского университета) считает, что Китай воспользовался полезными идеями значимости рынка, предпринимательской деятельности, глобализации и международной торговли. При этом Китай самостоятельно определяет, как и в какой форме использовать позитивное наследие мировой экономической мысли и опыта. Китайский экономист убежден, что, как и всякая другая концепция, модель имеет недостатки, и полагает, что достоинством китайской национальной модели является «приоритет стабильности» [5, p. 94].

Существенными чертами китайской модели практически все китайские специалисты считают: направленность на искоренение нищеты в китайском обществе; постепенное, но планомерное обновление общественных и государственных институтов, при котором «институты не разрушаются до основания, а мягко реформируются»; четкая очередность мероприятий совершенствования и реформ; отсутствие слепого копирования какой-то конкретной модели.

Именно такой подход обеспечил впечатляющие результаты. С 1979 по 1999 г. объем ВВП Китая вырос в 5,7 раза, иными словами, увеличивался на 9,6% в год. Производство ВВП на душу населения за десять лет выросло в 4,4 раза, производительность труда увеличилась в 3,6 раза. К 1999 г. объем ВВП Китая составил более 1 трлн долл. США, а в 2009 г. — порядка 4 трлн долл., что позволило Китаю занять второе место в мире по данному показателю. Экономика Китая в настоящий момент является лидером в мире [6, p. 33].

При этом практически все специалисты отмечают опору на традиционные ценности, без понимания которых невозможно анализировать реальные результаты и направления дальнейшего трансформирования китайской экономической модели. Китай является одной древнейших цивилизаций, которая смогла сохраниться до настоящего времени. Ее элементами выступают ханьская культура, которая в основном сформирована конфуцианством, легизмом, даосизмом и буддизмом, а также многочисленными малыми культурами и традициями. Профессор Шанхайского университета Хуан Пин справедливо утверждает, что непредвзятый подход к траектории развития, которой следует Китай, приводит к выводу, что этот путь принадлежит исключительно Китаю. Современ-

ная модель Китая не попадает под определение переходной или временной экономики.

Мы полагаем, что китайская экономика — это смешанная система, которая появилась как результат взаимодействия особенного политического строя Китая, его культурных традиций и экономического капитала. Китайская экономика представляет собой совершенно новую экономическую систему, которая возникла в результате взаимодействия «видимой руки государства» с «невидимой рукой рынка» под влиянием китайской культуры Конфуция и Мэнцзы.

Какие же основные характеристики могут лежать в основе анализа китайской экономической модели?

По нашему мнению, демократический централизм — основа китайской экономики. В реальном процессе экономического и социального развития Китая демократический централизм играет роль, которую нельзя игнорировать: он является не только основой политической организации, но и главным организационным принципом партии и основных институтов страны. То есть он превращается в основной институциональный принцип, эффективно организующий партию и государство. Руководитель современной партийной и государственной системы КНР Си Цзиньпин в своем выступлении по случаю 60-летия Всекитайского собрания народных представителей подчеркнул, что «демократический централизм может стать мощной силой для управления страной и эффективно предотвратить взаимную сдержанность и серьезные внутренние трения». Демократический централизм — в то же время политический процесс, который формирует различные области экономической жизни в различных измерениях: «государство — общество, центральное — местное, правительство — предприятие», демонстрируя институциональную организацию и мощный синергический потенциал управления экономикой Китая.

Если «демократический централизм» является принципом, обеспечивающим целостность сложного динамично развивающегося народного хозяйства КНР, то налоговая политика, безусловно, рассматривается как самый важный инструментальный элемент национальной экономической модели. Поэтому мы полагаем, что *современная налоговая политика* является второй важнейшей характеристикой моделирования экономических процессов в Китае.

Политический демократический централизм позволил Китаю создать смешанную экономическую модель, реализуя объединение «дизайна высшего уровня и местных инноваций» и устраняя внутреннюю напряженность между государством и рынком,

а также центральными и местными органами власти в экономическом развитии Китая. Руководствуясь экономическими показателями, центральное правительство стремится проводить реформы и обеспечивать развитие «сверху донизу», от общенационального к местному. В то же время оно активно поощряет местные инновации и исследует тем самым уникальные пути, подходящие для моделей местного развития, стимулируя жизнеспособность местного экономического развития. Таким образом, центральное правительство и местные провинциальные власти тесно сотрудничают в рамках макроструктуры смешанной экономической модели. Важнейшую коммуникацию в этих процессах обеспечивают налоги. Налоги — это кровь экономики страны, основополагающий элемент бюджета государства. Реформы распределения налогов привели к перераспределению доходов бюджета, предоставив центральному правительству практически прямой контроль над осуществлением местных расходов. В первые годы внедрения системы распределения налогов влияние центрального правительства было очень очевидным: в 1994 г. доля доходов центрального правительства в бюджете возросла до 56%.

Это позволило устранить многие возможности хищений, нецелевого использования средств и т. п., существовавших при старой системе. Рассматриваемый в качестве транзакционного налога НДС эффективно предотвращает перераспределение налогов местными органами власти и уклонение от уплаты налогов государственными предприятиями.

В рамках налоговой реформы центральное правительство забрало большую часть налоговых поступлений. Но налоговые поступления местных органов власти не уменьшились (рис. 1), так как система управления земельными ресурсами Китая уникальна. Городские земли Китая принадлежат государству, а сельская земля находится в собственности сельских коллективов. Большая часть земли, необходимой для расширения городов и строительства промышленных парков, приходится на сельские коллективные земли, но эти земли должны быть приобретены государством, прежде чем их можно будет застроить и продать. Это означает, что местное самоуправление занимает монопольное положение на первичном рынке городских земель, и в то же время государство осуществляет жесткий контроль за изменением характера земель. Исследование показало, что местные органы власти намеренно ограничивают размер коммерческой и жилой земли в пределах своей юрисдикции, чтобы они могли контролировать арендную плату за коммерческую и жилую землю. У коммерческих и жилых землепользователей нет другого выбора, кроме как платить высокую арендную пла-

ту за землю местным органам власти и перекладывать расходы на местных жителей, которые являются коммерческими и бытовыми потребителями. То есть арендная плата за землю составляет более 30% в общем объеме затрат частных предпринимателей. В относительно слабо развитых районах Китая этот показатель достигает 70%! Именно эти сборы за передачу земли позволяют местным орга-

нам власти быть конкурентоспособными в решении многих вопросов, предоставляя пакет преференциальной политики, включая дешевую землю и налоговые льготы в процессе привлечения инвестиций в местную обрабатывающую промышленность. Очевидно, что в области налогообложения китайская модель имеет существенный потенциал совершенствования.

Рис. 1. Элементы национальных бюджетных доходов с 1980–2020 гг. Доля доходов центрального бюджета в национальных доходах бюджета, %

Особое место в модели экономики занимают внешнеэкономические связи Китая. Размер экономики страны часто определяется с точки зрения объема внешней торговли. КНР продолжает оставаться крупнейшей торговой страной в мире с 2013 г. На его долю приходилось 11,4% мировой торговли товарами в 2017 г. По значимости отдель-

ных предприятий Китай насчитывает 111 компаний в списке Fortune Global 500, что эквивалентно числу компаний в Соединенных Штатах. С точки зрения размера капитала у КНР огромная финансовая система (крупнейшая в мире банковская система, второй по величине фондовый рынок и третий по величине рынок облигаций) [7].

Рис. 2. Индекс экономической взаимозависимости Китая и мира

Что касается технологий, Китай вложил значительные средства в исследования и разработ-

ки (в 2018 г. он занял второе место в мире с расходами на исследования и разработки в размере

293 млрд долл. США). С точки зрения торговли, значимости предприятий, капитала и технологий Китай стал одной из крупнейших мировых держав, при этом зависимость страны от мировой экономики относительно снижается, а зависимость мира от экономики Китая относительно возрастает (рис. 2). Снижение мировой зависимости в определенной степени отражает постепенное смещение фокусирования китайской экономики на развитие внутреннего потребительского рынка.

С 2015 по 2019 г. на внутреннее потребление Китая приходилось более 60% общего роста ВВП. В 2017–2018 гг. около 76% роста ВВП Китая приходилось на внутреннее потребление, тогда как вклад чистого объема торговли в рост ВВП был фактически отрицательным. В 2008 году у КНР было чистое положительное сальдо торгового баланса в размере 8% ВВП, но к 2018 году оно упало примерно до 1,3%, что ниже, чем у Германии или Южной Кореи, у которых чистое положительное сальдо торгового баланса составляло 5% ВВП (~8%) [5, р. 72].

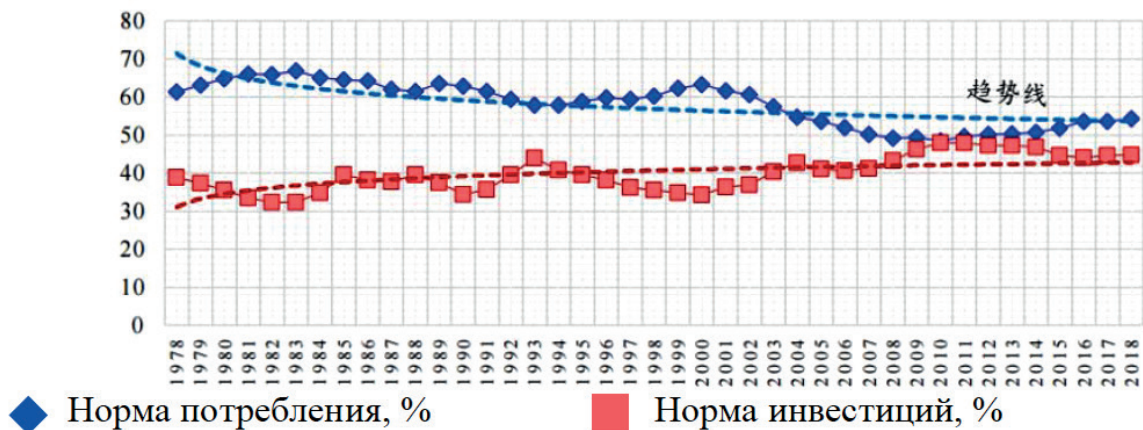

Рис. 3. Диапазон колебаний нормы инвестиций и нормы потребления (1978–2018 гг.)

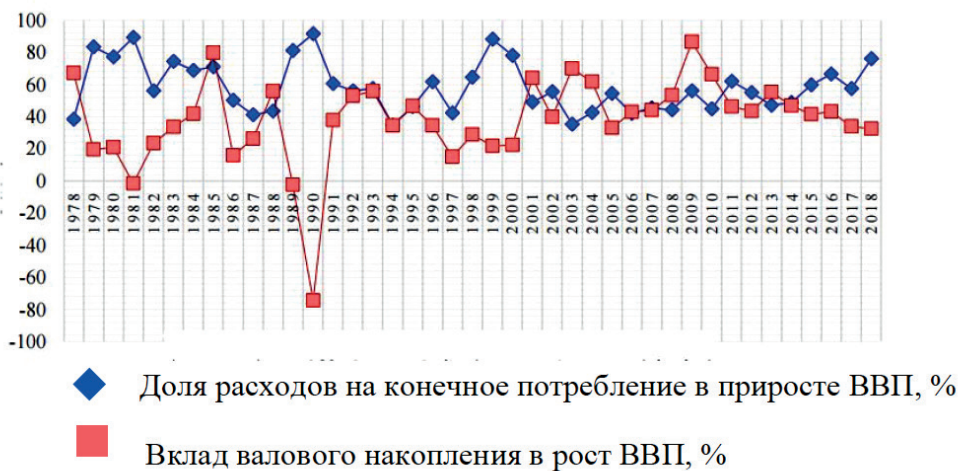

Рис. 4. Вклад инвестиций и потребления в экономический рост (1978–2018 гг.)

Динамичное изменение структуры внутреннего спроса в Китае обеспечивает адаптивность экономического развития. Но в целом уровень инвестиций в Китае выше среднемирового, а уровень потребления ниже (табл. 3). С началом процесса социалистической индустриализации внутренний инвестиционный спрос высвободился, и доля ва-

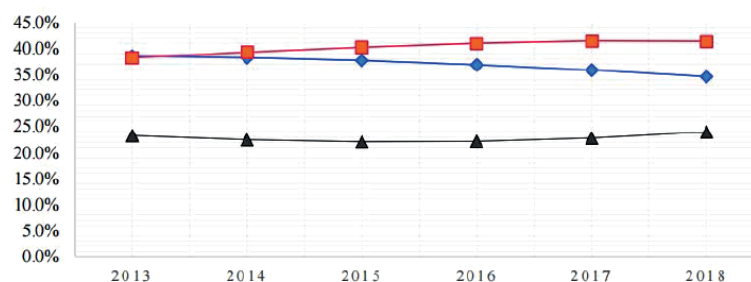
лового накопления капитала в ВВП однажды выросла до 79,8% в 1985 г. Хотя колебания нормы инвестиций и нормы потребления постепенно замедляются, тенденция нормы инвестиций восходящая, а потребления — прямо противоположная (рис. 4). Меры, принятые в ответ на азиатский финансовый кризис в конце XX в., вновь ускорили рас-

ширение инвестиций в социальную сферу и подняли инвестиционный энтузиазм, однако прямой стимулирующий эффект на общественное потребление в то время не был очевиден, что оказало влияние на внутреннее производство расходов на конечное потребление и валовые накопления. В 2001 г. изменилась норма вклада в рост общей стоимости (рис. 5), и дисбаланс между инвестициями и развитием потребления еще более усилился [8, р. 46].

Уровень инвестиций в Китае постепенно увеличивается, и на данном этапе экономическая модель, в которой доминируют инвестиции и экспорт, привела к относительно быстрому росту экономики Китая. За этот период уровень инвестиций вырос с 36,3% в 2001 г. до 47,9% в 2010 г., что выше среднемирового уровня, в то время как уровень потребления быстро снизился с 61,6% в 2001 г. до 48,5% в 2010 г. (рис. 4). На этом этапе средняя норма вклада инвестиций в экономический рост достигла 56,2%, а средняя норма вклада потребления в экономический рост составила 47,0%. В 2008 г. китайское правительство увеличило инвестиции в управляемом государством секторе, чтобы адаптироваться к ситуации. Это обеспечило бесперебойную работу китайской экономики под воздействием внешних кризисов, однако под влиянием таких факторов, как временной эффект накопления и временной лаг «переваривания», китайская экономика сталкивается со структурными диспропорциями. После финансового кризиса 2008 г. реальный уровень инвестиций в Китае был значи-

тельно выше, а общее развитие потребления было недостаточным, однако потребление является конечной целью общественного материального производства, а масштабы и количество эффективных и прибавочных продуктов, производимых за счет инвестиций, должны быть поглощены конечным потреблением. Поэтому потребление часто рассматривается как «щебень» и «стабилизатор» экономического развития, который используется для оптимизации инвестиций и содействия реализации экономических преобразований. По опыту развитых стран, когда ВВП на душу населения в стране превышает 10 тыс. долл. США, ее экономическое развитие вступает в период изменений и модернизации структуры потребления. В 2018 г. ВВП на душу населения в КНР увеличился до 9 960 долл. США [9], а структурная трансформация и улучшение спроса создали новые возможности экономического роста. С 2014 г. вклад потребления в рост ВВП Китая постепенно превышает вклад инвестиций. В 2018 г. доля расходов на конечное потребление в приросте ВВП составила 76,2%. В этот период потребление было основным источником экономического роста в течение пяти лет подряд, и возникает экономическая модель Китая, ориентированная на потребление [10, р. 6].

Категории потребления, связанные с повышением самооценки, улучшением качества жизни и разнообразными индивидуальными потребностями, постепенно формируют новую структуру потребления.

◆ Доля прожиточного минимума

■ Доля потребления разработки

▲ % бытового потребления

Рис. 5. Изменение структуры потребления горожан (2013–2018 гг.)

Демографические ресурсы как гарантия стабильности экономического развития страны. Китай является страной с большим населением. Китайские ученые и исследователи подсчитали, что «предельный эффект коэффициента общей демографической нагрузки составляет $-0,115$, то есть увеличение коэффициента общей демографиче-

ской нагрузки на одну единицу приведет к замедлению темпов экономического роста на 0,115 процентных пункта, и наоборот» [5, р. 82]. Общий коэффициент демографической нагрузки снизился более чем на 20% (рис. 6), а снижение общего коэффициента демографической нагрузки способствовало высоким темпам роста ВВП на душу на-

селения. Достаточное предложение рабочей силы, легкое социальное бремя, высокая предпочтения национальных сбережений и высокая инвестиционная предпочтения ускоряет накопление богатства и значительно увеличивает рост ВВП. В то же время сочетание прироста ежегодного предложения рабочей силы и промышленных инвестиций создавало огромный эффект повышения производитель-

ности. После 2005 г. общий коэффициент демографической нагрузки в целом оставался ниже 40% (рис. 7). В 2011 г. доля населения трудоспособного возраста в КНР начала снижаться, абсолютная численность трудоспособного населения также постепенно уменьшалась, общая доля иждивенцев продемонстрировала тенденцию к росту, а демографический дивиденд вступил в период упадка.

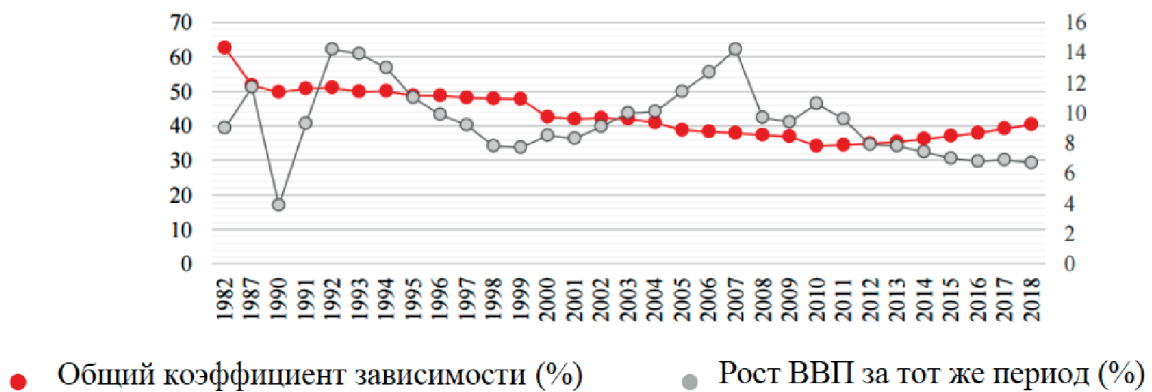

Рис. 6. Связь между общей долей демографической нагрузки и экономическим ростом в Китае (1982–2018 гг.)

Развитие образования и общее повышение качества работающего населения. Образование является ключевым способом повышения качества работающего населения. После реформ и открытости Китай ускорил модернизацию образования. По сравнению с началом основания Китайской Народной Республики в 2018 г. «чистый коэффициент охвата начальной школой увеличился до 99,95%, общий коэффициент охвата неполной средней школой увеличился до 100%, показатель охвата средней школы увеличился до 88,8%, а общий уровень зачисления в высшие учебные заведения увеличился до 48,1%» [11, р. 124].

Накопление человеческого капитала и долгосрочный экономический рост. Развитие информационного общества превращает человеческий капитал в ключевой фактор повышения общественной производительности хозяйственной деятельности.

В процессе экономического развития Китая запасы и уровень человеческого капитала всегда были наиболее активной движущей силой экономической деятельности. Как движущая сила экономического роста человеческий капитал имеет самый большой «коэффициент эластичности выпуска», поэтому его вклад в экономику Китая становится все более и более очевидным. В период серьезной трансформации, когда экономика Китая поворачивается к качественному развитию, развитие человеческого капитала, как правило, должно характеризоваться более продвинутой к современ-

ным видам деятельности профессиональной структурой, чтобы облегчить формирование «основного резерва талантов и предложения промышленных инноваций для модернизации промышленности» в качестве важнейшего элемента экономической стратегии КНР как одного из экономических лидеров современного мира.

К факторам, влияющим на общий объем человеческого капитала, в основном относятся уровень образования и продолжительность «трудоспособности» населения, «норма отдачи от образования», доля обучения на рабочем месте, когнитивные изменения в структуре населения всего общества. Причем для китайского подхода характерна попытка выйти из традиционного анализа динамики рабочей силы, принятого в западной и российской практике. В частности, интерес представляет использование такой сложной характеристики, как «трудоспособность населения». Она предполагает оценку здоровья в соответствии с возрастными категориями, занятие работающих групп населения традиционными видами дыхательной гимнастики в рамках стихийных «нерегулируемых» и хорошо организованных секций, обращение к традиционной китайской медицине и т. п. Подтверждение таких занятий служит весьма серьезной конкурентной характеристикой работника при найме. Известны в литературе и подходы китайских экономистов к расчетам «нормы отдачи от образования». Но в данной статье нет необ-

ходимости серьезного анализа китайских методик анализа динамики рынка труда, однако отметим перспективность их изучения в силу уникальности китайской модели экономики и необходимости исследования опыта организации регулирования рынка труда.

В последние годы широко применяется понятие «демографического дивиденда». В конце 1990-х гг. эксперты Всемирного банка Д. Э. Блум и Дж. Г. Уильямсон обратили внимание на интересные тенденции в развитии экономики азиатских стран (в частности Индии, Китая и ряда других) в связи с уникальным и, что самое главное, «долгоиграющим» фактором экономического роста — возрастной структурой населения, при которой доля населения, находящегося в наиболее продуктивном возрасте, существенно превышает долю населения непродуктивных возрастов (детей и стариков) при снижающейся рождаемости в течение продолжительного периода времени [12, с. 419–455]. Как впоследствии утверждал Фонд Организации Объединенных Наций в области народонаселения (ЮНФПА), такие страны «имеют право на повышение производительности экономических факторов». Отметим в этой связи важные особенности китайской экономической модели:

- «демографический дивиденд» в ней рассматривается именно как способ и результат использования человеческого капитала;
- в модели он сопрягается с необходимостью формирования «образовательного дивиденда» — результатом капитализации (человеком, фирмой, страной) знаний, навыков, опыта;
- огромное внимание этому «сопряжению» уделяется в современных программных документах КПК и китайского государства.

Данные исследования «Отчет о человеческом капитале Китая за 2018 год» показывают, что с 1985 по 2016 г. общий запас человеческого капитала в стране демонстрировал тенденцию к росту. Среднегодовой темп роста человеческого капитала в сельской местности составлял 3,84%, в то время как среднегодовой показатель темпов роста городского человеческого капитала достиг 10,28% [13, р. 63]. После принятого курса «реформ и открытости» трансформация экономической системы Китая ускорилась, социалистическая рыночная экономика получила существенное развитие, и государство с еще большей энергией обратилось к ускорению развития образования и подготовки кадров. Что касается динамического развития человеческого капитала, то с 1985 по 2016 г. среднегодовой темп роста человеческого капитала на душу населения по стране составлял около 7,33% [4, р. 169]. *Распределение занятости работающего населения*

Китай отражает корректировку и серьезные изменения экономической структуры.

Во-первых, общая занятость работающего населения Китая постоянно увеличивается, а общий масштаб расширяется. Рыночные реформы ускорили поток и перемещение рабочей силы между регионами, ведомствами и отраслями. Масштабы городской и сельской занятости увеличились на 93%, а численность трудоспособного населения увеличилась примерно до 780 млн человек [11, р. 126]. Во-вторых, трансформация структуры занятости рабочей силы в экономическом развитии Китая, в целом, отражает корректировку и изменения структуры экономики, но все же еще существует определенная неудовлетворенность отклонениями движения занятости от трансформирующейся промышленной структуры.

Китайская модель экономики опирается на особый подход к структурированию промышленности. Китайский подход предполагает выделение «первичных», «вторичных» и «третичных отраслей промышленности». К «первичным» относятся прежде всего добывающие отрасли и предприятия первичной переработки сельскохозяйственной продукции, а также предприятия первичной лесопереработки и т. п. «Вторичную» составляют производство продуктов питания, текстильная, обувная и другие отрасли. Отметим, что «третичная» промышленность в китайской модели также серьезно представляет свою продукцию на рынках одежды, обуви и других предметов потребления. Китайские источники убеждены, что основные различия групп отраслей вызваны технологическим строем производства. Ряд китайских специалистов считает, что «первичная» промышленность представлена в основном «рутинными традиционными технологиями»: основным критерием выступает применение ручного труда, низкий уровень энергообеспеченности производства и энерговооруженности труда.

«Вторичная» промышленность представлена в основном «инженерными технологиями». При этом продукция в основном производится при практическом отсутствии автоматизации. Низок уровень применения компьютерной техники и цифровых технологий. Инженерные технологии преобладают, но рутинные присутствуют. Не вытеснен ручной труд.

«Третичная» группа представлена «изменчивыми технологиями». Высока доля автоматизированных процессов и цифровых технологий.

За последние 40 лет реформ и открытости, с ускорением новой индустриализации и урбанизации доля первичной промышленности Китая продолжала снижаться, а разрыв между долями вторичной и третичной промышленности постепенно

сокращался. В 2012 г. доля третичной промышленности впервые превысила долю вторичной, а сфера услуг быстро развивалась.

Четко отражает эти перемены промышленных приоритетов и занятость. В связи с этим доля занятых в традиционном сельскохозяйственном секторе продолжала снижаться, привлекательность городского несельскохозяйственного труда значительно возросла, а масштабы занятости, привлекаемой вторичными и третичными отраслями, продолжали расти, особенной привлекательностью при этом обладает и занятость в сфере услуг. После вступления в XXI век, с активным развитием

передовой обрабатывающей промышленности Китая доля занятых во вторичной промышленности достигла пика в 2012 г., а затем начала снижаться. В 2018 г. на долю занятых в первичной промышленности приходилось 26,1% от общей занятости, во вторичной промышленности — 27,6%, в третичной — 46,3% [11, p. 132].

Подводя итоги, отметим, что в рамках небольшой статьи невозможно представить полноценный анализ национальной экономической модели Китая. Наш анализ показывает, насколько велики возможности развития и как сложны процессы трансформации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бергер Я. М. Экономическая стратегия Китая. М., 2009.
2. Continuously improving the level of investment in fixed assets continues to play a key role in development // National Bureau of Statistics. July 29. 2021.
3. Yuan Fuhua, Zhang Ping, Li Zhaochen. The Causes of Discontinuous Growth and the Transformation of Innovation Paths // Journal of the Party School of the Central Committee of the Communist Party of China. 2018. Vol. 22. Iss. 1.
4. Shijin Liu. Ten-Year Prospects for China's Economic Growth (2018–2027): Medium-speed Platform and High-quality Development. CITIC Publishing Group, 2018.
5. Dewen W., Fang C., Xuehui Z. Saving Effect and Growth Effect of Demographic Transition — On the Demographic Factors of China's Growth Sustainability // Population Research. 2004. Iss. 5.
6. Haggard S. Pathways from the Periphery: the politics of growth in the newly industrializing countries. Cornell, 1990.
7. China Statistical Yearbook 2019 // National Bureau of Statistics, China Statistics Press. Beijing, 2019. P. 33.
8. White Paper on China's Digital Economy Development and Employment. // China Academy of Information and Communications Technology. 2019.
9. Statistical Bulletin of the People's Republic of China on National Economic and Social Development in 2018 // People's Daily. 2019. March 1. № 1.
10. Results of the Fourth National Economic Census // China Education News. 2019.
11. Refer to the index value. China Statistical Yearbook 2019. // National Bureau of Statistics, 2019.
12. Блум Д. Э., Уильямсон Д. Г. Демографические переходы и экономические чудеса в развивающейся Азии // Обзор экономики Всемирного банка. 1998. № 12.
13. China Human Capital Report 2018. Economics and Public Policy Superior Discipline Innovation Platform: scientific research results. Beijing, 2018.

REFERENCES

1. Berger Ya. M. China's economic strategy. M., 2009.
2. Continuously improving the level of investment in fixed assets continues to play a key role in development. National Bureau of Statistics. 2021. No. 29.
3. Yuan Fuhua, Zhang Ping, Li Zhaochen. The Causes of Discontinuous Growth and the Transformation of Innovation Paths. Journal of the Party School of the Central Committee of the Communist Party of China. 2018. Vol. 22. Iss. 1.
4. Shijin Liu. Ten-Year Prospects for China's Economic Growth (2018–2027): Medium-speed Platform and High-quality Development. CITIC Publishing Group, 2018.
5. Dewen W., Fang C., Xuehui Z. Saving Effect and Growth Effect of Demographic Transition — On the Demographic Factors of China's Growth Sustainability. Population Research. 2004. Iss. 5.
6. Haggard S. Pathways from the Periphery: the politics of growth in the newly industrializing countries. Cornell, 1990.

7. China Statistical Yearbook 2019. National Bureau of Statistics, China Statistics Press. Beijing, 2019. P. 33.
8. White Paper on China's Digital Economy Development and Employment. China Academy of Information and Communications Technology. 2019.
9. Statistical Bulletin of the People's Republic of China on National Economic and Social Development in 2018. People's Daily, March 1. 2019, No. 1.
10. Results of the Fourth National Economic Census. China Education News. 2019.
11. Refer to the index value. — China Statistical Yearbook 2019. National Bureau of Statistics, 2019.
12. Bloom D. E., Williamson J. G. Demographic transitions and economic miracles in developing Asia. World Bank Economics Review, 1998, No. 12.
13. China Human Capital Report 2018. — Economics and Public Policy Superior Discipline Innovation Platform: scientific research results. Beijing, 2018.

Поступила в редакцию: 06.07.2023.

Принята к печати: 27.07.2023.

УДК 657.1:338.24:004
DOI 10.14258/epb202338

ДИДЖИТАЛИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО УЧЕТА В РАМКАХ КОНЦЕПЦИИ ПРОЦЕССНОГО УПРАВЛЕНИЯ

А. В. Платов, И. А. Новичкова, Н. К. Хорева

Московский государственный университет спорта и туризма (Москва, Россия)

Диджитализация управленческого учета ведет к повышению эффективности менеджмента в сложной конкурентной бизнес-среде. Растущий объем информации и необходимость ее достоверной и своевременной интерпретации способствуют формированию условий для использования цифровых технологий в целях получения четкого понимания бизнес-процессов и рыночных трендов, а также принятия своевременных стратегических управленческих решений. Целью данного исследования явилось определение целесообразности и путей осуществления цифровой трансформации управленческого учета для повышения эффективности контроля движения товарно-материальных ценностей. В работе выделен ряд этапов диджитализации управленческого учета и контроля движения товарно-материальных ценностей: 1-й этап: цифровая согласованность на базе применения смарт технологий, облачных инфраструктур, средств автоматизированного учета и распределения; 2-й этап: автоматизация посредством применения средств беспроводной передачи данных; 3-й этап: реализация прогноза, проведение оптимизации запасов и совершенствование организации цепочек поставок; 4-й этап: стратегическое партнерство с поставщиками и заказчиками; 5-й этап: использование искусственного интеллекта. В рамках процессного подхода авторами создан алгоритм моделирования эффективного управленческого учета на базе диджитализации. Данный алгоритм явился базисом формирования модернизированной модели управленческого учета на базе диджитализации, включающей изучение управленческих и обеспечивающих бизнес-процессов, а также непрерывный контроль соответствия модели целям бизнеса и исключения «узких мест».

Ключевые слова: диджитализация, цифровая трансформация, управленческий учет, процессный подход, бизнес-процессы.

DIGITALIZATION OF MANAGEMENT ACCOUNTING WITHIN THE FRAMEWORK OF THE PROCESS MANAGEMENT CONCEPT

A. V. Platov, I. A. Novichkova, N. K. Khoreeva

Moscow State University of Sports and Tourism (Moscow, Russia)

Digitalization of administrative accounting leads to an increase in the efficiency of management in a complex competitive business environment. The growing volume of information and the need for its reliable and timely interpretation contribute to the formation of conditions for the use of digital technologies in order to obtain a clear understanding of business processes and market trends, as well as to make timely strategic management decisions. The purpose of this study was to determine the feasibility and ways of implementing the digital transformation of administrative accounting to improve the efficiency of controlling the movement of inventory. The paper highlights a number of stages of digitalization of administrative accounting and control of the movement of inventory: Stage 1: digital consistency based on the use of smart technologies, cloud infrastructures, automated accounting and distribution tools, stage 2: automation through the use of wireless data transmission, stage 3: forecast implementation, inventory optimization and improvement of supply chain organization, stage 4: strategic partnership with suppliers and customers, stage 5: using artificial intelligence. As part of the process approach, the authors have created an algorithm for modeling effective administrative accounting based on digitalization. This algorithm was the basis for the formation of a modernized model of administrative accounting based on digitalization, including the study of managerial and supporting business processes, as well as continuous monitoring of the model's compliance with business goals and the elimination of "bottlenecks".

Keywords: digitalization, digital transformation, administrative accounting, process approach, business processes.

Введение. Текущее десятилетие отмечено значительным усилением конкуренции на мировом и национальных рынках, быстрым развитием технологий и их частой сменой, высокой турбулентностью внешней бизнес-среды, усложнением бизнес-процессов менеджмента компаний. Все это формирует необходимость модернизации процессов учета и контроля коммерческих организаций. В условиях жесткой конкуренции оптимально выстроенный управленческий учет обеспечивает информацию, необходимую для принятия аргументированных управленческих решений. Качественный управленческий учет гарантирует достоверность финансовой отчетности, сохранность имущества и в целом эффективное функционирование коммерческой организации.

Основной целью управленческого учета является предоставление информации, полезной на всех уровнях менеджмента компании для эффективного и целенаправленного принятия решений. Между тем диджитализация в компаниях ускоряет и упрощает процесс получения этой информации. Таким образом, диджитализация управленческого учета способна повысить эффективность управления бизнесом в сложной турбулентной среде. Растущий объем информации и важность ее верной и своевременной интерпретации способствуют созданию условий для использования цифровых технологий в целях получения четкого понимания бизнес-процессов и рыночных трендов, а также принятия своевременных стратегических управленческих решений [1].

Диджитализация — это процесс перехода к цифровому бизнесу. Он характеризуется широким использованием цифровых технологий, изменяющих бизнес-модели и предоставляющих новые организационные возможности [2]. Диджитализации оказались подвержены все направления бизнес-активности: начиная с концептуальных моделей выстраивания бизнеса и заканчивая вспомогательными операциями, такими как управленческий учет. Благодаря диджитализации получили распространение инновационные форматы коллаборации между компаниями, поставщиками, потребителями и работниками. Результатом этого явилось возникновение на рынке новых видов продуктов и услуг. При этом для множества организаций диджитализация является серьезным вызовом, так как она не может быть реализована без глубокого пересмотра и переоценки своих базовых стратегий и изучения нового потенциала бизнеса. В области финансов диджитализация позволила автоматизировать шаблонные процессы, обеспечила внедрение бизнес-аналитики и аналитики данных. Цифровые технологии преобразуют и расширяют типы и источники данных, используемые в управленческом

учете. Они также трансформируют важные процессы учета [3].

Первой фазой диджитализации, которая существенно изменила методы работы организаций и, собственно, управленческий учет, стало появление компьютеризированных информационных систем [4, 5]. В 1960-х и 1970-х гг. такие системы позволили специалистам по административному учету более детально регистрировать данные и проводить более точный анализ. Второй этап наступил с распространением Интернета и IIS (Internet Information Server). В рассматриваемом контексте IIS можно считать системами, поддерживающими управленческий учет [6]. В настоящее время развивается третья фаза диджитализации. Появление целого комплекса новых информационных технологий оказывает сильное влияние на бизнес-процессы организаций, в том числе и на управленческий учет [7, 8].

В новых условиях для сохранения своей жизнеспособности организация должна выработать цифровую стратегию. Такая стратегия учитывает преимущества цифровых технологий, указывая направление развития. Она позволяет менеджерам руководить цифровыми инициативами и оценивать их прогресс [9].

Сегодня специалистам по управленческому учету необходимо развивать новые цифровые компетенции, не теряя, тем не менее, традиционные [10]. На организационном уровне финансовые бизнес-процессы, вероятно, столкнутся с сокращением персонала [11]. Однако это не уменьшает значимость финансовой функции, напротив, появятся как другие возможности, так и новые роли.

За последние несколько лет ученые и практики постулировали фундаментальную трансформацию управленческого учета в связи с диджитализацией и растущей глобализацией [12]. Было обнаружено, что финансовые директора и практики управленческого учета все чаще ожидают изменения финансовой функции в своей компании. Однако большинство финансовых подразделений в крупных компаниях слабо продвинулись в своих усилиях по диджитализации, несмотря на ожидания изменений. Многие эксперты указывают, что их компания не имеет стратегии диджитализации в сфере учета, треть сообщили о наличии только предварительной стратегии, и только у 6% компаний она уже имелась. Kolthof et al. [10] выявили, что роботизированная автоматизация процессов (RPA) используется при обработке транзакций в менее чем половине операций.

Процессы адаптации потребовали больше времени, чем первоначально предполагали эксперты.

Сегодня вопросы диджитализации управленческого учета и контроля движения товарно-матери-

альных ценностей (ТМЦ) на предприятиях привлекают пристальное внимание практиков и научного сообщества. Цифровая трансформация представляется эволюционным переходом к образованию новых бизнес-моделей и операций, когда формируется базис для распространения и интегрирования цифровых технологий. Основным предназначением диджитализации мы считаем получение нового организационного потенциала посредством диджитализации операционных процессов. Цифровую трансформацию следует рассматривать не только как широкое развертывание новых программных продуктов, а в большей степени как его применение в качестве неотъемлемой части стратегии.

Диджитализация управленческого учета предоставляет компании целый ряд важных преимуществ:

- расширяется организационный потенциал компании, растет ее эффективность и адаптивность;
- сокращается период оборота ТМЦ;
- организуется непрерывный контакт подразделений компании с цепочками поставок в целом;
- обеспечиваются условия для более глубокого изучения данных, что ведет к совершенствованию процессов внутрифирменного взаимодействия, а также работы с поставщиками.

Целью данного исследования является определение целесообразности и путей осуществления цифровой трансформации управленческого учета в целях повышения его эффективности.

В качестве методологического аппарата использовались такие общенаучные методы, как индукция и дедукция, классификация, методы сравнения и обобщения, а также частные методы познания: наблюдение, моделирование, экспертная оценка, инструментарий теорий организации и систем. Теоретической базой работы явились труды российских и зарубежных экспертов по вопросам теории и методологии управленческого учета, законодательные и нормативные акты Российской Федерации, периодические экономические издания.

Результаты исследования. Диджитализация подавляющего числа компаний и их департаментов предполагает предварительное создание новой модели бизнеса. Например, совершенствование менеджмента запасов требует перехода к инновационной операционной модели. Данная модель является передовым подходом к менеджменту, интегрирующим цифровые технологии и операции. Такая интеграция осуществляется комплексно, логически последовательно, в результате приводя к поэтапным улучшениям качества менеджмента, бухгалтерского учета и контроля.

Процесс цифровой трансформации управленческого учета мы видим в реализации следующих стадий:

Первая. Понимание целей стратегии диджитализации. Оценка организационной эффективности.

Вторая. Работа с персоналом при внедрении изменений.

Третья. Концентрация внимания на процессах создания ценности.

Четвертая. Миграция унаследованных данных.

Пятая. Развернутое использование новых цифровых технологий и программных продуктов.

Весьма нередко цифровая трансформация цепочки поставок приводит к сбоям оперативного функционирования, однако в стратегическом плане она предотвращает значительно более тяжелые нарушения. Технологии, обеспечивающие цифровую трансформацию, обеспечивают интеграцию данных участниками цепи поставок, формируют благоприятную и удобную среду взаимодействия с клиентами. Экосистема больших данных выступает базисом процесса диджитализации контроля движения запасов. Цифровая трансформация стартует с установления детекторов, транслирующих информацию через интернет-каналы на платформу когнитивных расчетов. Эта платформа реализует анализ и интерпретацию данных, требуемых для разработки аргументированных управленческих решений.

Какие именно цифровые технологии будут применяться в компании, определяется рядом факторов и, в первую очередь, областью экономической деятельности компании. Деловая активность компании всегда предполагает наличие большого объема документации, включающей договоры по закупкам, заказы на поставки, документы по доставке и многое другое. Основная часть этой документации может быть реализована в электронном виде, исходя из чего эксперты в последнее время настоятельно рекомендуют применять цифровые технологии при реализации контроля движения ТМЦ.

Помимо этого, цифровая трансформация предполагает кардинальную смену парадигмы бизнес-процессов и операций, так как компании придется не только приобрести новые цифровые продукты, но и сформировать модернизированную систему менеджмента, осуществить переход к новому мышлению.

Мы выделяем пять этапов диджитализации конкретного бизнеса, в особенности процесса цифровой трансформации управленческого учета и контроля движения ТМЦ:

- 1) цифровая согласованность на базе применения смарт-технологий, облачных инфраструктур, средств автоматизированного учета и распределения.

- 2) автоматизация посредством применения средств беспроводной передачи данных;
- 3) реализация прогноза, проведение оптимизации запасов и совершенствование организации цепочек поставок;
- 4) стратегическое партнерство с поставщиками и заказчиками;
- 5) использование искусственного интеллекта.

Таким образом, цифровая трансформация менеджмента и контроля движением ТМЦ начнется внедрением смарт-технологий и блокчейна и закончится подключением искусственного интеллекта, ответственного за разработку и принятие наилучших управленческих решений без прямого участия в этом процессе персонала.

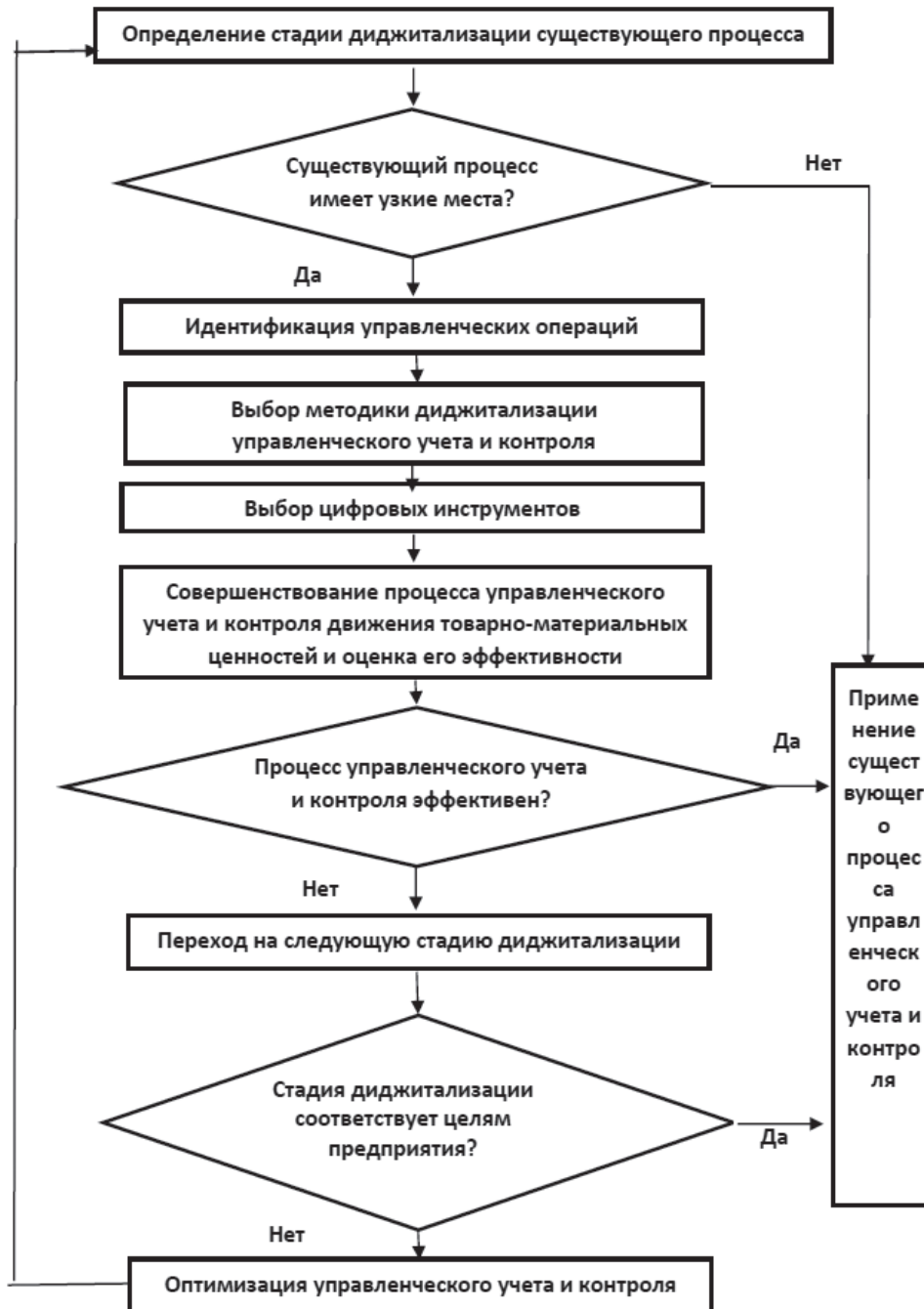

Рис. 1. Алгоритм выстраивания оптимального процесса управления и контроля движения ТМЦ

Однако было бы неверным упустить тот факт, что цифровая трансформация, реализуемая в рамках процессного подхода, хотя несомненно и увеличивает эффективность управленческого учета и контроля движения ТМЦ и менеджмента в целом, но и порождает немалые риски. Перечислим основные из них:

- риск неверного или только частичного видеоизображения данных как результат случайных ошибок или преднамеренных действий персонала;
- риск полной или частичной утраты информации вследствие наличия уязвимостей сети для внешних вмешательств;
- риск простоев производственного процесса предприятия по причине временных сбоев в функционировании программных продуктов, компьютерного оборудования, проблем в работе интернет-провайдеров.

В соответствии с международным стандартом качества серии ISO именно процессный подход вы-

ступает приоритетом в менеджменте компании. Поэтому процедуры управления и контроля движения ТМЦ необходимо рассматривать как один из процессов, который декомпозируется на отдельные подпроцессы и создает условия функционирования компании в целом.

На рисунке 1 графически отображен алгоритм выстраивания оптимального процесса управления и контроля движения ТМЦ.

Реализация процессного подхода и диджитализация делают возможным автоматический учет поступления, транспортировки, применения и реализации ТМЦ, мониторинг соответствия наличия ТМЦ минимальному нормативному объему запаса текущего хранения. Если система обнаруживает, что объем запаса ТМЦ достиг минимально допустимого уровня, она отправляет соответствующий сигнал ответственному сотруднику, который примет решение на запрос внепланового заказа или восполнение запаса за счет других ресурсов.

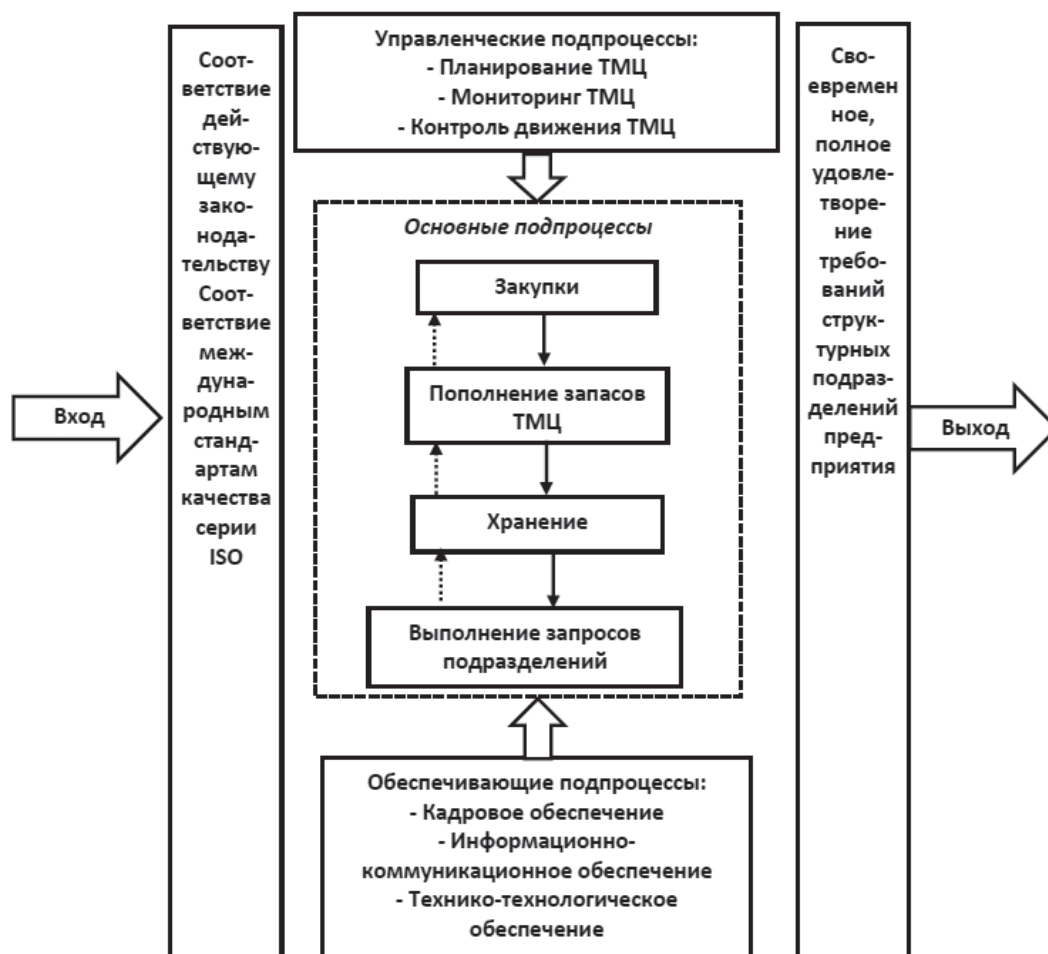

Рис. 2. Модель управления и контроля движения ТМЦ на базе процессного подхода

Предлагаемая авторами модель управления и контроля движения ТМЦ на базе процессного подхода представлена на рисунке 2.

Данная модель построена на принципах процессного подхода, поэтому включает в себя не только анализ управленческих и обеспечивающих под-процессов, а также непрерывное отслеживание соответствия модели целям компании и поиск «узких мест».

Заключение. Современные тенденции социально-экономического развития характеризуются усилением влияния глобализационных процессов на деятельность всех субъектов хозяйствования. Одной из основных таких тенденций является диджитализация всех сфер деятельности человека, преобразующая ключевые бизнес-процессы в организациях всех сфер экономической деятельности. Диджитализация в современных условиях является объективным явлением, сопровождающим становление информационной экономики.

Исследование управленческого учета как важного компонента всей системы менеджмента ком-

пании позволяет заключить, что цифровая трансформация процедур учета радикально преобразует подход к процессу менеджмента, оказывая влияние на многие вопросы предпринимательской деятельности. Значительными результатами применения цифровых технологий являются: упорядоченное представление всего комплекса разнообразных транзакций в рамках единой информационной системы; высокое качество аналитической и прогностической функций; рост уровня адаптивности предприятия к изменениям внешних условий и ускорение реализации бизнес-процессов; совершенствование коммуникационного менеджмента в компании; экономия на трудозатратах. Цифровая трансформация управленческого учета обеспечивает высокий уровень качества получаемой информации и возможность оперативного реагирования при ее изменениях. Все это позитивно сказывается на процессе разработки управленческих решений, качество которых определяет, как текущее состояние бизнеса, так и перспективы его развития.

REFERENCES

1. Chen H., Chiang R. H. L., Storey V. C. Business Intelligence and Analytics: From Big Data to Big Impact. *MIS Quarterly*. 2012. Vol. 36, No. 4. Pp. 1165–1188. URL: <https://www.jstor.org/stable/41703503/> (date of access: 16.05.2023).
2. Knudsen Dan-Richard. Elusive boundaries, power relations, and knowledge production: A systematic review of the literature on digitalization in accounting. *International Journal of Accounting Information Systems*. 2020. Vol. 36. Pp. 100441. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1467089518301350?via%3Dihub/> (date of access: 16.05.2023).
3. Arnaboldi M., Azzone G., Sidorova Y. Governing social media: the emergence of hybridised boundary objects. *Accounting, Auditing & Accountability Journal*. 2017. Vol. 30 (4). Pp. 821–849. URL: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/AAAJ-07-2015-2132/full/html/> (date of access: 16.05.2023).
4. Granlund M., Mouritsen, J. Introduction: Problematizing the relationship between management control and information technology. *European Accounting Review*. 2003. Vol. 12 (1). Pp. 77–83. URL: <https://research.cbs.dk/en/publications/introduction-problematizing-the-relationship-between-management-c/> (date of access: 16.05.2023).
5. Porter M. E., Heppelmann J. E. How Smart, Connected Products Are Transforming Competition. *Harvard Business Review*. 2014. Vol. 92. Pp. 64–88. URL: <https://hbr.org/2014/11/how-smart-connected-products-are-transforming-competition/> (date of access: 16.05.2023).
6. Rom A., Rohde C. Management accounting and integrated information systems: A literature review. *International Journal of Accounting Information Systems*. 2007. Vol. 8 (1). Pp. 40–68. URL: <https://research.cbs.dk/en/publications/management-accounting-and-integrated-information-systems-a-litera/> (date of access: 16.05.2023).
7. Karimi J., Walter Z. The role of dynamic capabilities in responding to digital disruption: A factor-based study of the newspaper industry. *Journal of Management Information Systems*. 2015. Vol. 32, No. 1. Pp. 39–81. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/07421222.2015.1029380?journalCode=mmis20/> (date of access: 16.05.2023).
8. Parviainen P. et al. Tackling the digitalization challenge: how to benefit from digitalization in practice. *International journal of information systems and project management*. 2017. Vol. 5. No. 1. Pp. 63–77. URL: <https://revistas.uminho.pt/index.php/ijispm/article/view/3856/> (date of access: 16.05.2023).

9. Ross J. W., Beath C. M. Beyond the Business Case: New Approaches to IT Investment. MIT Sloan Management Review. 2002. Vol. 43. Pp. 51–59. URL: <https://sloanreview.mit.edu/article/beyond-the-business-case-new-approaches-to-it-investment/> (date of access: 16.05.2023).

10. Kolthof E., Steenwijk E., Verbeeten F. De gevolgen van technologie voor de financiële functie: een analyse op verschillende niveaus. MCA. 2017. Vol. 6. Pp. 16–23.

11. Frey C. B., Osborne M. A. The future of employment: How susceptible are jobs to computerisation? Technological forecasting and social change. 2017. Vol. 114. Pp. 254–280. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0040162516302244?via%3Dihub/> (date of access: 16.05.2023).

12. Bhimani A., Willcocks L. Digitization, «Big Data» and the transformation of accounting information. Accounting and business research. 2014. Vol. 44. No. 4. Pp. 469–490. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00014788.2014.910051/> (date of access: 16.05.2023).

Поступила в редакцию: 18.05.2023.

Принята к печати: 18.07.2023.

УДК 332.14

DOI 10.14258/epb202339

ПРИОРИТЕТЫ ИНКЛЮЗИВНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ АНГАРО-ЕНИСЕЙСКОГО МАКРОРЕГИОНА¹

Г. И. Поподько

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия)

В статье рассматриваются процессы формирования новых территориальных образований — макрорегионов, объединяющих регионы с разным экономическим и социальным потенциалом. Несмотря на перспективы развития макрорегионов, которые могут придать импульс для экономического и социального роста как отдельной территории, так и страны в целом, существует немало ограничений, препятствующих данным процессам. Ангаро-Енисейский макрорегион, объединяющий Красноярский край, Иркутскую область, Республику Тыва и Республику Хакасия, в настоящее время не представляет собой единого экономического пространства. Каждый регион, вошедший в его состав, развивается по своим стратегическим направлениям, определенным до объединения их в АЕР. Для разработки единой стратегии развития макрорегиона предлагается выявить приоритеты социального и экономического развития каждого из регионов на основе оценки его инклюзивности. Показатели инклюзивного развития, объединенные в блоки (рост и развитие, инклюзивность, межпоколенческое равенство и устойчивость) позволили обосновать приоритеты развития каждого из регионов. Основным из них для всех регионов является повышение уровня жизни и снижение бедности населения. Наряду с другими приоритетными направлениями это должно быть положено в основу общей стратегии развития Ангаро-Енисейского макрорегиона.

Ключевые слова: Ангаро-Енисейский макрорегион, инклюзивное развитие, регион, приоритеты, стратегия.

PRIORITIES OF INCLUSIVE DEVELOPMENT OF THE ANGARA-YENISEI MACROREGION

G. I. Popodko

Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS (Novosibirsk, Russia)

This article examines the processes of forming new territorial entities — macro-regions, which unite regions with different economic and social potential. Despite the prospects for macro-regions development, which can give an impetus to the economic and social growth of both the individual territory and the country as a whole, many limitations hinder these processes. The Angara-Yenisei macro-region, which includes the Krasnoyarsk Krai, the Irkutsk Region, the Republic of Tuva, and the Republic of Khakassia, currently does not represent a single economic space. Each incorporated region develops according to its own strategic trends determined before they were united in AER. In order to develop a unified strategy for the development of the macro-region, it is proposed to identify the priorities of social and economic development of each of the regions based on an assessment of its inclusiveness. Indicators of inclusive development, combined into blocks — growth and development, inclusiveness, intergenerational equality and sustainability — allowed us to justify the development priorities of each of the regions. The main priority for all regions is to improve the standard of living and reduce poverty among the population. Along with other priority areas, this should be the basis for the overall strategy for the development of the Angara-Yenisei macro-region.

Keywords: Angara-Yenisei macro-region, inclusive development, region, priorities, strategy.

¹ Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, Проект 5.6.3.2. (0260–2021–0005) «Движущие силы и механизмы развития кооперационных и интеграционных процессов в экономике Сибири», № 121040100279–5.

Поиск методов совершенствования и повышения эффективности пространственного развития нашей страны нашел отражение в принятой в 2019 г. «Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 г.», в которой определены основные тенденции и проблемы, а также цели, задачи и приоритеты, принципы и направления пространственного развития страны [1]. Согласно принятой Стратегии, на территории Сибири образован Ангаро-Енисейский макрорегион (АЕР), в состав которого вошли: Красноярский край, Иркутская область, Республика Хакасия и Республика Тыва. Предполагается, что формирование Ангаро-Енисейского макрорегиона приведет к ускоренному освоению богатых запасов природных ресурсов, строительству новых городов, созданию транспортной и логистической инфраструктуры в центральной части Сибири. Благоприятное географическое положение, близость к Монголии и Китаю создают предпосылки для строительства новой транспортной магистрали «Транссиб 2», что придаст дополнительный импульс для экономического роста макрорегиона.

Однако несмотря на перспективы развития АЕР, существует немало препятствий для успешной реализации этого «проекта». К их числу относятся следующие: суровые природно-климатические условия, затрудняющие строительство социальных и промышленных объектов; слабая транспортная освоенность территории, что существенно увеличивает производственные затраты; низкая плотность населения и нехватка квалифицированных кадров; высокая миграция; отсталый уровень жизни населения; асимметрия экономического и социального развития территории АЕР.

Вместе с тем формирование Ангаро-Енисейского макрорегиона невозможно без разработки и реализации социально-экономической стратегии его развития, основанной на учете потенциала, особенностей и приоритетов роста экономики регионов, вошедших в его состав. В проведенных ранее наших исследованиях [2, 3] мы отмечали, что препятствует ускоренному развитию Ангаро-Енисейского макрорегиона. Для этого использовались «традиционные» показатели оценки социально-экономического развития Красноярского края, Иркутской области, Республики Хакасия и Республики Тыва (ВРП, ВРП на душу населения, объем инвестиций в основной капитал и пр.).

Для дальнейшего изучения и решения выявленных проблем предлагается перейти к новой системе оценки социально-экономического потенциала развития территории АЕР, основанной на показателях инклюзивного роста. Это позволит определить направления социально-экономического развития регионов Ангаро-Енисейского

макрорегиона с учетом реализации целей инклюзивности.

Цель исследования — выявление приоритетов инклюзивного развития регионов, вошедших в состав Ангаро-Енисейского макрорегиона, и разработка подходов для общей стратегии его формирования.

Показатели регионального инклюзивного развития и методика расчета общего индекса инклюзивности. Не останавливаясь подробно на определении понятия инклюзивного роста, мы обозначим свой подход к его сущности, изложенный в более ранней работе [4]. По нашему мнению, модель инклюзивного развития основана на обеспечении, во-первых, справедливого и равноправного распределения материальных и нематериальных благ, прежде всего среди социально незащищенных групп населения, с целью снижения социального неравенства (бедности) и обеспечения высокого уровня жизни, во-вторых, устойчивого, сбалансированного развития экономики в условиях соблюдения экологических норм в интересах будущих поколений.

В настоящее время оценка регионального инклюзивного развития на примере отдельных регионов, макрорегионов и регионов России, рассматриваются во многих работах как отечественных, так и зарубежных исследователей [5–8] и др. При этом предлагаются разные системы показателей инклюзивного роста, основанные на адаптации международных систем оценки инклюзивности к мезоуровню [7, 9, 10].

Наиболее широкое распространение получила методика расчета инклюзивного роста экономики стран, представленная на Всемирном экономическом форуме в 2015 г. Она включает в себя 12 показателей, сгруппированных в три блока — «Рост и развитие», «Инклюзивность», «Межпоколенческое равенство и устойчивость» [11].

Нередко используется Методика оценки инклюзивности экономик государств-членов Евразийского экономического союза, которая содержит 40 показателей, сгруппированных в пять блоков — «Бедность и неравенство», «Экономический рост и занятость», «Инфраструктура», «Образование», «Продолжительность жизни и здравоохранение» [12]. В своей более ранней работе мы использовали именно данную систему показателей, адаптированную для оценки инклюзивного развития ресурсного региона [4].

В настоящем исследовании для оценки инклюзивности регионов Ангаро-Енисейского макрорегиона мы применяем методику ВЭФ. Это во многом связано с более широким ее использованием, что позволяет сравнивать полученные нами результаты с другими исследованиями, а также возмож-

ностью применения для расчетов инклюзивности на региональном уровне. Показатели оценки ин-

клюзивного роста, адаптированные под региональный уровень, представлены в таблице 1.

Таблица 1

Показатели оценки инклюзивного развития регионов по методике ВЭФ*

Рост и развитие	Инклюзивность	Межпоколенческое равенство и устойчивость
Производительность труда (ВРП на 1 занятого), млн руб.	Среднемесячные денежные доходы на 1 чел., тыс. руб.	Удельный вес инвестиций в основной капитал в ВРП, %
Занятость (численность занятого населения к численности населения в трудоспособном возрасте), %	Уровень бедности (доля населения с доходами ниже прожиточного минимума), %	Коэффициент демографической нагрузки (лиц нетрудоспособного возраста на 1000 чел. трудоспособного возраста), %
Ожидаемая продолжительность жизни, лет	Коэффициент Джини (расслоение общества по доходам)	Доля собственных доходов в доходах бюджета региона, %
		Отношение выбросов в атмосферу загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников к ВРП, тыс. т на 1 млрд руб.

* [9, 11].

Для оценки уровня инклюзивного роста регионов мы предлагаем рассчитать индексы инклюзивности по выделенным направлениям (рост и развитие, инклюзивность, межпоколенческое равенство и устойчивость), и сводный индекс, используя метод нормирования.

Авторская методика расчета индекса инклюзивного развития региональной экономической системы строится на сравнении достигнутого уровня i индикатора инклюзивности $X_i^{факт}$ с его пороговым значением $X_i^{порог}$

В качестве порогового уровня индикаторов инклюзивного развития используются значения индикаторов «эталонного» региона. Это субъект Федерации, который занимает высокую позицию в рейтингах по качеству жизни населения [13].

Учитывая тот факт, что регионы, вошедшие в состав Ангаро-Енисейского макрорегиона, имеют ресурсную специализацию, в наших расчетах в качестве «эталонного региона» рассматривается Республика Татарстан, как типичный ресурсный регион. В рейтинге регионов РФ по качеству жизни населения по состоянию на 2021 г. Республика Татарстан занимает 4-е место [13].

$$I_n = \frac{X_i^{факт}}{X_i^{порог}}, \tag{1}$$

где I_n значение i индекса инклюзивности для n направления оценки для показателей с положительной динамикой; $X_i^{факт}$ фактическое значение i показателя инклюзивного развития; $X_i^{порог}$ — пороговое значение i показателя инклюзивного развития; $n = 1... m$

$$I_n = \frac{1}{X_i^{факт} / X_i^{порог}}, \tag{2}$$

где I_n значение i индекса инклюзивности для n направления оценки для показателей с отрицательной динамикой;

$$K = \frac{\sum^n I_n}{m} * 100\%, \tag{3}$$

где K — интегральный показатель инклюзивного развития региона, m — количество направлений оценки инклюзивного развития.

Результаты оценки показателей инклюзивного развития регионов Ангаро-Енисейского макрорегиона. Для оценки инклюзивного развития регионов АЕР сравним их показатели по каждому из выделенных направлений — «рост и развитие», «инклюзивность», «межпоколенческое равенство и устойчивость».

Рост и развитие. Показатели оценки инклюзивности регионов Анга-Енисейского макрорегиона по данному блоку представлены в таблице 2.

Как показывает сравнение показателей по блоку «рост и развитие» среди регионов АЕР, самое благоприятное положение наблюдается в Красноярском крае. Регион демонстрирует наивысшие показатели по производительности труда с позитивной тенденцией роста, высокую занятость, которая, несмотря на некоторое снижение в 2021 г. по сравнению с 2015 г., превышает показатели других регионов. Худшее положение по направлению «рост и развитие» мы видим в Тыве. Показатели производительности труда в республике в 2,6 раза ниже, чем в Красноярском крае, занятость — самая низкая в АЕР. Только по продолжительности жизни наблюдается тенденцию к росту (по сравнению с другими территориями), но это один из самых низких показателей в макрорегионе.

Таблица 2

**Показатели инклюзивного развития регионов АЕР по блоку «Рост и развитие»
за период 2015–2021 гг.***

Регионы	2015 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
	Производительность труда, млн руб.				
Красноярский край	1,18	1,68	1,92	2,0	-
Иркутская область	0,86	1,23	1,32	1,31	-
Республика Хакасия	0,69	1,0	1,1	1,2	-
Республика Тыва	0,46	0,68	0,77	0,77	-
	Занятость, %				
Красноярский край	83,6	86,3	85,2	83,5	84,6
Иркутская область	62,0	61,8	61,2	60,7	60,7
Республика Хакасия	81,8	83,5	78,5	75,3	80,5
Республика Тыва	58,5	62,2	57,1	59,3	58,5
	Продолжительность жизни, лет				
Красноярский край	69,7	70,7	71,2	69,8	68,3
Иркутская область	67	69	69	68	66,0
Республика Хакасия	68,7	71,2	71,1	70,1	68,5
Республика Тыва	61,8	66,5	67,6	66,3	66,9

* Рассчитано автором по [14, 15].

Оценивая показатели инклюзивного развития по блоку «рост и развитие» в Иркутской области, следует отметить негативные тенденции, связанные с низкой занятостью (показатели занятости немногим выше, чем в Республике Тыва и имеют тенденцию к снижению) и сокращением продолжительности жизни. Это во многом связано с уменьшением численности населения

(за период 2005–2021 гг. численность населения области сократилась на 135 тыс. чел.) и оттоком молодежи. Такая ситуация обуславливает рост численности людей старшего возраста, что определяет снижение показателя продолжительности жизни (по состоянию на 2021 г. это самый низкий показатель в макрорегионе) и сокращение занятости.

Таблица 3

**Показатели инклюзивного развития регионов АЕР по блоку «Инклюзивность»
за период 2015–2021 гг.***

Регионы	2015 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
	Среднемесячные денежные доходы на 1 чел., тыс. руб.				
Красноярский край	27,0	30,0	31,7	32,9	36,1
Иркутская область	21,7	24,4	26,4	27,6	30,4
Республика Хакасия	19,1	21,5	22,7	23,8	26,1
Республика Тыва	15,6	15,7	16,6	19,0	20,7
	Уровень бедности (доля населения с доходами ниже прожиточного минимума), %				
Красноярский край	18,9	17,1	17,3	17,0	15,9
Иркутская область	20,7	17,7	17,9	17,6	16,4
Республика Хакасия	17,7	18,5	19,0	18,5	17,9
Республика Тыва	38,3	34,4	34,1	31,7	28,5
	Коэффициент Джини (расслоение общества по доходам)				
Красноярский край	0,400	0,392	0,390	0,384	0,386
Иркутская область	0,370	0,367	0,364	0,359	0,366
Республика Хакасия	0,361	0,354	0,340	0,329	0,322
Республика Тыва	0,375	0,346	0,345	0,365	0,367

* Рассчитано автором по [14, 15].

Инклюзивность. Показатели по блоку «инклюзивность» регионов АЕР представлены в таблице 3.

Анализ региональных показателей по блоку «инклюзивность» показывает, что лидирующее положение занимает Красноярский край. В регионе самый высокий уровень среднемесячных доходов на душу населения и наиболее низкий уровень бедности. Каждый из показателей демонстрирует позитивную тенденцию. Однако все это сказывается на показателе концентрации денежных доходов (коэффициент Джини по доходам самый высокий в АЕР), что свидетельствует о существенном расхождении населения по уровню доходов.

Самый низкий уровень среднедушевых месячных денежных доходов — в Республике Тыва. Он составляет 57% от среднемесячных доходов Красноярского края. Но куда худшее положение в республике с бедностью населения. Каждый тре-

тий житель региона имеет доходы ниже прожиточного минимума. Размер среднемесячных денежных доходов и доля населения, живущая ниже прожиточного минимума, в Иркутской области и Республике Хакасия населения близки к уровню Красноярского края, хотя и несколько отстают от его показателей. Все это подтверждает наш вывод о существенной асимметрии социального развития Ангаро-Енисейского макрорегиона. Такое положение имеет негативные последствия, поскольку приводит к оттоку населения и, прежде всего, квалифицированных кадров, непривлекательности территорий для длительного проживания, отсутствию возможности их ускоренного развития.

Межпоколенческое равенство и устойчивость. Показатели инклюзивного развития регионов Ангаро-Енисейского макрорегиона по данному блоку представлены в таблице 4.

Таблица 4

Показатели инклюзивного развития регионов АЕР по блоку «Межпоколенческое равенство и устойчивость за 2015–2021 гг.*

Регионы	2015 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Удельный вес инвестиций в основной капитал в ВРП, %					
Красноярский край	23,8	17,8	16,2	17,6	-
Иркутская область	20,5	21,8	23,8	25,9	-
Республика Хакасия	13,1	14,0	12,7	13,0	-
Республика Тыва	0,20	0,18	0,24	0,23	-
Коэффициент демографической нагрузки (лиц нетрудоспособного возраста на 1000 чел. трудоспособного возраста), %					
Красноярский край	702	764	739	748	713
Иркутская область	758	822	791	799	763
Республика Хакасия	779	848	816	823	787
Республика Тыва	814	860	825	828	802
Доля собственных доходов в доходах бюджета региона, %					
Красноярский край	82,9	84,1	84,9	84,6	85,8
Иркутская область	83,7	85,5	86,0	81,0	85,0
Республика Хакасия	81,3	83,8	80,0	83,8	84,0
Республика Тыва	92,5	93,5	95,7	95,0	94,8
Отношение выбросов в атмосферу загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников к ВРП, тыс. т на 1 млрд руб.					
Красноярский край	1,48	0,98	0,90	0,93	-
Иркутская область	0,637	0,438	0,418	0,435	-
Республика Хакасия	0,520	0,440	0,410	0,410	-
Республика Тыва	0,42	0,05	0,06	0,06	-

* Рассчитано автором по [14, 15].

Как показывает анализ показателей инклюзивного роста по блоку «межпоколенческое равенство и устойчивость» среди регионов АЕР, здесь нельзя выделить «территорию-лидера». Регионы, по одним показателям демонстрирующие положитель-

ную динамику, по другим — существенно уступают другим территориям и занимают последнее место.

Так, по показателю инвестиций в основной капитал в ВРП после 2015 г. первое место занимает Иркутская область. Это связано с промышленным

освоением территории, строительством высокотехнологичных предприятий, освоением запасов природных ресурсов в регионе. При этом данный показатель характеризует эффективность инвестиций, обеспечивающих рост валового регионального продукта области.

Самые низкие объемы инвестиций в основной капитал по отношению к валовому региональному продукту демонстрирует Республика Тыва. Несмотря на значительные запасы минерально-сырьевых ресурсов существует немало причин, ограничивающих их ускоренное освоение. Основной из них является определенная транспортная изолированность (отсутствие железной дороги, которая позволяла бы вывозить минерально-сырьевые ресурсы в другие регионы). Нельзя не отметить и определенное «нежелание» населения республики в ускоренном освоении запасов природных ресурсов, которое, по его мнению, может существенно нарушить благополучную экологическую обстановку в регионе.

Наиболее благоприятное положение по показателю демографической нагрузки отмечается в Красноярском крае. Высокая занятость в регионе существенным образом уменьшает демографическую нагрузку на трудоспособное население. Наибольшая демографическая нагрузка на трудоспособное население наблюдается в Республике Тыва. Слабая промышленная освоенность территории, преимущественное развитие сельского хозяйства, неразвитость сферы услуг определяют низкую занятость населения, что, безусловно, влияет на показатели демографической нагрузки, увеличивая ее.

По показателю «доля собственных доходов в бюджете региона» первое место занимает Республика Тыва. В данном случае высокий показатель доли собственных доходов в бюджете региона нельзя рассматривать как достижение, скорее, наоборот, это свидетельствует о дотационности бюджета республики, поскольку доля налоговых поступлений субъекта значительно ниже, чем в других регионах АЕР.

Доли собственных доходов в бюджетах Красноярского края, Иркутской области и Республики Хакасия близки между собой и по состоянию на 2021 г. не превышают 85%.

Еще одним показателем оценки межпоколенческого равенства и устойчивости являются выбросы в атмосферу вредных веществ, исходящих от стационарных источников, по отношению к ВРП.

По данному показателю в Ангаро-Енисейском макрорегионе сложилась прямо диаметрально противоположная ситуация. Самый высокий показатель выбросов в атмосферу загрязняющих веществ по отношению к валовому региональному продукту наблюдается в Красноярском крае. Здесь традиционно развива-

ются «экологически вредные» производства алюминиевой промышленности, металлургии, нефтехимии, фармацевтики и пр.

Самые низкие показатели выбросов вредных веществ в атмосферу по отношению к ВРП отмечаются в Республике Тыва, где промышленное производство практически не развито. Показатели выбросов загрязняющих веществ в атмосферу, исходящих от стационарных источников (1 тыс. т на 1 млрд руб. ВРП), здесь в 15,5 раза ниже, чем в Красноярском крае.

Показатели выбросов вредных веществ в атмосферу, исходящих от стационарных источников, в Иркутской области и Республике Хакасия в два раза ниже, чем в Красноярском крае, но более чем в семь раз выше, чем в Республике Тыва.

Анализ показателей инклюзивного развития регионов Ангаро-Енисейского макрорегиона показывает, что на его территории сложилась крайне неоднородная картина, где в одних регионах показатели инклюзивности по одним направлениям существенно выше, а по другим — гораздо ниже, чем на соседних территориях. Дифференциация регионов по показателям инклюзивного роста является существенным сдерживающим фактором ускоренного социально-экономического развития макрорегиона в целом.

Для формирования общей стратегии социально-экономического развития Ангаро-Енисейского макрорегиона необходимо определить приоритеты инклюзивности каждого из регионов, входящих в его состав, с целью выравнивания сложившейся асимметрии в макрорегионе.

В нашем случае в качестве приоритетных направлений будут рассматриваться «болевы» точки в инклюзивном развитии регионов, то есть определение направлений для решения наиболее острых социально-экономических проблем в отдельно взятом регионе, что далее должно послужить основой для разработки стратегии развития макрорегиона.

Выбор приоритетов инклюзивного развития регионов Ангаро-Енисейского макрорегиона. Для определения приоритетов инклюзивного развития регионов Ангаро-Енисейского макрорегиона рассчитаем субиндексы по каждому из блоков — рост и развитие, инклюзивность и межпоколенческое равенство и устойчивость, что позволит определить направление повышения инклюзивного регионального роста.

Красноярский край. Субиндексы инклюзивного развития Красноярского края за период 2015–2021 гг. представлены на рисунке 1.

Анализ динамики субиндексов инклюзивного развития Красноярского края показывает, что за рассматриваемый период они увеличиваются, однако темпы прироста являются низкими (4–6%).

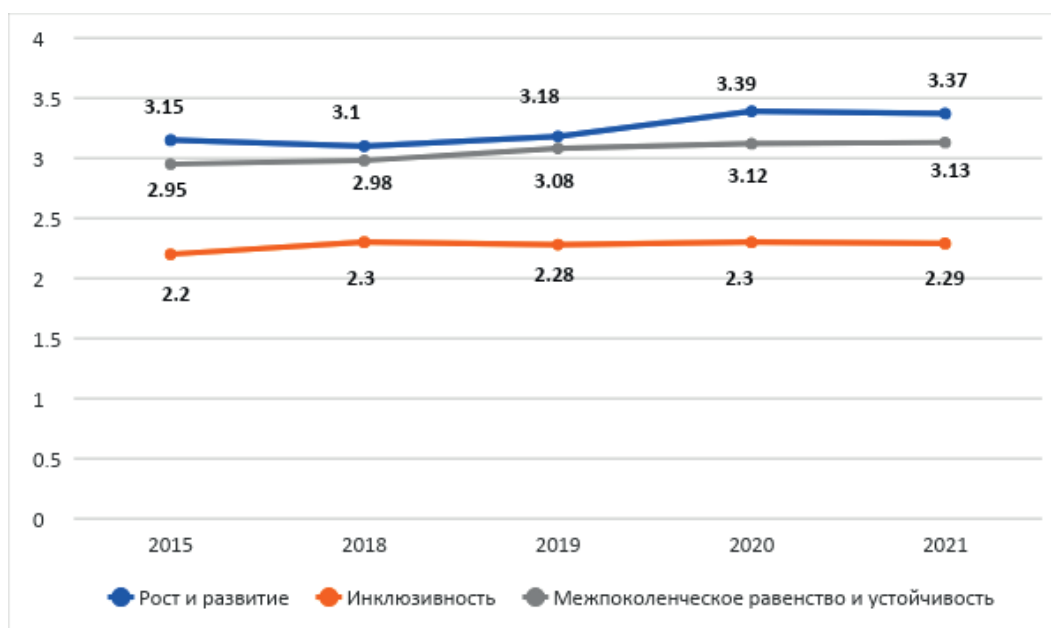

Рис. 1. Динамика субиндексов инклюзивного развития Красноярского края за период 2015–2021 гг.

Наибольший рост наблюдается в блоке «рост и развитие», который характеризует, прежде всего, уровень экономического развития региона. Близкими являются значения субиндекса «межпоколенческое равенство и устойчивость», который демонстрирует незначительный рост.

Наименьшие значения субиндексов отмечаются в блоке «инклюзивность», отражающем уровень социального развития и качество жизни населения. Как показывает сравнение значений субиндекса по данному направлению, уровень жизни населения в крае растет незначительными темпами, а в некоторые годы снижается.

Это свидетельствует о том, что приоритетным направлением инклюзивного развития в Красноярском крае должно быть повышение уровня и качества жизни, которое характеризуется ростом денежных доходов, снижением бедности и сокращением расслоения населения по доходам.

Другим направлением приоритетного развития региона должно стать развитие экологически безопасных высокотехнологичных производств. Снижение выбросов вредных веществ в атмосферу, исходящих от стационарных источников, существенно улучшит экологическую обстановку и обеспечит инвестиционную привлекательность Красноярского края.

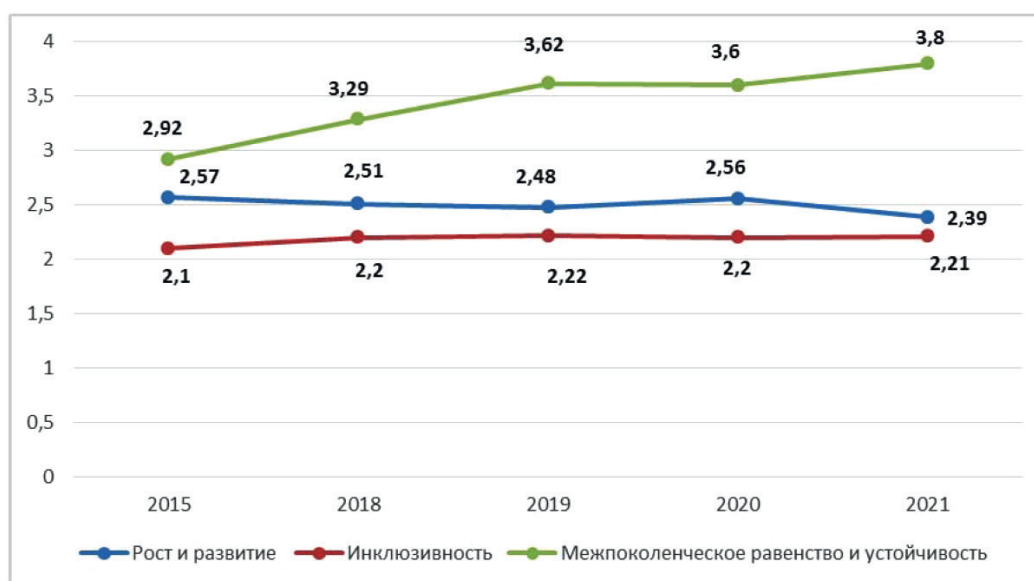

Рис. 2. Динамика субиндексов инклюзивного развития Иркутской области за период 2015–2021 гг.

Иркутская область. Значение субиндексов инклюзивного развития Иркутской области представлено на рисунке 2.

Сравнение субиндексов инклюзивного развития Иркутской области за период 2015–2021 гг. показывает, что наибольшее их значение характерно для блока «межпоколенческое равенство и устойчивость», которое характеризует условия и перспективы экономического и социального развития территории. Данный субиндекс демонстрирует положительную динамику роста, что показывает наличие возможностей для устойчивого развития Иркутской области.

Субиндекс, характеризующий рост и развитие, сокращается, что свидетельствует о замедлении темпов экономического развития данной территории. Этот факт имеет негативные последствия как для развития Иркутской области, так и Ангаро-Енисейского макрорегиона в целом.

Наименьшее значение субиндекса инклюзивного развития Иркутской области характерно для блока «инклюзивность». Значение данного субиндекса за рассматриваемый период времени меняется незначительно и не демонстрирует тенденции к росту. Это свидетельствует о том, что основная проблема социально-экономического развития региона — низкий уровень жизни населения, что является одной из причин миграции населения за пределы области. Таким образом, приоритетным направлением инклюзивного развития региона должно стать повышение благосостояния его населения, а также развитие отраслей производства, которые могут обеспечить привлечение высококвалифицированных специалистов на постоянной основе.

Республика Хакасия. Динамика изменения субиндексов инклюзивного развития Республики Хакасия представлена на рисунке 3.

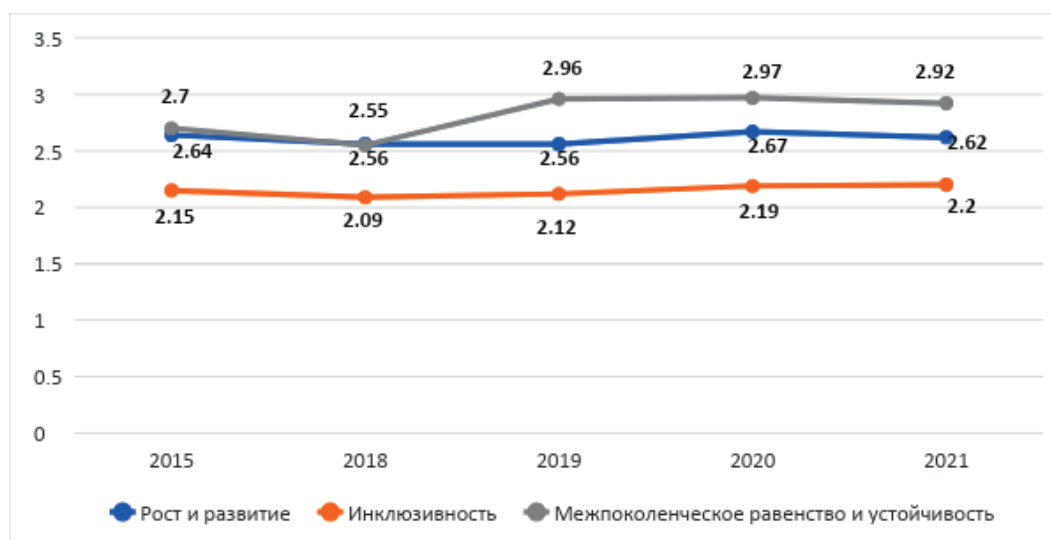

Рис. 3. Динамика субиндексов инклюзивного развития Республики Хакасия за период 2015–2021 гг.

Значения субиндексов инклюзивного развития Республики Хакасия близки между собой и демонстрируют положительную динамику роста, однако темпы их прироста незначительны. Такое положение может говорить о том, что в регионе наблюдается определенная стагнация и отсутствие условий для ускоренного его социально-экономического роста. Это касается как возможностей для развития отраслей промышленности, так и повышения благосостояния населения.

Наибольшее значение инклюзивного развития в Республике — у субиндекса «межпоколенческое равенство и устойчивость», что свидетельствует о возможностях устойчивого роста региона. Наименьшее значение характерно для субиндекса

«инклюзивность». Данный субиндекс количественно практически не меняется с 2015 г., что может говорить о низких темпах роста основных показателей уровня жизни населения за длительный период времени.

В связи с этим приоритеты инклюзивного роста республики связаны с повышением благосостояния и качества жизни населения, которые могут быть реализованы только при росте экономического потенциала региона. Учитывая природно-климатические условия, увеличение темпов экономического развития может быть обеспечено за счет сельского хозяйства, легкой и пищевой промышленности, а также индустрии внутреннего туризма.

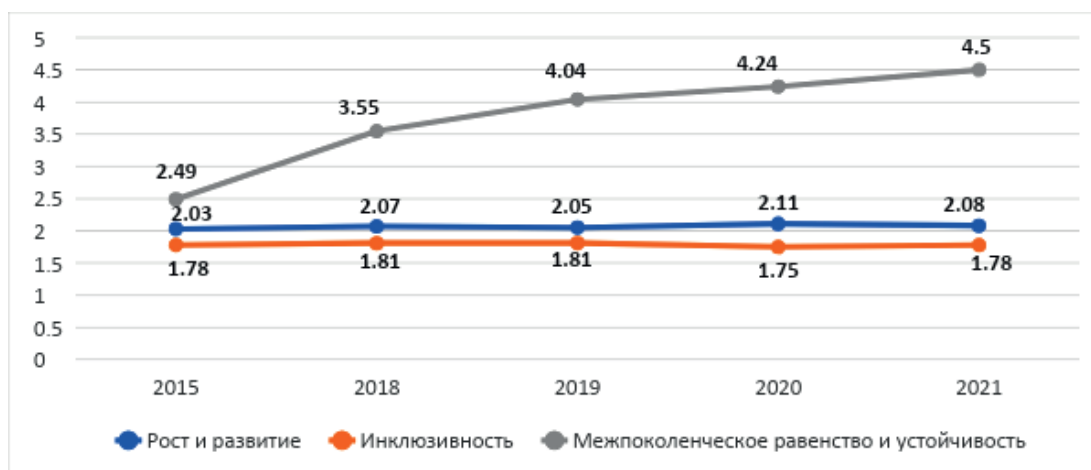

Рис. 4. Динамика субиндексов инклюзивного развития Республики Хакасия за период 2015–2021 гг.

Республика Тыва. Субиндексы, характеризующие инклюзивное развитие региона, представлены на рисунке 4.

Особенностью инклюзивного развития Республики Тыва являются самые высокие в АЕР показатели субиндекса «межпоколенческое равенство и развитие». Это обусловлено низкими значениями выбросов вредных веществ в атмосферу, исходящих от стационарных источников, по отношению к ВРП, что характеризует крайне благополучную экологическую обстановку в регионе. Мы отмечаем, что это связано с низким уровнем промышленного производства в республике.

Два других субиндекса, характеризующих «рост и развитие» и «инклюзивность», имеют самые низкие значения среди регионов Ангаро-Енисейского макрорегиона. Наименьшим является значение субиндекса «инклюзивность», по которому можно судить об уровне и качестве жизни населе-

ния. Таким образом, основной проблемой социально-экономического развития республики является низкий уровень доходов и бедность населения. Условием достижения целей инклюзивного развития региона должно стать ускоренное развитие отраслей сложившейся специализации (животноводства и предприятий легкой и пищевой промышленности по глубокой переработке его продукции), расширение кооперационных производственных связей с приграничными территориями (Монголией, Китаем), развитие внутреннего туризма.

Для демонстрации общей картины инклюзивного развития регионов Ангаро-Енисейского макрорегиона приведем значения интегрального индекса инклюзивности для каждой территории АЕР за 2015–2021 гг. (рис. 5). Это позволит с определенной долей условности дать оценку современного состояния инклюзивного развития Ангаро-Енисейского макрорегиона в целом.

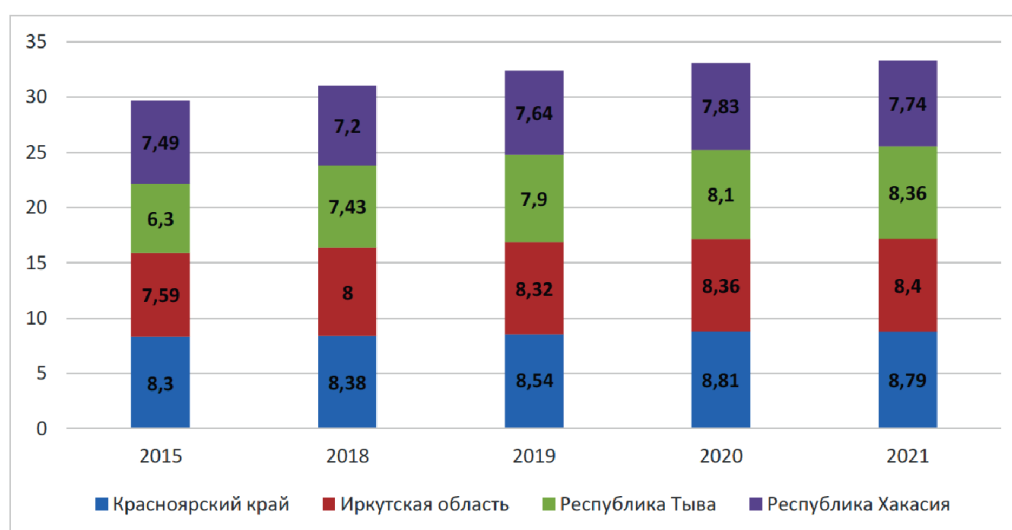

Рис. 5. Динамика интегрального индекса инклюзивного развития регионов Ангаро-Енисейского макрорегиона

Как показывает сравнение интегральных значений инклюзивности по регионам Ангаро-Енисейского макрорегиона, они достаточно близки по своим значениям. При этом наибольшее значение интегрального показателя характерно для Красноярского края, наименьшее значение — в Республике Хакасия. За весь рассматриваемый период наблюдается положительная динамика роста интегральных показателей инклюзивного развития во всех регионах.

Определение приоритетов инклюзивного развития регионов АЕР выявило, что основной «болевой» точкой на всех территориях является низкий уровень жизни населения. Таким образом, повышение благосостояния населения должно стать приоритетом стратегического развития Ангаро-Енисейского макрорегиона. Кроме этого, для повышения инклюзивного развития каждого из регионов требуется:

- развитие производств с наименьшей экологической нагрузкой в Красноярском крае;
- создание высокотехнологичных предприятий с целью привлечения в регион высококвалифицированных специалистов в Иркутской области;
- комплексное развитие сельского хозяйства и создание предприятий по глубокой переработке продукции растениеводства и животноводства;
- развитие внутреннего туризма в Республике Хакасия;
- развитие легкой и пищевой промышленности по глубокой переработке продукции

животноводства; формирование кооперационных связей и создание совместных производств в приграничных с Монголией районах в Республике Тыва.

Выводы. Использование показателей инклюзивного роста для оценки экономического и социального потенциала регионов позволяют получить новую информацию о стратегических приоритетах их развития. Система оценки, отражающая рост и развитие экономики, инвестиционную привлекательность, выравнивание доходов и снижение бедности населения, бюджетную обеспеченность за счет собственных доходов и экологическую безопасность территории, позволяет получить интегральный показатель инклюзивного развития и провести сравнительный анализ регионов.

Определение приоритетов инклюзивного развития субъектов Ангаро-Енисейского макрорегиона показало, что, несмотря на разный экономический потенциал, отрасли специализации, численность населения и пр., на всех территориях отмечается низкий уровень жизни населения, что нашло отражение в показателях «инклюзивности». Таким образом, основной стратегической целью развития Ангаро-Енисейского макрорегиона должно стать повышение уровня и качества жизни населения. Для этого требуется наращивать темпы роста производственного потенциала каждого из регионов, развивать совместные производства за счет кооперации и интеграции предприятий промышленности и сельского хозяйства на территории макрорегиона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAUqTt08o60RktoOX122JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 07.06.2023).
2. Поподько Г. И. Что препятствует ускоренному развитию Ангаро-Енисейского макрорегиона? // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2022. № 3 (71). URL: <https://eee-region.ru/article/7104/> (дата обращения: 07.06.2023).
3. Поподько Г. И. Оценка экономического потенциала и перспективы развития Ангаро-Енисейского макрорегиона // Управленческий учет. 2022. № 4–1. С. 146–154.
4. Поподько Г. И. Инклюзивное развитие ресурсного региона // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2021. № 1. DOI: 10.24412/1999-2645-2021-165-24. URL: <https://eee-region.ru/article/6524> (дата обращения: 07.06.2023).
5. Rytova E., Gutman S., Sousa C. Regional Inclusive Development: An Assessment of Russian Regions. Sustainability, 2021, vol. 13 (11), 5773. DOI: 10.3390/su13115773. URL: <https://www.mdpi.com/2071-1050/13/11/5773/htm> (дата обращения: 07.06.2023).
6. Mikheeva N. Qualitative aspect of the regional growth in Russia: Inclusive development index. Regional Science Policy & Practice, 2020, Vol. 12 (4), Pp. 611–626.
7. Севастьянова А., Токарев А., Шмат В. Особенности применения концепции инклюзивного развития для регионов ресурсного типа // Регион: экономика и социология. 2017. № 1 (93). С. 213–236.
8. Шарафутдинов Р. И., Герасимов В. О., Ахметшин Э. М. Адаптированная методика расчета инклюзивного роста и развития регионов Российской Федерации // Экономика и предпринимательство. 2017. № 10–1 (87–1). С. 308–311.

9. Баринаева В. А., Земцов С. П. Инклюзивный рост и устойчивость регионов России // Регион: экономика и социология. 2019. № 1. С. 23–46.
10. Фридман Ю. А., Речко Г. Н., Логинова Е. Ю., Исупова О. А., Пимонов А. Г. Инклюзивное развитие Кузбасса: опыт оценки // Мир экономики и управления. 2022. Т. 22, № 2. С. 126–141. DOI 10.25205/2542-0429-2022-22-2-126-141
11. The Inclusive Growth and Development Report 2017. Geneva, Switzerland: World Economic Forum // World Economic Forum. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Forum_IncGrwth_2017.pdf (дата обращения: 07.06.2023).
12. Key Indicators for Asia and the Pacific 2014: Framework of Inclusive Growth Indicators, Special Supplement. Mandaluyong City, Philippines: Asian Development Bank, 2014. URL: <http://www.adb.org/sites/default/files/publication/42813/ki2014—special-supplement.pdf> (дата обращения: 07.06.2023).
13. Рейтинг российских регионов России по качеству жизни — 2021. URL: https://ria.ru/20220214/kachestvo_zhizni-1772505597.html (дата обращения 15.04.2023).
14. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: P32 Стат. сб. / Росстат. М., 2021. 1112 с.
15. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: P32 Стат. сб. / Росстат. М., 2022. 1122 с.

REFERENCES

1. The strategy of spatial development of the Russian Federation until 2025 (Decree of the Government of the Russian Federation No. 207-r of February 13, 2019). URL: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUtT08o60RktoOX122JjAe7irNxc.pdf> (date of access: 07.06.2023).
2. Popodko G. I. What hinders the accelerated development of Angara-Yenisei macro-region? Regional economy and management: electronic scientific journal. No. 3 (71). URL: <https://eee-region.ru/article/7104/> (date of access: 07.06.2023).
3. Popodko G. I. The assessment of economic potential Angara-Yenisei macroregion and prospects for its further development. Management Accounting. 2022. No. 4–1. Pp. 146–154.
4. Popodko G. I. The inclusive development of the resource region // Regional economy and management: electronic scientific journal. 2021. No. 1 (65). URL: <https://eee-region.ru/article/6524/> (date of access: 07.06.2023) DOI: 10.24412/1999-2645-2021-165-24.
5. Rytova E., Gutman S., Sousa C. Regional Inclusive Development: An Assessment of Russian Regions. Sustainability, 2021, Vol. 13 (11), 5773. DOI: 10.3390/su13115773. URL: <https://www.mdpi.com/2071-1050/13/11/5773/htm> (date of access: 07.06.2023).
6. Mikheeva N. Qualitative aspect of the regional growth in Russia: Inclusive development index. Regional Science Policy & Practice, 2020, Vol. 12 (4), Pp. 611–626.
7. Sevastyanova A. E., Tokarev A. N., Shmat V. V. Application features of inclusive development concept in resource regions. Region: Economics & Sociology. 2017. No. 1 (93). Pp. 213–236.
8. Sharafutdinov R. I., Gerasimov V. O., Akhmetshin E. M. Adapted methods of calculation of inclusive growth and development of the regions of the Russian Federation. Journal of Economy and entrepreneurship. 2017. No. 10–1 (87–1). Pp. 308–311.
9. Barinova V. A., Zemtsov S. P. Inclusive growth and regional resilience in Russia. Region: Economics & Sociology, 2019, No. 1 (101). Pp. 23–46.
10. Fridman Y. A., Rechko G. N., Loginova E. Yu., Isupova O. A., Pimonov A. G. Inclusive Development of Kuzbass: Assessment Experience. World of Economics and Management. 2022. Vol. 22. No. 2. Pp. 126–141. DOI 10.25205/2542-0429-2022-22-2-126-141
11. Sevastyanova A. E., Tokarev A. N., Shmat V. V. Application features of inclusive development concept in resource regions. Region: Economics & Sociology. 2017. No. 1 (93). Pp. 213–236.
12. Key Indicators for Asia and the Pacific 2014: Framework of Inclusive Growth Indicators, Special Supplement. Mandaluyong City, Philippines: Asian Development Bank, 2014. URL: <http://www.adb.org/sites/default/files/publication/42813/ki2014—special-supplement.pdf> (date of access: 07.06.2023).
13. Rating of Russian regions of Russia by quality of life — 2021. URL: https://ria.ru/20220214/kachestvo_zhizni-1772505597.html (date of access: 07.06.2023).
14. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2021: P32 Stat. sat. / Rosstat. Moscow, 2021. 1122 p.
15. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2022: P32 Stat. sat. / Rosstat. Moscow, 2022. 1122 p.

Поступила в редакцию: 09.06.2023.

Принята к печати: 19.07.2023.

УДК 338.27 (571.150)
DOI 10.14258/epb202340

ВЛИЯНИЕ КРАТКОСРОЧНЫХ И ДОЛГОСРОЧНЫХ ФАКТОРОВ НА РАЗВИТИЕ КЛЮЧЕВЫХ ОТРАСЛЕЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЫ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Д. Ю. Поползин

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Обязательным условием стабильного поступательного развития экономики любого уровня является предсказуемость поведения ее элементов. В современных условиях на экономику региона могут воздействовать как факторы внешней природы, так и внутренние изменения.

Цель исследования — выявление краткосрочных и долгосрочных факторов, влияющих на развитие ключевых для региона показателей социально-экономического развития. В статье представлены результаты моделирования влияния данных факторов на показатели основных экономических отраслей региона и социальной сферы.

Полученные результаты обеспечены применением эконометрической методологии. В частности, использованы методы проверки на единичный корень с учетом возможной нелинейности, сезонности и наличия структурных сдвигов, причинности по Грэнджеру, нелинейной коинтеграционной связи.

Так, подтверждена гипотеза о нелинейной долговременной связи между номинальной начисленной заработной платой и индексом потребительских цен, выявлена долгосрочная связь между коэффициентами естественного и миграционного прироста, причинная связь развития основных отраслей экономики края с внешней ценовой конъюнктурой.

Предложены дальнейшие шаги по развитию полученных результатов, в частности при разработке, изменении и контроле выполнения документов стратегического планирования региона.

Ключевые слова: экономическое развитие региона, стратегическое планирование, эконометрическое моделирование, единичный корень, нелинейная коинтеграция.

THE INFLUENCE OF SHORT-TERM AND LONG-TERM FACTORS ON THE DEVELOPMENT OF KEY SECTORS OF THE SOCIO-ECONOMIC SPHERE OF THE ALTAI KRAI

D. Yu. Popolzin

Altai State University (Barnaul, Russia)

A prerequisite for the stable progressive development of the economy at any level is the predictability of the behavior of its elements. In modern conditions, the economy of the region can be affected by both external factors and internal changes.

The purpose of the study is to identify short-term and long-term factors affecting the development of key indicators of socio-economic development for the region. The article presents the results of modeling the influence of these factors on the indicators of the main economic sectors of the region and the social sphere.

The obtained results are provided by the application of econometric methodology. In particular, the methods of checking for a unit root are used, taking into account possible nonlinearity, seasonality and the presence of structural breaks, Granger causality, nonlinear cointegration relationship.

Thus, the hypothesis of a nonlinear long-term relationship between nominal accrued wages and the consumer price index has been confirmed, a long-term relationship between the coefficients of natural and migration growth, a causal relationship between the development of the main sectors of the economy of the region with the external price environment has been revealed.

Further steps are proposed to develop the results obtained, in particular, in the development, modification and control of the implementation of strategic planning documents of the region.

Keywords: regional economic development, strategic planning, econometric modeling, unit root, nonlinear cointegration.

Введение. Экономический рост любого современного региона построен на взаимодействии не только экономических, но и социальных, политических, институциональных и других процессов. Поэтому оценка экономического развития должна производиться на основе сбалансированной системы показателей, охватывающей различные сферы деятельности.

Существует несколько понятий экономического роста. Самым общим образом его можно определить как увеличение благосостояния или процветания общества и народного хозяйства [1, с. 10].

Традиционно главным показателем, характеризующим динамику развития и структуру экономической сферы, является внутренний региональный продукт.

По итогам 2021 г. на долю крупнейших отраслей реального сектора экономики Алтайского края «Обрабатывающие производства», «Сельское хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство» и «Оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств и мотоциклов» пришлось более половины всего ВРП (53,2%).

В соответствии с исследованием [2, с. 48], эффективное развитие регионов в большей степени определяется их конкурентными преимуществами, при этом в связи с исчерпаемостью природных ресурсов именно институты и человеческий капитал региона должны в будущем создавать ключевой вклад в региональное развитие.

Следует отметить, что доля отрасли «Добыча полезных ископаемых» в регионе по итогам 2021 г. составила всего 0,8% ВРП. Таким образом, наряду с традиционными для края отраслями одним из источников роста может стать именно развитие человеческого капитала. Вместе с этим для эффективного развития человеческого капитала регион должен обладать достаточной привлекательностью для жизни. Одним из ключевых показателей в данном направлении является заработная плата.

Так, среднемесячная начисленная заработная плата в крае составила в 2022 г. 38 315 рублей, или 239% к уровню 2012 г. Однако по сравнению со среднероссийским аналогичным показателем краевой уровень составил 58,6%, снизившись с 59,2% в 2021 г. В целом за последние 20 лет данное соотношение лишь дважды превышало уровень 60%.

С целью сбалансированного развития экономических отраслей и социальных процессов в ре-

гионе утверждены документы стратегического планирования, в том числе среднесрочные прогнозы социально-экономического развития на три года и долгосрочная Стратегия социально-экономического развития Алтайского края до 2035 г. Вместе с этим для контроля и прогнозирования индикаторов и показателей данных документов требуется гибкая и универсальная система, которая в регионе отсутствует. Необходимость алгоритмов и моделей, позволяющих решать данные задачи, определила актуальность исследования.

Так, одной из задач является определение как краткосрочных, так и долгосрочных факторов, оказывающих влияние на основные показатели социально-экономического развития края в долгосрочной перспективе с учетом возможных структурных изменений, произошедших как внутри региональной экономической системы, так и вызванными внешними шоками.

Методология. Для решения поставленных задач была использована эконометрическая методология. В качестве исходных данных — временные ряды.

Длина каждого временного ряда составила 60 наблюдений — это ежемесячные данные с 2017 по 2021 г., полученные на официальном сайте Управления федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай [3], а также на сайте Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС) Федеральной службы государственной статистики [4].

Данный интервал определен исходя из вступления в силу с 01.01.2017 ОКВЭД 2 и актуальными сведениями о ВРП Алтайского края на момент проведения вычислений.

Среди экономических показателей были использованы индексы промышленного производства, цен производителей по видам экономической деятельности, индексы потребительских цен на продовольственные товары, непродовольственные товары и на услуги, оборот розничной и оптовой торговли и др.

Социальные показатели представлены коэффициентами естественного прироста, миграционного прироста, уровнем безработицы, величиной номинальной начисленной заработной платы и др.

Подборка методов проводилась на основе нескольких предпосылок: малая длина выборки, воз-

возможность появления в уровнях временного ряда структурных сдвигов и ограниченность информации.

Применение выбранных эконометрических методов можно условно разделить на три этапа. На первом проводилось исследование структуры временных рядов на стационарность, нелинейность, наличие структурных сдвигов и сезонной компоненты.

Так, для проверки рядов на стационарность определены расширенный тест Дики-Фуллера и тест Филипса-Перрона на случай, если для проведения первого не выполнены предпосылки в виде отсутствия автокорреляции, гетероскедастичности и нормальности распределения остатков тестовой модели регрессии.

Проверка на нелинейность в уровнях временных рядов проводилась с помощью рангового теста Грэнджера-Холлмана. Для тестирования структурных сдвигов была выбрана методика Эндрюса-Зивота, поскольку момент структурного сдвига может быть заранее неизвестен. Наличие сезонности определялось регрессией исходного ряда группой фиктивных переменных.

На втором этапе происходило моделирование взаимосвязей между переменными. Так, на первом шаге моделирования проведена проверка на причинность по Грэнджеру. На втором шаге — проверка коинтеграции. Для определения коинтеграционной связи было использовано несколько методик. А для тестирования гипотезы об одном коинтеграционном соотношении использован тест границ Песарана, Смита и Шина [5], являющегося важным обобщением ранее предложенной методики Песарана и Шина [6].

Критические значения для тестирования рассчитаны исходя из количества регрессоров, включения в уравнение константы и (или) линейного тренда и представляют собой в зависимости от данных параметров два набора. Первый соответствует случаю, когда все переменные I (0), то есть нижняя граница, соответствует предположению, что все переменные стационарны и между ними нет коинтеграции. Вторая граница соответствует случаю, когда переменные I (1) и предполагает наличие коинтеграции. В исследовании П. К. Нараяна [7, с. 1987–1990] предложены скорректированные критические значения на уровне значимости 10; 5 и 1%, поскольку значения, рассчитанные в [5], не всегда обеспечивают для данной методики высокую мощность в случае с малыми выборками. Высокая популярность данного подхода среди исследователей обусловлена тем, что коинтеграция нестационарных переменных эквивалентна процессу коррекции ошибок ЕСМ, а модель ARDL имеет репараметризацию в форме ЕСМ [8, с. 59]. Обзор

по спецификации, оценке и интерпретации ЕСМ можно найти в [9].

На сегодняшний день существует несколько методологических расширений в зависимости от типа используемых данных, будь то панельные данные или временные ряды, и природы их структуры. Главным направлением развития данной методики стала экстраполяция на случаи нелинейной зависимости, в том числе на случаи асимметричной связи между переменными [10, с. 2]. Так, в работе Д. Шина, В. Ю. и М. Гринвуда-Ниммо [11] впервые предложено применение ARDL моделей для тестирования нелинейной связи. Предложенная нелинейная модель (NARDL) включает разложение объясняющих переменных на частичную сумму, которые используются для учета асимметричных явлений как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. Априори пороговое значение параметра в рамках данной методики предполагается равным 0. Это позволяет понятно интерпретировать положительные и отрицательные изменения вектора объясняющих переменных. Таким образом, модель NARDL фокусируется на знаковой асимметрии.

Модель построена на разложении по частичным суммам объясняющих переменных для учета асимметрии в соответствии с моделью (1):

$$y_t = \alpha + \sum_{i=1}^p \phi_i y_{t-i} + \sum_{i=0}^q (\beta_i^+ x_{t-i}^+ + \beta_i^- x_{t-i}^-) + \varepsilon_t \quad (1)$$

где $x_t^+ = \sum_{i=1}^t \Delta x_t^+$ $x_t^- = \sum_{i=1}^t \Delta x_t^-$ компонентами:

$$\Delta x_{it}^+ = \begin{cases} 0, \text{ если } \tau_i \geq \Delta x_{it} \\ \Delta x_{it}, \text{ в других случаях} \end{cases}$$

$$\text{и } \Delta x_{it}^- = \begin{cases} 0, \text{ если } \tau_i < \Delta x_{it} \\ \Delta x_{it}, \text{ в других случаях} \end{cases}$$

Δx_t строго стационарный процесс. Кроме этого, в модель введен пороговый показатель τ .

Модель (1) фиксирует нелинейную связь между y_t и x_t . Отличия в значениях β_i^+ и β_i^- пределяют эффект асимметрии влияния x_{t-i}^+ и x_{t-i}^- на y_t .

Если порог τ известен (например, 0, или среднее значение Δx_t), он может отразить асимметрию как в краткосрочных, так и в долгосрочных связях между y_t и x_t .

Вместе с этим тест границ дает возможность обнаружения одиночных коинтеграционных связей. В случае множественных коинтеграционных связей данная процедура неприменима и применяется многомерная процедура Йохансена с дальнейшим построением VAR-моделей.

Следует отметить, что каждый из блоков вычислений был полностью автоматизирован в среде программирования прикладного пакета Eviews для упрощения дальнейших уточнений параметре-

тров моделей при добавлении новых статистических данных.

Результаты. В ходе вычислений обнаружена нелинейная коинтеграционная связь между номинальной начисленной заработной платой и индексом потребительских цен в виде модели NARDL (4,4) в форме ECM:

$$\begin{aligned} \Delta Y_t = & 58763.6 - 2.9Y_{t-1} + 1.7\Delta Y_{t-1} + 1.2\Delta Y_{t-2} + \\ & + 0.91.7\Delta Y_{t-3} + 1176.7\Delta X_t - 732.4\Delta X_{t-1} - \\ & - 702.9\Delta X_{t-2} - 1802.1\Delta X_{t-3} + 2375.2X_{t-1}^+ + \\ & + 786.2X_{t-1}^-, \end{aligned} \quad (2)$$

где Y_t — номинальная начисленная заработная плата; X_t — индекс потребительских цен.

Из значений параметров модели можно сделать вывод, что средняя номинальная заработная плата не просто зависит от изменения индекса потребительских цен, но и в долгосрочной перспективе в большей степени зависит от увеличения индекса, нежели от его снижения.

Кроме этого, для 10% уровня значимости подтверждается долговременная асимметричная связь между коэффициентами естественного и миграционного прироста. Так, оптимальная в соответствии с критерием Шварца модель представлена в виде NARDL (1,1) имеет вид в форме ECM:

$$\begin{aligned} \Delta Y_t = & -0.63 - 0.31Y_{t-1} - \\ & - 0.02\Delta X_t + 0.02X_{t-1}^+ + 0.04X_{t-1}^- \end{aligned} \quad (3)$$

где Y_t — коэффициент естественного прироста;

X_t — коэффициент миграционного прироста.

Несмотря на арифметически выявленную связь, гипотеза о нормальности распределения остатков не подтверждается. Более того, обратная зависимость естественного прироста от миграционного представляется нереалистичной. очевидно, что такая зависимость должна носить прямой характер и данная взаимосвязь нуждается в дополнительном исследовании.

Для остальных переменных обнаружена причинность по Грэнджеру между индексами цен производителей по виду экономической деятельности «Промышленность» для регионального и федерального уровней. Кроме этого, причинность также обнаружена для индекса физического объема продукции сельского хозяйства от индекса цен производителей по виду деятельности «промышленность» федерального и регионального уровней. Такой результат может свидетельствовать о зависимости региональных производителей по данным видам деятельности от товаров промежуточного потребления.

Подтверждена также гипотеза о причинности по Грэнджеру в отношении переменных «Ежемесячный оборот розничной торговли» и «Индекс физического объема оборота общественного питания» со стороны факторов «Индекс потребительских цен на продовольственные товары», «Индекс цен производителей обрабатывающих производств» и «Средняя потребительская цена на бензин». Данные показатели также могут рассматриваться как факторы промежуточного потребления.

Заключение. Современный уровень развития эконометрической методологии снабжает исследователя широким инструментарием, позволяющим охватить широкий круг процессов социально-экономической сферы, учитывать ее тонкие особенности и скрытые зависимости. Так, проведенное исследование позволило выявить важные закономерности, которые необходимо учитывать при анализе и прогнозировании социально-экономического развития региона. Наряду с этим необходимо более широкий охват как возможных важных показателей развития региона, так и их возможных взаимосвязей в краткосрочном, так и в долгосрочном формате с учетом возможной нелинейной формы. Именно комплексный подход в вопросе моделирования качественных и количественных взаимосвязей позволит дать надежную рекомендательную опору при разработке документов стратегического планирования, а также отслеживать в будущем их выполнение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Петросянц В. З., Дохолян С. В. Региональное развитие и факторы экономического роста // Региональная экономика: теория и практика. 2007. № 18 (57). С. 10–17.
2. Зубаревич Н. В. Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики // Мир новой экономики. 2017. № 2. С. 46–57.
3. Официальный сайт Управления Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. URL: <https://22.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 10.04.2023).
4. Сайт Единой межведомственной информационно-статистической системы Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/emiss/> (дата обращения: 10.04.2023).

5. Pesaran M. H., Smith R. J., Shin Y. Bounds testing approaches to the analysis of level relationships // *Journal of Applied Econometrics*. 2001. № 16. Pp. 289–326. DOI: 10.1002/JAE. 616.
6. Pesaran M. H., Shin Y. An autoregressive distributed lag modeling approach to cointegration analysis: *Econometrics and Economic Theory in the 20th Century. The Ragnar Frisch Centennial Symposium*, 1998. Pp. 371–413. DOI: 10.1017/CCOL521633230.011.
7. Narayan P. K. The saving and investment nexus for China: evidence from cointegration tests // *Applied Economics*. 2001. № 37. Pp. 1979–1990. DOI: 10.1080/00036840500278103.
8. Hassler U., Wolters J. Autoregressive distributed lag models and cointegration // *Allgemeines Statistisches Archiv*. 2006. № 90. Pp. 59–74. DOI: 10.1007/S10182-006-0221-5.
9. Alogoskoufis G., Smith R. On error correction models: Specification, interpretation, estimation // *Journal of Economic Surveys*. 1991. Vol. 5. Iss. 1. Pp. 97–128. DOI: 10.1111/j. 1467-6419.1991. tb00128. x.
10. Cho J. S., Shin Y., Greenwood-Nimmo M. J. Recent developments of the autoregressive distributed lag modelling framework // *Journal of Economic Surveys*. 2023. Vol. 37. Iss. 1. Pp. 7–32. DOI: 10.1111/joes. 12450.
11. Shin Y., Yu B., Greenwood-Nimmo M. J. Modelling Asymmetric Cointegration and Dynamic Multipliers in a Nonlinear ARDL Framework. *Festschrift in Honor of Peter Schmidt* / eds. Sickles, R., Horrace, W. New York, 2014. Pp. 281–314. DOI: 10.1007/978-1-4899-8008-3_9.

REFERENCES

1. Petrosyants V. Z., Dokholyan S. V. Regional Development and Factors of Economic Growth. *Regional Economics: Theory and Practice*. 2007. Iss. 18 (57). Pp. 10–17.
2. Zubarevich N. V. Development of the Russian Space: Barriers and Opportunities for Regional Policy. *The world of new economy*. 2017. Iss. 2. Pp. 46–57.
3. Website of the Federal State Statistics Service for the Altai Territory and the Altai Republic. URL: <https://22.rosstat.gov.ru/> (date of access: 10.04.2023).
4. Website of the Unified Interdepartmental Information and Statistical System. URL: <https://rosstat.gov.ru/emiss/> (date of access: 10.04.2023).
5. Pesaran M. H., Smith R. J., Shin Y. Bounds testing approaches to the analysis of level relationships. *Journal of Applied Econometrics*. 2001. Iss. 16. Pp. 289–326. DOI: 10.1002/JAE. 616.
6. Pesaran M. H., Shin Y. An autoregressive distributed lag modeling approach to cointegration analysis: *Econometrics and Economic Theory in the 20th Century. The Ragnar Frisch Centennial Symposium*. 1998. Pp. 371–413. DOI: 10.1017/CCOL521633230.011.
7. Narayan P. K. The saving and investment nexus for China: evidence from cointegration tests. *Applied Economics*. 2001. Iss. 37. Pp. 1979–1990. DOI: 10.1080/00036840500278103.
8. Hassler U., Wolters J. Autoregressive distributed lag models and cointegration. *Allgemeines Statistisches Archiv*. 2006. Iss. 90. Pp. 59–74. DOI: 10.1007/S10182-006-0221-5.
9. Alogoskoufis G., Smith R. On error correction models: Specification, interpretation, estimation. *Journal of Economic Surveys*. 1991. Vol. 5. Iss. 1. Pp. 97–128. DOI: 10.1111/j. 1467-6419.1991. tb00128. x.
10. Cho J. S., Shin Y., Greenwood-Nimmo M. J. Recent developments of the autoregressive distributed lag modelling framework. *Journal of Economic Surveys*. 2023. Vol. 37. Iss. 1. Pp. 7–32. DOI: 10.1111/joes. 12450.
11. Shin Y., Yu B., Greenwood-Nimmo M. J. Modelling Asymmetric Cointegration and Dynamic Multipliers in a Nonlinear ARDL Framework. *Festschrift in Honor of Peter Schmidt* / eds. Sickles, R., Horrace, W. New York, 2014. Pp. 281–314. DOI: 10.1007/978-1-4899-8008-3_9.

Поступила в редакцию: 12.07.2023.

Принята к печати: 01.08.2023.

УДК 332:339.92
DOI 10.14258/epb202341

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Т. А. Рудакова^{1,2}, Н. М. Абрамов^{1,2}, Н. Ю. Башмакова¹

¹Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, (Барнаул, Россия)

²Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Современное мироустройство и геополитические риски стали причиной масштабных изменений, распространившихся на все сферы экономики и поведение субъектов социально-экономической деятельности. Мировой рынок как составная часть всемирного хозяйства, с одной стороны, является площадкой для обмена между участниками торговых операций, базирующейся на устойчивых межгосударственных товарно-денежных отношениях, с другой — это сфера столкновения возникающих противоречий между участниками рыночной торговли и борьбы за конкурентные рынки. Нарушение международных хозяйственных, межрегиональных и межсубъектных связей вследствие изменения конфигураций в цепочке создания стоимости, диспропорции распределения стоимости между участниками торговых отношений ограничивают возможность применения ранее сформировавшихся механизмов и инструментов международного сотрудничества и становится фактором поиска новых точек соприкосновения и новых партнеров в процессах международного и межрегионального взаимодействия.

Актуальность исследования продиктована ключевой задачей национального и международного развития — трансформация экономической системы, обеспечение ее устойчивости и жизнеспособности в условиях турбулентности и неопределенности, накопленного опыта, возможностей и ограничений.

Научная новизна исследования заключается в формировании новых взглядов к проблематике организации экономических связей участников глобального рынка.

Ключевые слова: международные отношения, межрегиональная интеграция, трансформационная экономика, глобальный рынок.

INTERNATIONAL COOPERATION IN THE CONDITIONS OF ECONOMIC SYSTEM TRANSFORMATION

T. A. Rudakova^{1,2}, N. M. Abramov^{1,2}, N. Yu. Bashmakova¹

¹Polzunov Altai State Technical University (Barnaul, Russia)

²Altai State University (Barnaul, Russia)

The modern world order and geopolitical risks have caused large-scale changes that have spread to all spheres of the economy and the behavior of subjects of socio-economic activity.

The world market as an integral part of the world economy, on the one hand, is a platform for the exchange between participants in trade operations, based on stable interstate commodity-money relations, on the other hand, it is a sphere of collision of emerging contradictions between participants in market trade and the struggle for competitive markets. Violation of international economic, interregional and intersubjective relations due to changes in the value chain, disproportion in the distribution of value between participants in trade relations limits the possibility of using previously formed mechanisms and instruments of international cooperation and becomes a factor in the search for new points of contact and new partners in the processes of international and interregional interaction.

The relevance of the study is dictated by the key task of national and international development — the transformation of the economic system, ensuring its stability and viability in the face of turbulence and uncertainty, accumulated experience, opportunities and limitations.

The scientific novelty of the study lies in the formation of new views on the problems of organizing economic relations among participants in the global market.

Keywords: international relations, interregional integration, transformational economy, global market.

Актуальность и проблематика. Существующая международная экономическая система как результат многовековой эволюции взаимодействия государств переживает существенную трансформацию через столкновение интересов между ведущими державами и интеграционными объединениями по вопросам перемещения ресурсов, финансовой и инвестиционной политики, цифрового и информационного пространства. Меняются ее структурные элементы — участники, правовые нормы, методы регулирования, идеологическая составляющая.

Усиление кризиса экономической глобализации формирует многополярную международную систему экономических отношений: меняется соотношение права и силы на международной арене. Основным фактором формирования новой трансформационной экономики становится сила экономической, военно-политическая, информационная.

В условиях глобализации отдельные страны, интеграционные объединения и крупные международные организации опирались в своих решениях на унифицированные национальные системы права и международные партнерства и соглашения постепенно сводились к правовому единообразию в ключевых областях и вопросах.

Несмотря на возникающие иногда длительные согласования и переговоры, действующая ранее система международного права и складывающаяся на ее основе международная интеграция были призваны предотвращать и урегулировать конфликтные ситуации в международных отношениях, возникающие при осуществлении торговых операций, пересечении таможенной границы, заключении новых долгосрочных контрактов и соглашений в масштабах различных интеграционных объединений, способствовали унификации международного права в области качества и бухгалтерского учета, развития экономических процессов, образования и здравоохранения, международного разделения труда и т. п.

В современных условиях трансформации мировой и национальной экономической системы являются значимыми вопросы формирования новых, укрепления уже имеющихся и развития международных связей как для национальной экономики, так и для достижения глобальных целей социально-экономического развития. Многогранность и многовариантность направлений трансформации социально-экономической модели, с одной стороны, и взаимосвязь трансформационных процессов — с другой, требует ее рассмотрения не только на уровне отдельного государства, но и в масштабах мирового сообщества. При этом актуальными остаются вопросы устойчивого развития территорий, поддержки социально-культурной среды, де-

мографических изменений, экологических проблем, развития культуры и науки на национальном и межстрановом уровне, в границах развития перспективных интеграционных объединений.

Материалы и методы. Современное состояние научных исследований по рассматриваемой проблематике характеризуются относительной фрагментарностью научных направлений, в том числе в мировой науке. Данное обстоятельство обусловлено ускорением трансформации национальных экономик и международных связей, разбалансированностью национальных интересов в вопросах межстранового краткосрочного и долгосрочного сотрудничества, длительностью диалога в вопросах согласования общих целей сотрудничества в пространстве мировой экономики.

Вопросы глобальной трансформации экономической системы, ее рост и развитие на основе факторов производства обоснованы в трудах А. Смита [1] и К. Маркса [2]. Современные теории промышленного развития обобщены в работах Н. Д. Кондратьева [3] и Й. Шумпетера [4], которые впервые рассмотрели данный процесс как волнообразное явление, положив начало формированию взглядов Дж. Китчина [5], К. Жюглара [6] и С. Кузнеца [7] на происходящее с позиции циклов.

Научные труды российских и зарубежных авторов в контексте глобальных процессов [8–11], позволяют применить результаты и выводы научных достижений в понимании глобальных трансформационных процессов и социально-экономических отношений, в том числе базовых условий устойчивого развития любой социально-экономической системы на основе решения экзистенциальных проблем общества.

Эмпирические материалы, имеющиеся на момент написания статьи, подтверждают, что в условиях усиления социально-экономической и политической напряженности между странами, прослеживается концентрация ресурсов мировой экономики в сфере развития глобального рынка систем и технологий искусственного интеллекта, платформ обработки данных, мировых электронных валют, укрепления национальной безопасности и национального суверенитета, усиления конкуренции за влияние на международной политической арене, что находит отражение в исследовательской среде современной и мировой науки.

Многообразие задач и условий эффективности интеграционных процессов становится полем для междисциплинарных научно-практических дискуссий, предложений и рекомендаций развития отношений, в том числе в рамках интеграционных объединений [12].

Основная мысль современной научной концепции формирования и развития интеграционных

объединений в контексте глобальной экономики заключается в том, что в качестве условий их создания как правило выступают один или несколько факторов, таких как общность исторического прошлого и культурных ценностей, единый геополитический противник, способствующие интеграции, экономические предпосылки в виде сложившихся межрегиональных хозяйственных связей, торговых отношений и т. д. В условиях усиливающегося геополитического давления мировых лидеров, с одной стороны, и тесных, исторически и культурно обусловленных хозяйственно-экономических связей стран-участников интеграционных объединений — с другой, делают более вероятным положительный сценарий успешного развития и углубления интеграции в рамках уже созданных интеграционных объединений, таких как ШОС, БРИКС, ЕАЭС. При этом грамотно предпринимаемые стратегические решения, сбалансированные с мировыми технологическими трендами и ресурсами территорий, и новые интеграционные инициативы, поступающие от третьих стран, имеют глобальный характер и способны привести к реструктуризации мирового порядка.

Предпосылки трансформации международных отношений. Базовыми драйверами перестройки международных отношений, на наш взгляд, следует считать три параметра.

Во-первых, правовые основы регулирования международных отношений.

Правовое поле трансформации социально-экономической системы России определяется Конституцией РФ¹, Стратегией научно-технического развития РФ², Стратегией национальной безопасности РФ³, Стратегией экологической безопасности РФ⁴, Указом Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2030 г.»⁵, Стратегией пространственного развития РФ⁶. Энергетической стратегией РФ⁷ и др.

Особенности современного трансформационного периода экономики, кризис глобализации и многополярность правового миропорядка нашли отражение в принятой Концепции внешней поли-

тики России 31 марта 2023 г.⁸ Современное правовое поле международных отношений представлено международным, национальным и интеграционным правом, которое распространяется на все отрасли и сферы экономики, а также направления международного сотрудничества и партнерства.

Несмотря на то, что ряд соглашений перестали действовать, возникли новые.

В. М. Шумилов в статье «Трансформация глобального экономического правопорядка в условиях формирования многополярного мироустройства» [10] выделяет наличие элементов наднационального и транснационального регулирования отношений в международной системе.

Если наднациональные инструменты связаны с надгосударственным правом, формируются и развиваются в межгосударственных структурах, реализуются вне зависимости от воли государств-участников и напрямую внешне непосредственно на их территории (например, Евразийский экономический союз (ЕАЭС) в части управления Таможенным союзом), то транснациональное право формируется транснациональными корпорациями для регулирования отношений международного характера в нужных им сферах, например, в торговле, финансовой и инвестиционной среде, в информационном поле.

В этих условиях возникает ситуация, при которой области межгосударственных отношений, не регулируемых международным правом, становятся объектом транснационального права, попадая под влияние транснациональных корпораций, которые, в свою очередь, получают поддержку от государственных структур. В условиях неоднозначности и противоречивости международного правового поля возникают конфликтные ситуации, в том числе военно-политического характера, оказывающие существенное влияние на международное экономическое развитие, международное сотрудничество, интеграцию и глобализацию.

Во-вторых, мировые политические и экономические события и смещение акцентов от глобализации в сторону суверенитета отдельной страны

¹ Конституция Российской Федерации / Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года.

² Указ Президента РФ «О Стратегии научно-технологического развития РФ» (в ред. Указа Президента РФ от 15.03.2021 № 143)

³ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

⁴ Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41879/>

⁵ Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития РФ на период до 2030 года». URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63728/>

⁶ Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 года № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 года». URL: <http://government.ru/docs/35733/>

⁷ Распоряжение Правительства РФ от 9 июня 2020 года № 1523-р «Об утверждении Энергетической стратегии РФ на период до 2035 года». URL: <https://docs.cntd.ru/document/565068231/>

⁸ Указ Президента РФ «Об утверждении внешней политики Российской Федерации» № 229 от 31 марта 2023 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811/>

и взаимовыгодного сотрудничества с другими странами. В современных условиях на смену международному праву приходит доктрина правопорядка, основанная на правилах и нормах, придуманных западными странами и транснациональными компаниями в рамках замкнутых форумов и организаций. Глобализация изменила свою форму, содержание и направления развития, превратившись из глобального однополярного мира в горизонтальную интеграцию многополярного мира, в которой каждый отдельный полюс или каждая отдельная страна опирается на свои ценности и региональные нормы международного права.

Международные противоречия становятся причиной смены вектора развития отношений России с запада на восток, создания партнерств межконтинентального и межрегионального характера как центров экономической силы и основы соответствующих локальных цивилизаций и полюсов нового мироустройства. Во взаимодействии России со странами Востока формируется нормативная и организационно-экономическая основа международного правопорядка на принципах равноправного сотрудничества, взаимной выгоды, суверенного равенства и невмешательства во внутренние дела (ЕАЭС, ШОС, БРИКС). Внутри каждого объединения развивается международное экономическое сотрудничество по разным, значимым для определенной стороны направлениям, формируются институциональные системы, укрепляется суверенность государств.

В-третьих, национальные интересы, культурные особенности и взгляды по направлениям международного сотрудничества, потребность в его поддержке или созданию и развитию. Представители современной экономической научной мысли рассматривают культурные факторы с позиции влияния национальных ценностей на формирование уникальных характеристик культуры (Н. М. Лебедева [13], М. К. Горшков, С. Н. Комиссаров, О. И. Карпухин [14]) и ее воздействие на выстраивание отношений в глобальном пространстве (Л. Г. Ивашов [15], И. Ф. Кефели [8] и др.).

Освещая проблемы культуры в крупных компаниях, таких как Google, Yandex, Twitter, IKEA, Сбербанк, Netflix, Facebook, Adobe, Тайота и др., ученые констатируют существенные различия в характеристиках культурного кода в зависимости от национальных приоритетов, мотивационных предпосылок к сотрудничеству со стороны ее субъектов и географического размещения территории-носителя культурных ценностей.

Национальная культура является значимым фактором в построении и укреплении деловых и интеграционных коммуникаций. В разделе «Приоритетные направления внешней политики Российской Федерации» в качестве одного из базовых принципов формирования справедливого и устойчивого многополярного мироустройства обозначено «многообразие культур, цивилизаций и моделей организации общества, опора на единый для всех мировых традиционных религий и этических систем духовно-нравственный ориентир», а в качестве направлений государственной поддержки — «обеспечение уважения и защиты универсальных и традиционных духовно-нравственных ценностей и конструктивного диалога, партнерства и взаимобогащения различных культур, религий и цивилизаций, сохранение традиционных духовно-нравственных ориентиров и моральных принципов»⁹.

Результаты и обсуждение. Факторами формирования устойчивой национальной экономики посредством трансформационных процессов и международной интеграции авторам видятся:

1. Технологическое развитие, базирующееся на достижениях науки и техники, и формирующее значительную базу для развития отраслей экономики, национальную независимость и устойчивость реального производственного сектора. В настоящее время большое внимание в этом направлении уделяется развитию сквозных цифровых технологий, в частности технологий искусственного интеллекта, виртуальной и дополненной реальности, цифровых двойников, нейросетей и др. Перспективность и значимость направления подтверждается массовым распространением сквозных цифровых технологий на все отрасли экономики и сферы жизни, существенной финансовой поддержкой со стороны государства, в том числе научных исследований, направленных на создание программного обеспечения национальными производителями, с целью сокращения уровня зависимости от иностранных поставщиков IT-услуг.

Оценивая текущее состояние технологического развития, следует отметить наличие необходимых административно-правовых условий и инструментов и вместе с тем потребности в кооперации между реальным сектором экономики, государственными научно-исследовательскими и образовательными учреждениями, как в части идентификации, формирования и уточнения потребностей, так и в области объединения усилий для организации эффективной инновационной деятельности и формирования технологических инноваций.

⁹ Указ Президента РФ «Об утверждении внешней политики Российской Федерации» №229 от 31 марта 2023 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811/>

В целях формирования и развития предпринимательской и инновационной инициативы реализуется ряд образовательных и научных проектов, таких как УМНИК, Стартап и пр., целью которых становится ориентация на отбор наиболее эффективных технологических решений как с позиции удовлетворения государственных нужд научно-технологического, социально-экономического и экологического развития, так и с точки зрения коммерческой и социальной эффективности.

2. Формирование и развитие инновационной инфраструктуры, содержащей комплекс организационно-экономических механизмов, производственно-хозяйственных платформ и коммуникационных инструментов, поддерживающей реальное технологическое и инновационное развитие в условиях технологической трансформации. В качестве базовых форм инфраструктуры могут быть полезны созданные кластеры и технопарки, центры коллективного использования и бизнес-инкубаторы, тем более что уже накоплен положительный опыт их формирования и развития, доказана результативность. Ограничивающим фактором до сих пор остается неравномерность их распределения по территории Российской Федерации, повышенная концентрация в крупных инновационных центрах и недостаток на периферии. Кластеры, несмотря на их рост в количественном выражении, остаются на среднем уровне развития чаще, чем на более высоком, инновационном. Это доказано исследованием, проведенным в 2022 г. С. Ю. Гришиным. В статье «Трансформация российской социально-экономической системы в современных условиях» [16] автором были выделены крупные российские кластеры с различной ключевой специализацией (фармацевтика, химическое производство, промышленные биотехнологии, автомобилестроение со статусом участия в инновационных проектах России и с численностью сотрудников от 3600 до 36000 чел. Результаты исследования подтвердили высокий уровень развития кластеров с ключевой специализацией «Информационно-коммуникационные технологии» и «оборонная промышленность», что еще раз подтверждает зависимость уровня развития кластеров от приоритетов в научно-технической политике и национальных интересов.

Исследования С. Ю. Гришина дополняют ранее сделанные выводы О. Ю. Рудаковой [17], проводившей исследование инновационной инфраструктуры Южно-Сибирского макрорегиона о низком уровне взаимодействия элементов инновационной инфраструктуры и сложности формирования единого научно-технологического пространства.

Результаты расширения программ научно-технологического развития с привлечением образо-

вательных учреждений и научных организаций, предпринимательских структур и крупных компаний до сих пор достигают недостаточного для эффективной экономической трансформации уровня.

3. Активное развитие интеграционных процессов, ориентированных на долгосрочное сотрудничество с учетом ценностно-ориентированной социально-экономической политики в разрезе базовых стратегических направлений, в том числе по вопросу определения глобальных стратегий межстранового взаимодействия на мировом, национальном и региональном уровнях (участие в международных организациях и соглашениях, в разработке и реализации совместных международных проектов и программ, соглашений о международном сотрудничестве, создании и развитии интеграционных образований).

Интеграционные процессы рассматриваются с позиции обеспечения демографической безопасности и здоровья населения как стратегического ресурса развития человеческого потенциала через образовательную среду и производственного потенциала посредством углубления эффективных кооперационных связей, активизации процессов реструктуризации производств и перехода их на качественно новый уровень, реализации стратегии цифровизации и преодоления сдерживающих этот процесс факторов [17].

Сужение экономического сотрудничества с партнерами из Европы и Северной Америки, укрепление и развертывание внешней торговли со странами Азии и Ближнего Востока (Китай, Турция, Индия, ОАЭ, Египет и др.) как в рамках действующих торговых соглашений и интеграционных объединений, так и в формате новых партнерств, ускоряется. Несмотря на сложность политической ситуации, курс на открытость и полномасштабное сотрудничество со всеми заинтересованными странами, активное участие в многосторонних торговых соглашениях, создание условий для развития внутреннего рынка, запуск механизма параллельного импорта уже сейчас приводит к более устойчивому торговому балансу и формированию новых прочных торгово-экономических связей.

Так, в целях содействия адаптации глобальной экономики к новым условиям функционирования планируется укрепление потенциала и повышение международной роли интеграционных объединений БРИКС, Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Содружества Независимых Государств (СНГ), Евразийского экономического союза (ЕАЭС), РИК (Россия, Индия, Китай) и других межгосударственных объединений, поддержка региональной и субрегиональной интеграции в рамках дружественных многосторонних институтов, диалоговых площадок и региональных объединений в Ази-

атско-Тихоокеанском регионе, Латинской Америке, Африке и на Ближнем Востоке.

При этом, на наш взгляд, внешний контур интеграционных объединений (включение новых стран в действующие международные союзы и организации) требует развиваться параллельно с внутренним, устраняя коммуникационные барьеры, обусловленные неравномерностью социально-экономического развития и уровня цифровизации стран участников, через формирование единой стратегии развития отношений с внешними партнерами, в том числе с учетом потребностей в поставках промежуточных и готовых товаров, необходимых для достижения технологического суверенитета, подготовки зонтичных соглашений для объединения всех заинтересованных внешних партнеров в углубленной интеграции.

Заключение. Проведенное теоретико-методологическое исследование, ориентированное на поиск факторов и направлений эффективного международного сотрудничества в период глобальных трансформационных преобразований, позволяет определить возможности использования полученных результатов по следующим направлениям:

- подготовки и реализации решений о формировании и развитии стратегических объединений, формировании системы мотивации и стимулирования участников

стратегических объединений, при реализации управленческих функций и выполнении задач в разрезе приоритетных направлений национального развития на макро- и микроуровне;

- в процессе выстраивания деловых коммуникаций в межсубъектном, межрегиональном и межстрановом коммуникационном поле;
- для формирования научных и технологических заделов повестки стратегического развития и реализации приоритетных национальных целей на основе технологий применения ценностно-ориентированного подхода к социально-экономическому развитию субъекта;
- в целях обеспечения совершенствования региональной и межрегиональной политики в масштабах межстранового взаимодействия, в том числе в составе различных интеграционных объединений, в частности для расширения торговых связей, обеспечения демографической и экономической безопасности, повышения инвестиционного и инновационного потенциала, при формировании и реализации стратегий развития, коммуникационных и логистических стратегий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 2007. 960 с.
2. Маркс К. Капитал. М., 2022. 352 с.
3. Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М., 2002. 767 с.
4. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М., 2008. 864 с.
5. Kitchin J. Cycles and Trends in Economic Factors // *The Review of Economics and Statistics*. 1923. Vol. 5. No. 1. Pp. 10–16. DOI: 10.2307/1927031.
6. Juglar C. *Des Crises Commerciales Et De Leur Retour Periodique En France*. Paris, 1862.
7. Kuznets S. *Secular Movements in Production and Prices. Their Nature and their Bearing upon Cyclical Fluctuations*. Boston, 1930.
8. Абылгазиев И. И., Кошмаров М. Ю., Манойло А. В., Трубецкой А. Ю. Политические технологии и пропаганда в контексте глобальных революционных трансформаций // *Гражданин. Выборы. Власть*. 2023. № 1 (27). С. 92–108.
9. Кефели И. Ф. Ренессанс цивилизационной геополитики: исторические замыслы и современные уроки // *Политическая география и геополитика в России: исторический опыт и современность: материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения выдающегося русского географа В. П. Семёнова-Тян-Шанского*. СПб., 2021. С. 114–124.
10. Шумилов В. М. Трансформация глобального экономического правопорядка в условиях формирования многополярного мироустройства // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2023. № 9. С. 9–16.
11. Шумилов В. М. Международная экономическая система и международное право // *Социально-политические науки*. 2021. Т. 11. № 3. С. 26–31.
12. Абрамов Н. М., Рудакова О. Ю. Вектор устойчивого развития Евразийского экономического союза: ретроспектива и перспектива // *Экономика Профессия Бизнес*. 2023. № 3. С. 5–13.

13. Лебедева Н. М. Межкультурные отношения, идентичности, психологическое благополучие: пост-коммунистический опыт // Культурно-историческая психология. 2021. Т. 17. № 4. С. 4–6.
14. Горшков М. К., Комиссаров С. Н., Карпукhin О. И. На переломе веков: социодинамика российской культуры: монография. М., 2022. 703 с.
15. Ивашов Л. Г. Место и роль России в системе мировых цивилизаций // Современная Россия в мировом политическом процессе: глобальное и региональное измерение: материалы Международной научно-практической конференции. М., 2019. С. 17–24.
16. Гришин С. Ю. Трансформация российской социально-экономической системы в современных условиях // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 6. URL: <https://roscongress.org/materials/transformatiya-rossiyskoy-sotsialno-ekonomicheskoy-sistemy-v-sovremennykh-usloviyakh/> (дата обращения: 10.07.2023).
17. Рудакова О. Ю. Инновационная инфраструктура Южно-Сибирского макрорегиона в контексте межрегионального взаимодействия: аналитический аспект // Управление современной организацией: опыт, проблемы и перспективы. 2019. № 10. С. 9–22.

REFERENCES

1. Smith A. Research on the nature and causes of the wealth of nations. Moscow, 2007. 960 p.
2. Marx K. Capital. Moscow, 2022. 352 p.
3. Kondratiev N. D. Large cycles of conjuncture and the theory of foresight. Moscow, 2002. 767 p.
4. Schumpeter J. A. Theory of economic development. Capitalism, socialism and democracy. Moscow, 2008. 864 p.
5. Kitchin J. Cycles and Trends in Economic Factors. Review of Economics and Statistics. 1923. Vol. 5. No. 1. Pp. 10–16. DOI: 10.2307/1927031
6. Juglar C. Des Crises Commerciales Et De Leur Retour Periodique En France. Paris, 1862.
7. Kuznets S. Secular Movements in Production and Prices. Their Nature and their Bearing upon Cyclical Fluctuations. Boston, 1930.
8. Abylgaziev I. I., Koshmarov M. Yu., Manoilo A. V., Trubetskoy A. Yu. Political technologies and propaganda in the context of global revolutionary transformations. Citizen. Elections. Power. 2023. No. 1 (27). Pp. 92–108.
9. Kefeli I. F. Renaissance of Civilizational Geopolitics: Historical Intentions and Modern Lessons. Political Geography and Geopolitics in Russia: Historical Experience and Modernity: materials of the International scientific conference dedicated to the 150th anniversary of the birth of the outstanding Russian geographer V. P. Semyonov-Tyan-Shansky. St. Petersburg, 2021. Pp. 114–124.
10. Shumilov V. M. Transformation of the global economic legal order in the conditions of the formation of a multipolar world order. Russian Foreign Economic Bulletin. 2023. No. 9. Pp. 9–16.
11. Shumilov V. M. International economic system and international law. Socio-political sciences. 2021. Vol. 11. No. 3. Pp. 26–31.
12. Abramov N. M., Rudakova O. Yu. The Vector of Sustainable Development of the Eurasian Economic Union: Retrospective and Perspective. Economics Profession Business. 2023. No. 2. Pp. 5–13.
13. Lebedeva N. M. Intercultural relations, identities, psychological well-being: post-communist experience. Cultural-historical psychology. 2021. Vol. 17. No. 4. Pp. 4–6.
14. Gorshkov M. K., Komissarov S. N., Karpukhin O. I. At the turn of the century: sociodynamics of Russian culture: monograph. Moscow, 2022. 703 p.
15. Ivashov L. G. The place and role of Russia in the system of world civilizations. Modern Russia in the world political process: global and regional dimensions: materials of the International scientific-practical conference. Moscow, 2019. Pp. 17–24.
16. Grishin S. Yu. Transformation of the Russian socio-economic system in modern conditions. Izvestiya of the St. Petersburg State University of Economics. 2022. No. 6. URL: <https://roscongress.org/materials/transformatiya-rossiyskoy-sotsialno-ekonomicheskoy-sistemy-v-sovremennykh-usloviyakh/> (date of access: 10.07.2023).
17. Rudakova O. Yu. Innovative infrastructure of the South Siberian macroregion in the context of interregional interaction: an analytical aspect. Management of a modern organization: experience, problems and prospects. 2019. No. 10. Pp. 9–22.

Поступила в редакцию: 11.07.2023.

Принята к печати: 01.08.2023.

УДК 332. 146.2 (470.342)
DOI 10.14258/epb202342

ВОВЛЕЧЕНИЕ МОЛОДЕЖИ КАК СТРАТЕГИЧЕСКОГО РЕСУРСА ЭКОНОМИКИ ЗНАНИЙ В ИННОВАЦИОННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ОПЫТ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

И. Л. Сенникова, В. К. Селина

Вятский государственный университет (Киров, Россия)

Инновационному и устойчивому развитию каждого региона и страны в целом в условиях динамичного развития науки и технологий уделяется все большее внимание со стороны государства и общества. Так, в качестве одной из ключевых целей приоритетного направления «Развитие экономического потенциала» стратегии социально-экономического развития Кировской области на период до 2035 г., утвержденной распоряжением Правительства Кировской области от 28.04.2021 № 76, является формирование новой эффективной экономики, основанной на знаниях, развитии инновационной деятельности, высокотехнологичных секторов экономики, малого и среднего предпринимательства как основного проводника массовых инноваций. За прошедшие несколько лет ярко прослеживается рост внимания государства и общества к формированию инновационной среды: разрабатываются и утверждаются правовые нормы, регламентирующие инновационную деятельность, создаются инфраструктурные объекты развития и поддержки инноваций, внедряются новые методы поддержки инноваций как со стороны органов власти, так и со стороны ведущих предприятий и организаций Российской Федерации. Особая роль в данном процессе отводится молодежи, являющейся самой прогрессивной социально-демографической группой. Молодежь активно вовлекается как в процесс генерации инновационных идей, так и их дальнейшего внедрения, играет важную роль в реализации социальных организационных инноваций на территории Кировской области. В статье представлен анализ региональных инфраструктурных объектов поддержки и развития инноваций, а также ключевых инновационных организационных решений в социальной сфере, проанализированы причины роста показателей, предложен организационно-экономический механизм вовлечения молодежи в инновационную деятельность.

Ключевые слова: инновация, инновационная среда, инфраструктурные объекты, молодежь, субъект инноваций, Кировская область.

INVOLVEMENT OF YOUNG PEOPLE AS A STRATEGIC RESOURCE OF THE KNOWLEDGE ECONOMY IN INNOVATIVE ACTIVITIES: THE EXPERIENCE OF THE KIROV REGION

I. L. Sennikova, V. K. Selina,

Vyatka State University (Kirov, Russia)

Innovative and sustainable development of each region and the country as a whole in the context of the dynamic development of science and technology is receiving increasing attention from the state and society. Thus, as one of the key goals of the priority direction “Development of economic potential” of the strategy of socio-economic development of the Kirov region for the period up to 2035, approved by the decree of the Government of the Kirov region dated 28.04.2021 No. 76, is the formation of a new efficient economy based on knowledge, the development of innovation, high-tech sectors of the economy, small and medium-sized businesses as the main conductor of mass innovations. Over the past few years, there has been a clear increase in the attention of the state and society to the formation of an innovative environment: legal norms regulating innovation activities are being developed and approved, infrastructure facilities for the development and support of innovations are being created, new methods of innovation support are being introduced both by authorities and by leading enterprises and organizations. A special role in this process is assigned to young people, who are the most progressive socio-demographic group. Young people are actively involved both in the process of generating innovative ideas

and their further implementation; they play an important role in the implementation of social organizational innovations in the Kirov region. The article presents an analysis of regional infrastructure facilities for supporting and developing innovations, as well as key innovative organizational decisions in the social sphere, analyzes the reasons for the existing basic growth rate of indicators, and proposes mechanisms for involving young people in innovative activities.

Keywords: innovation, innovation environment, infrastructure facilities, youth, subject of innovation, Kirov region.

Введение. В настоящее время в условиях динамично развивающихся технологий устойчивое развитие территорий невозможно без внедрения инноваций во всех сферах: производственной, научной, социальной, экономической, духовной. Особая роль в развитии инновационной среды и устойчивом развитии территорий отводится молодежи — социально-демографической группе лиц в возрасте от 14 до 35 лет [1], являющейся одним из ключевых субъектов инновационной деятельности.

Вопросы развития инноваций, предпринимательства, стимулирующих экономический рост, рассматривали в своих работах следующие зарубежные экономисты: Й. Шумпетер [2], Г. Менш, П. Друкер [3], С. Кузнец, К. Фримен [4], а также отечественный исследователь Н. О. Кондратьев, Д. И. Опарин [5] и др.

Международным инструментом в сфере сбора данных и анализу данных об инновациях является Руководство Осло [6].

Исходной базой нашего исследования послужили также статистические материалы Министерства молодежной политики Кировской области, Стратегия долгосрочного социально-экономического развития Кировской области до 2035 г. [7], законодательство в сфере развития инноваций Кировской области, разработки авторов.

В соответствии с Руководством по сбору и анализу данных по инновациям, инновация — это введение в употребление какого-либо нового или значительно улучшенного продукта (товара или услуги), нового метода маркетинга или нового организационного метода в деловой практике, организации рабочих мест или внешних связях. Инновационная деятельность понимается как научные, организационные, финансовые, технологические и коммерческие действия, приводящие к осуществлению инноваций или задуманные с этой целью.

Инновационная среда — это совокупность инновационных предприятий, объектов инновационной инфраструктуры, институтов и механизмов, обеспечивающих благоприятные условия реализации инноваций.

Одним из ключевых факторов развития инновационной среды являются инфраструктурные объ-

екты поддержки и развития инноваций, под которыми понимаются структуры, обеспечивающие условия, необходимые для осуществления инновационной деятельности и функционирования инновационных процессов.

Анализ форм вовлечения молодежи в инновационную деятельность региона. На территории Кировской области уделяется большое внимание развитию инновационной среды. Соответствующие положения находят свое отражение в разрабатываемых и реализуемых проектах и программах. Для достижения данной цели, а также в целях устойчивого развития региона на территории Кировской области осуществляют деятельность следующие инфраструктурные объекты поддержки и развития инноваций:

1. Акселераторы. На территории региона акселераторы представлены не в качестве организаций с соответствующей организационно-правовой формой, а в формате мероприятий с аналогичным названием.

Акселераторы представляют собой образовательную программу, реализуемую в непродолжительный период времени (1–2 недели), направленную на обучение основным навыкам ведения предпринимательской деятельности, в том числе в сфере инновационного предпринимательства, совершенствование имеющихся навыков, способствующую дальнейшему структурированию бизнес-процессов и позволяющую в том числе получить навык «упаковки» своего продукта и дальнейшей презентации инвестиционному сообществу.

Подобные акселераторы реализуются как органами исполнительной власти региона совместно с подведомственными учреждениями, так и образовательными учреждениями высшего образования, коммерческими организациями. Например, в 2019 г. Центром «Мой бизнес» Кировской области при поддержке Минэкономразвития России, Правительства региона и министерства экономического развития и поддержки предпринимательства Кировской области в рамках национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» реализована обучающая про-

грамма «Акселератор проектов «Социальное предпринимательство»¹.

В 2022 г. Федеральным государственным образовательным учреждением высшего образования «Вятский государственный университет» реализована акселерационная программа (далее — акселератор ВятГУ) — комплекс мероприятий по развитию идей и проектов студенческих команд, направленных на создание новых продуктов и их вовлечение в технологическое предпринимательство. За три месяца студенты прошли полный цикл от поиска идеи до презентации стартап-проектов перед потенциальными инвесторами и партнерами. В рамках акселератора ВятГУ был выявлен интерес среди студентов в проведении прикладных исследований, развитию и созданию технологий для использования в различных отраслях народного хозяйства.

Данный механизм поддержки и развития инноваций, в том числе инновационного предпринимательства, является одним из наиболее востребованных и эффективных. Об этом свидетельствует ежегодный рост количества участников подобных мероприятий, а также увеличение реализованных проектов и зарегистрированных субъектов МСП. Так, в 2022 г. численность участников программы по наставничеству для начинающих предпринимателей «Первый молодой стартап», реализуемой министерством молодежной политики Кировской области совместно с КОГАУ «Областной дворец молодежи» увеличилась на 20% по отношению к 2021 г. В 2023 г. общий охват участников всех этапов реализации программы (теоретической и практической) увеличился на 91% по отношению к предыдущему году (табл. 1).

Таблица 1

Анализ охвата участников программы по наставничеству для начинающих предпринимателей «Первый молодой стартап» (акселерационная программа)

Показатель	2021 г.	2022 г.	2023 г.	Темп 2023 г., % к 2021 г.
Численность участников всех этапов мероприятия (теоретического и практического), чел.	100	120	230	130

С учетом анализа представленных данных можно сделать вывод о том, что ежегодно интерес молодежи к осуществлению предпринимательской деятельности увеличивается. Формат реализуемо-

го мероприятия позволяет получить теоретические знания, практический опыт, а также сопровождение наставников из числа действующих предпринимателей, что позволяет в полной мере подготовить молодежь к ведению бизнеса.

2. Коворкинги. Коворкинг представляет собой схему организации рабочего процесса, при которой в одном рабочем пространстве осуществляются разные, не всегда аналогичные виды деятельности. Коворкингом также именуется помещение (офис, кафе, библиотека и т. п.), где идет подобная работа. В качестве примера успешной практики деятельности коворкингов можно рассмотреть опыт технопарка «Сколково», где летом 2022 г. открылся технологический коворкинг МегаХакспейс, в котором арендуют рабочие места hardware-стартапы². Здесь также осуществляет деятельность Коворкинг 2.0, который объединяет креативные индустрии и технологии. В Коворкинге 2.0 одновременно могут работать digital-художники, разработчики игр, представители FashionTech и промышленные компании, финтех-стартапы, компании из сферы биомедицины. Технопарк создает среду для их взаимодействия, чтобы они могли в лице друг друга находить бизнес-партнеров и потенциальных клиентов.

На территории Кировской области существуют коворкинги, которые также представлены в виде открытых пространств для работы. Они действуют как на базе образовательных учреждений высшего образования региона, так и на базе коммерческих предприятий и организаций. Одной из ключевых проблем коворкингов на территории Кировской области является низкий уровень их востребованности специалистами, в том числе инноваторами. Зачастую коворкинги рассматриваются как площадки для единичных рабочих встреч, площадок для проведения разовых мероприятий. Данная особенность не позволяет формировать на базе коворкингов сообщества представителей инновационного сообщества.

3. Центр технического творчества. На территории Кировской области осуществляет деятельность Кировское областное государственное образовательное автономное учреждение дополнительного образования «Центр технического творчества», реализующее программы технической направленности для детей и молодежи. Основными направлениями его деятельности являются следующие:

- образовательная деятельность по различным видам технического творчества;

¹ Официальный сайт Центра «Мой бизнес» Кировской области. URL: <https://мойбизнес-43.pф/news/v-kirove-otkrylsya-obuchayushij-kurs-akselerator-proektov-socialnoe-predprinimatelstvo/> (дата обращения: 29.04.2023).

² Официальный сайт Сколково. URL: <https://vc.ru/u/1356690-fond-skolkovo/567867-kak-kovorking-pomogaet-startapam-rasti/> (дата обращения: 29.04.2023).

- информационное и программно-методическое обеспечение образовательной деятельности технической направленности в учреждениях дополнительного образования;
- подготовка и проведение областных массовых мероприятий для детей и молодежи, педагогических работников.

Функционирование Центра технического творчества способствует активному вовлечению детей и молодежи в инновационную деятельность³.

Особое внимание следует уделить опыту инновационных организационных решений в социальной сфере Кировской области.

Решения для молодежи с ограниченными возможностями здоровья. В 2017 г. на базе КОГАУ «Областной дворец молодежи», подведомственного министерству молодежной политики Кировской области, создан досуговый центр для молодежи с ограниченными возможностями здоровья «Курсив» (далее — Центр). Основной целевой аудиторией Центра являются молодые люди в возрасте 16–35 лет с ментальными нарушениями здоровья. Его деятельность направлена на развитие коммуникативных и социально-бытовых навыков воспитанников, организацию досуга молодых инвалидов посредством проведения мероприятий, в том числе спортивных, с использованием инклюзивных методик, а также занятий творческой деятельностью.

В Центре реализуются досуговые мероприятия и мастер-классы по декоративно-прикладному

творчеству, ткачеству, хореографии. К реализации мероприятий активно привлекаются волонтеры из числа представителей молодежи.

Одним из ключевых мероприятий данного направления является ежегодный областной бал для молодежи с ограниченными возможностями здоровья. Организаторами бала ежегодно выступают министерство молодежной политики Кировской области, КОГАУ «Областной дворец молодежи» и Кировская городская общественная организация «Совет родителей и опекунов лиц с ментальными нарушениями г. Кирова». 12 мая 2022 г. на базе ФГБОУ ВО «Вятский государственный агротехнологический университет» состоялся VI областной инклюзивный бал для молодежи с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью. Его участниками стали молодые люди с ОВЗ и инвалидностью численностью 100 человек из 15 муниципальных образований Кировской области, волонтеры, обучающиеся образовательных организаций высшего и среднего профессионального образования в количестве 30 человек (табл. 2). Цель бала — социализация молодых людей с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью, вовлечение их в танцевальное творчество, организация досуга. Мероприятие направлено на популяризацию инклюзивного подхода, в том числе на продвижение инклюзивного волонтерства, повышение уровня инклюзивной культуры.

Таблица 2

Анализ охвата участников областного бала для молодежи с ограниченными возможностями здоровья

Показатель	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Темп прироста, %
Численность участников мероприятия, чел.	150	80	-	70	120	-20

Снижение темпов роста показателя вызвано ограничениями, связанными с предотвращением распространения коронавирусной инфекции COVID-19.

Конкурсы и хакатоны. В 2022 г. на территории Кировской области реализована выставка научно-технического творчества молодежи, являющаяся региональным этапом окружной выставки научно-технического творчества Молодежного форума Приволжского федерального округа «iВолга». В рамках выставки представители молодежи из числа студентов образовательных учреждений высшего образования региона презентовали свои инновационные разработки. В дальнейшем данные разработки рекомендованы для участия в гранто-

вых конкурсах окружного и федерального уровней в целях получения финансирования на реализацию. Участниками выставки в 2022 г. стали 13 проектов.

Грантовые конкурсы. Молодежь Кировской области как субъект инновационного развития активно участвует не только в разработке инновационных идей и решений, но и в дальнейшем их внедрении. Например, в 2021 г. по итогам грантового конкурса Молодежного форума Приволжского федерального округа «iВолга» студент факультета строительства и архитектуры ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет» стал получателем грантовых средств на реализацию проекта «Разработка терморасширяющегося материала для вязкоупругого демпфера со смолой в качестве вулканизи-

³ Официальный сайт КОГОАУ ДО «Центр технического творчества». URL: <https://kvant43.ru/> / (дата обращения: 29.04.2023).

рующего агента». Вязкоупругий демпфер является совместной разработкой с испанскими коллегами. Данный проект направлен для помощи жителям, которые проживают на территориях, подверженных землетрясениям. Использование терморасширяющегося материала при строительстве зданий/домов сделает их более устойчивыми и крепкими.

Грантовые конкурсы являются эффективным механизмом поддержки молодежных инициатив и инновационных проектов, позволяющих непо-

средственно внедрить в употребление продукт или услугу (табл. 3).

Высокие показатели роста связаны с организацией на уровне региона процесса обучения молодежи основам социального проектирования, создания проектного офиса по поддержке молодежных инициатив при министерстве молодежной политики региона, который также оказывает консультационную, организационную и методическую помощь при реализации социальных проектов.

Таблица 3

Анализ активности представителей Кировской области в грантовых конкурсах

Показатель	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Темп 2022 г., % к 2018 г.
Количество выигранных грантов, ед.	31	43	71	144	159	412
Количество привлеченных средств на реализацию грантовых проектов, тыс. руб.	21 784	44 392	74 534	120 927,7	147 101,5	575

Результаты. По результатам проведенного авторами исследования, в целях совершенствования механизма вовлечения молодежи в инновационную деятельность могут быть реализованы следующие меры:

1. Разработка и реализация профильных акселерационных программ по направлению «Инновационное предпринимательство».

2. Активное развитие коворкингов как площадки для объединения усилий и обмена опытом субъектов инноваций.

3. Активное вовлечение молодежи, в частности студентов образовательных учреждений среднего профессионального и высшего образования, в процесс технического творчества.

4. Масштабирование организационных социальных инноваций, тиражирование успешного опыта (рис. 1) [8, 9].

Заключение. Анализируя опыт региона, можно разделить имеющиеся проекты, программы и мероприятия на две группы:

- инновации в социальной сфере, реализуемые для отдельных категорий молодежи (с участием волонтеров);
- инновации, разрабатываемые и внедряемые молодежью.

Можно утверждать, что молодежь Кировской области — один из ключевых субъектов инновационного и устойчивого развития региона. Представители молодежи принимают активное участие как в разработке инновационных идей и решений, так и в их последующей реализации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Федеральный закон от 30.12.2020 № 30.12.2020 «О молодежной политике в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/ (дата обращения: 01.05.2023).
2. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М., 2008. 864 с.
3. Друкер П. Бизнес и инновации. М., 2007. 432 с.
4. Freeman C., Clark J., Soete L. Unemployment and technical innovation. London, 1982.
5. Кондратьев Н. Д., Опарин Д. И. Большие циклы конъюнктуры. М., 1928.
6. Руководство Осло. Руководство по сбору и анализу данных по инновациям. Третье издание. М., 2006. URL: https://www.hse.ru/data/2011/09/05/1267119067/oslo_ru.pdf/ (дата обращения: 30.04.2023).
7. Стратегия социально-экономического развития Кировской области на период до 2035 года, утвержденная распоряжением Правительства Кировской области от 28.04.2021 № 76. URL: <https://www.kirovreg.ru/strategy/> (дата обращения: 01.05.2023).
8. Sennikova I. L., Snigireva G. D., Kazakova M. A., Mironova O. A., Palkina M. V., Bespyatyh V. I. Conceptual approach to the assessment of regional innovation environment factors based on the index method // *Espacios*. 2017. Vol. 38 (№ 54). P. 30.

9. Sennikova I. L., Snigireva G., Karanina E., Bakhtimov A., Domracheva L. Analysis of regional innovation environment factors within the institutional approach // E3S Web of Conferences: Topical problems of architecture, civil engineering and environmental economics, TPACEE 2018 Moscow, 03–05.12.2018. // EDP Sciences. 2019. Т. 91. P. 08063.

10. Закон Кировской области от 24.05.2008 № 243-ЗО «О развитии инновационной деятельности в Кировской области» (в ред. от 18.06.2014 № 414-ЗО) URL: <https://base.garant.ru/17140352/> (дата обращения: 01.05.2023).

REFERENCES

1. Federal Law No. 30.12.2020 dated 30.12.2020 «On Youth Policy in the Russian Federation». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/ (date of access: 01.05.2023).

2. Schumpeter J. A. Theory of economic development. Capitalism, socialism and democracy. Moscow, 2008. 864 p.

3. Drucker P. Business and innovation. Moscow, 2007. 432 p.

4. Freeman K., Clark J., Soete L. Unemployment and technical innovations. London, 1982.

5. Kondratiev N. D., Oparin D. I. Big cycles of conjuncture. Moscow, 1928.

6. The Oslo Manual. Guidelines for the collection and analysis of innovation data. Third edition. Moscow, 2006. URL: https://www.hse.ru/data/2011/09/05/1267119067/oslo_ru.pdf/ (date of access: 30.04.2023).

7. Socio-economic Development Strategy of the Kirov region for the period up to 2035, approved by the decree of the Government of the Kirov region dated 28.04.2021 No. 76. URL: <https://www.kirovreg.ru/strategy/> (date of access: 01.05.2023).

8. Sennikova I. L., Snigireva G. D., Kazakova M. A., Mironova O. A., Palkina M. V., Bespyatykh V. I. Conceptual approach to the assessment of factors of the regional innovation environment based on the index method. *Espacios*. 2017. Volume 38 (No. 54). P. 30.

9. Sennikova I. L., Snigireva G., Karanina E., Bakhtimov A., Domracheva L. Analysis of factors of the regional innovation environment within the framework of an institutional approach. E3S web conference: Actual problems of architecture, civil engineering and environmental economics, TPACEE 2018 Moscow, 03–05.12.2018. EDP Sciences. 2019. Vol. 91. P. 08063.

10. The Law of the Kirov region dated 24.05.2008 No. 243-ZO «On the development of innovative activity in the Kirov region» (as amended. dated 06/18/2014 No. 414-ZO) URL: <https://base.garant.ru/17140352/> (date of access: 01.05.2023).

Поступила в редакцию: 22.06.2023.

Принята к печати: 10.07.2023.

УДК 339.37 (470–25)
DOI 10.14258/epb202343

ИССЛЕДОВАНИЕ ДИНАМИКИ ОБОРОТА РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ И ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ Г. МОСКВЫ В УСЛОВИЯХ ТУРБУЛЕНТНОСТИ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ

Н. М. Сурай¹, И. М. Таточенко², Н. В. Пономарева¹

¹Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (Москва, Россия)

²Институт государственного администрирования (Москва, Россия)

В статье рассматривается динамика оборота розничной торговли и общественного питания в крупнейшем мегаполисе России — Москве. Авторами установлено, что оба показателя оперативно и выражено реагируют на изменения внешней среды. На основе анализа временных рядов показателей 2015–2022 гг. оценено возмущающее действие экономических санкций, пандемии COVID-19, а также специальной военной операции. Подтверждена высокая способность экономических показателей к быстрому (в течение года) восстановлению после прекращения возмущающих воздействий. С помощью метода корреляционной матрицы выявлены тесные связи между переменными времени, средней зарплаты, оборотом розничной торговли и общественного питания. Получены уравнения регрессии, связывающие данные переменные, после чего количественно оценен эффект роста оборота розничной торговли и общепита, вызванный увеличением зарплаты. Полученные уравнения регрессии могут быть использованы для прогнозирования значений рассмотренных переменных на горизонте упреждения 2–3 года. Рост оборотов московского общественного питания обеспечивается благодаря развитию системы социального питания. При ее дальнейшем развитии целесообразно скорректировать ассортиментную политику, акцентировав внимание на более широком предложении посетителям блюд из молочных продуктов, поскольку их потребление россиянами пока не достигает рациональной нормы.

Ключевые слова: мегаполис, годовой оборот, розничная торговля, общественное питание, зарплата, корреляция, темпы роста, статистические характеристики, уравнение тренда.

INVESTIGATION OF THE DYNAMICS OF RETAIL TRADE TURNOVER AND PUBLIC CATERING IN MOSCOW IN THE CONDITIONS OF TURBULENCE OF THE EXTERNAL ENVIRONMENT

N. M. Suray¹, I. M. Tatochenko², N. V. Ponomareva¹

¹Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia)

²Private Educational Institution of Higher Education Institute of Public Administration (Moscow, Russia)

The article examines the dynamics of retail trade and catering turnover in the largest metropolis of Russia — Moscow. The authors found that both indicators respond quickly and clearly to changes in the external environment. Based on the analysis of time series of 2015–2022 indicators, the disturbing effect of economic sanctions, the Covid-19 pandemic, as well as a special military operation is estimated. The high ability of economic indicators to recover quickly (within a year) after the cessation of disturbing influences has been confirmed. Using the correlation matrix method, close relationships between the variables of time, average salary, retail trade turnover and catering were revealed. Regression equations linking these variables are obtained, after which the effect of retail and catering turnover growth caused by an increase in wages is quantified. The obtained regression equations can be used to predict the values of the considered variables on the horizon the lead time is 2–3 years. The growth of the turnover of Moscow public catering is ensured thanks to the development of the social nutrition system. With its further development, it is advisable to adjust the assortment policy, focusing on a broader offer of dairy products to visitors, since their consumption by Russians has not yet reached the rational norm.

Keywords: megapolis, annual turnover, retail trade, catering, salary, correlation, growth rates, statistical characteristics, trend equation.

Введение. В последние несколько лет национальная экономика испытала ряд негативных воздействий, начиная с экономических санкций, введенных недружественными странами после присоединения Крыма к РФ в 2014 г. Однако экономика страны смогла к ним достаточно быстро адаптироваться, в том числе — и за счет политики импортозамещения, обеспечившей развитие отечественного АПК и пищевой промышленности [1]. Увеличение объемов производства продовольствия стимулирует рост как розничной торговли (по статистике, до 25% доходов россияне расходуют на покупку продуктов питания), так и оборота общественного питания. На деятельности общепита катастрофическим образом сказалась пандемия COVID-19 — карантинные ограничения практически «обнулили» отрасль в 2020 г. [2], однако она продемонстрировала высокую жизнестойкость, практически полностью восстановившись в 2021 г. Но 2022 г. принес новые вызовы — с началом специальной военной операции (далее СВО) на Украине недружественные страны усилили санкционное давление, доходы от экспорта углеводородов на европейский рынок существенно снизились, реальные доходы населения уменьшились. Как следствие, в секторе потребления произошли негативные изменения — так, по оценке аналитиков рынка, покупки одежды и обуви в РФ в 2022 г. снизились на 40% [3], население вместо одежды стало закупать продовольствие [4], розничные продажи товаров упали на 6,7%, но при этом оборот общепита вырос на 4,7% [5]. Приводимые перечисленными источниками оценки носят достаточно общий характер и не подтверждаются статистическими расчетами. Известно, что в постиндустриальную эпоху крупнейшей составляющей валового внутреннего продукта (далее — ВВП) являются услуги, к числу которых относятся торговля и общепит. Доля последнего в ВВП РФ в 2022 г. составила 1,5%, согласно данным Росстата. Особенно высокая концентрация сферы услуг достигается в мегаполисах. Всего в РФ насчитывается 16 городов с населением свыше 1 млн человек. Наиболее выраженный представитель данного типа — город Москва. Представляет интерес, каким образом реагировали на внешние возмущения национальной экономики последних лет столичная розничная торговля и система общественного питания.

Описание методов и методик проводимого исследования. При исследовании желательно было получить количественные оценки на основе

статистических методов (корреляционного, регрессионного анализа и др.), успешно применявшихся при исследованиях тенденций развития отечественной пищевой промышленности [6]. С учетом сказанного, задачи исследования были сформулированы следующим образом:

- 1) изучение временных рядов средней зарплаты, годовых оборотов розничной торговли и общественного питания в г. Москве;
- 2) расчет основных показателей динамики и статистических характеристик для переменных временных рядов, а также оценка тесноты возможных связей между ними на основе корреляционной матрицы;
- 3) получение уравнений регрессии, связывающих переменные временных рядов для проведения аналитических расчетов основных показателей розничной торговли и общественного питания г. Москвы.

Полученные результаты и их обсуждение.

Сведения о заработной плате, годовых оборотах розничной торговли и общественного питания в г. Москве приводит Росстат на своем официальном сайте в разделе «Основные социально-экономические показатели городов» [7]. В таблице 1 представлены временные ряды показателей на отрезке 2015–2022 гг. (строки 1, 3, 5), более ранних данных авторам в упомянутом источнике найти не удалось. Дополнительно рассчитаны годовые темпы роста (ГТР) показателей — строки 2, 4, 6. Таким образом, первые три временных ряда содержат по 8 уровней, а вторые три ряда — по 7, что достаточно для расчета в первом приближении основных показателей динамики и статистических характеристик. Из табличных данных можно видеть, что за 8 лет оборот розничной торговли вырос в 1,4 раза, зарплата — в 1,8, а оборот общепита — в 2,4 раза, при этом среднегодовые темпы роста (СГТР) имели значения 104,9; 108,8 и 113,1% соответственно. Однако зарплата росла монотонно — ГТР постоянно имел значение выше 100%, в то время как розничная торговля показывала отрицательную динамику в 2016 г., а общепит — в 2016 и 2020 гг. Росстат приводит значения показателей в текущих ценах, уточненную картину динамики можно получить с поправкой на инфляцию — данные по ней представлены в строке 7 таблицы. С учетом уровней инфляции по годам цены 2015 г. приводятся к 2022 г. с поправочным коэффициентом (индексом-дефлятором) 1,48. Это означает, что реально (то есть в сопоставимых ценах)

оборот розничной торговли уменьшился на 6%, зарплата выросла в 1,22 раза, а оборот общепита — в 1,60 раза. Таким образом, можно предположить, что общепит демонстрирует тенденцию к росту оборота при условии увеличения зарплаты, а обо-

рот розничной торговли при этом существенно не изменяется (снижение на 6% за 8 лет малозаметно). В дальнейшем все расчеты будут производиться в текущих ценах — для адекватного отражения экономических реалий каждого года.

Таблица 1

**Средняя зарплата, оборот розничной торговли, оборот общественного питания
в г. Москва в 2015–2022 гг.**

№ п/п	Показатель	Год								2022/2015, отн. ед	СГТР*, %
		2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022		
1	Оборот розничной торговли, млрд руб.	4310	4282	4522	4798	5102	5176	6039	6038**	1,40	104,9
2	Темп роста, %	—	99,4	105,6	106,1	106,3	101,5	116,7	100,0	—	—
3	Средняя зарплата, тыс. руб.	64,3	71,4	73,8	83,8	94,3	100,1	112,1	116,3	1,81	108,8
4	Темп роста, %	—	111,0	103,4	113,6	112,5	106,2	112,0	103,7	—	—
5	Оборот общественного питания, млрд руб.	175,2	160,9	164,6	182,6	358,5	256,4	374,3	415,6	2,37	113,1
6	Темп роста, %	—	91,8	102,3	110,9	196,3	71,5	146,0	111,0	—	—
7	Уровень инфляции, %	12,9	5,4	2,5	4,3	3,1	4,9	8,4	11,9	—	—

*СГТР — среднегодовой темп роста; ** значение вычислено на основании показателя за январь-ноябрь 2022 г. (5535 млрд руб.).

Рассчитаем статистические характеристики рассмотренных показателей — математическое ожидание (МО), среднеквадратическое отклонение (СКО) и коэффициент вариации (CV) (табл. 2). Из статистики известно, что низкому уровню варьирования признака соответствуют значения CV

до 10%, среднему — от 10 до 25%, высокому — свыше 25%. Если же значение CV по выборке превышает 30%, это свидетельствует о неоднородности совокупности, то есть о невозможности применения к ней нормального закона распределения.

Таблица 2

**Основные статистические характеристики зарплаты, оборотов розничной торговли
и общественного питания в г. Москве в 2015–2022 гг.**

№ п/п	Показатель	Статистические характеристики*				
		МО	СКО	CV, %	ДИверхн.	ДИнижн.
1	Оборот розничной торговли, млрд руб.	5033,4	702,1	14	5620,3	4446,4
2	Темп роста, %	105,1	5,9	6	110,5	99,6
3	Зарплата, руб.	89,5	19,3	22	105,6	73,4
4	Темп роста, %	108,9	4,4	4	112,9	104,9
5	Оборот общественного питания, млрд руб.	261,0	106,3	41**	—	—
6	Темп роста, %	118,6	41,0	35**	—	—

*МО — математическое ожидание, СКО — среднеквадратическое отклонение, CV — коэффициент вариации, ДИверхн., ДИнижн. — верхняя и нижняя границы доверительного интервала; ** при значениях CV > 30% расчет ДИ не имеет смысла.

Результаты расчетов показывают, что оборот внешней торговли и зарплата характеризуются сред-

ней варьированностью, а ГТР этих показателей — низкой (строки 1–4). Это позволяет определить

верхнюю и нижнюю границы доверительного интервала для средних значений при доверительной вероятности 0,95 (ДИ_{верхн.}, ДИ_{нижн.}). Средний ГТР зарплаты в текущих ценах лежит в границах 105–113%, а оборота розничной торговли — 100–110%. Оборот общественного питания, а также его ГТР имеют высокий уровень варьированности: значения CV превышают 30%, расчет ДИ для величин, не подчиняющихся нормальному закону распределения, лишен смысла (строки 5,6). Данный эффект объясняется быстрым и выраженным реагированием системы общественного питания крупного города на изменения внешней среды: так, проведение футбольного чемпионата мира в Москве сти-

мулировало значительное увеличение числа заведений и выручки в 2018–2019 гг., последовавшая пандемия COVID-19 вызвала резкий спад активности отрасли в 2020 г., а отмена карантинных мероприятий — мощный рост в 2021 г. и т. д. (табл. 1, строки 5, 6).

Для выявления возможных связей между рассмотренными показателями построим корреляционную матрицу следующих переменных: X1 — годы, X2 — оборот розничной торговли, X3 — зарплата, X4 — оборот общепита. Расчет произведем с помощью надстройки «Пакет анализа» MS Excel, полученная корреляционная матрица представлена на рисунке 1.

	X1	X2	X3	X4
X1	1,00			
X2	0,94	1,00		
X3	0,99	0,97	1,00	
X4	0,82	0,88	0,87	1,00

Рис. 1. Корреляционная матрица «годы — оборот розничной торговли — зарплата — оборот общепита»

В число переменных включена временная координата (текущий год) с целью проверки возможности построения трендов для экономических показателей. Известно, что тренд удовлетворительного качества может быть построен лишь при условии тесной корреляционной связи между фигурирующими в нем переменными. Корреляционная матрица свидетельствует, что наиболее тесно с переменной «время» связана зарплата — коэффициент корреляции X1X3 почти равен единице, что соответствует практически функциональной зависимости, причем линейной, то есть теоретически с каждым годом зарплата устойчиво и пропорционально растет. Также очень тесная связь характерна для переменных X1X2 — коэффициент корреляции превышает 0,9, то есть оборот розничной торговли в текущих ценах проявляет выраженную тенденцию к ежегодному росту. Коэффициент корреляции переменных X1X4 превышает 0,7 — и в этом случае можно предположить наличие тесной связи между оборотом общепита и переменной времени. Таким образом, уравнение временного тренда может быть получено для каждой экономической переменной, однако для оборота общепита его качество будет заведомо хуже по сравнению с зарплатой и оборотом розничной торговли — в силу менее тесной корреляционной связи. Обращает также на себя внимание очень тесная связь оборота розничной торговли и зарплаты — X2X3 (коэффициент корреляции — 0,97). Оборот общепита одинаково тесно связан как с зарплатой, так и с оборотом внешней торговли — X2X4 и X3X4 (коэффициенты корреля-

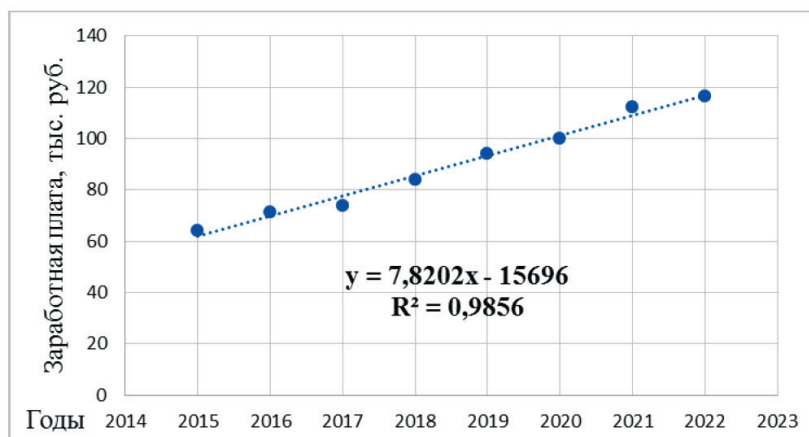
ции — 0,87÷0,88). Несмотря на высокую тесноту выявленных связей, не стоит их абсолютизировать при анализе ситуации в сфере торговли и общепита, поскольку в рассматриваемом случае проявляется эффект мультиколлинеарности, лишаящий переменные свойства независимости. Все три экономические переменные (X2, X3, X4) тесно связаны с переменной «время», что является отражением инфляционных процессов: зарплата следует за инфляцией, а траты населения определяются размером зарплаты.

Представляет интерес аналитическое описание выявленных связей, то есть уравнения регрессии, переменными в которых выступают рассмотренные выше показатели. Доступным инструментом для получения данных уравнений является «Мастер диаграмм» MS Excel — на рисунке 2 представлены временные диаграммы экономических показателей.

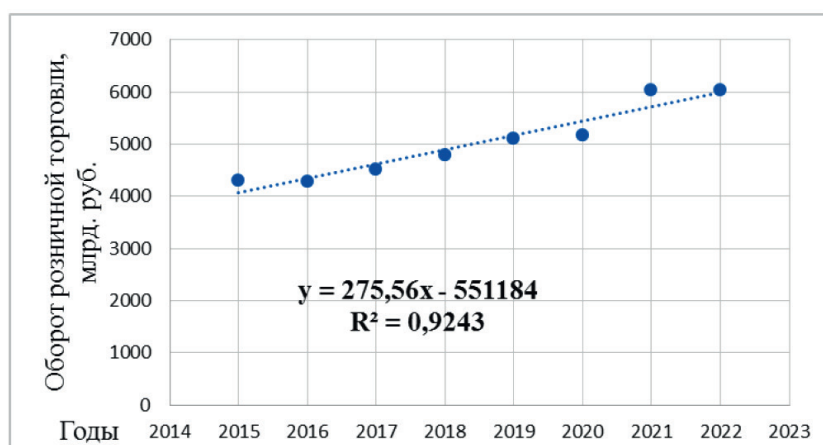
Можно видеть, что тренды всех трех переменных имеют линейный характер, однако их качество является хорошим (коэффициент детерминации выше 0,8) лишь для зарплаты и оборота розничной торговли — рисунок 2а и рисунок 2б. Тренд оборота общепита имеет удовлетворительную детерминацию (0,77), но очень близкую к границе хорошей — рисунок 1в, ряд 1. Повысить качество тренда можно путем сглаживания временного ряда оператором скользящей средней по трем уровням, с учетом малой длины исходного ряда (рисунок 1в, ряд 2). Сглаженный ряд теряет два уровня, в случае необходимости их можно восстановить. Однако

в настоящей работе не ставится задача прогнозирования, аналитические выражения используются для оценки основных соотношений между экономическими показателями. Аналогично уравнени-

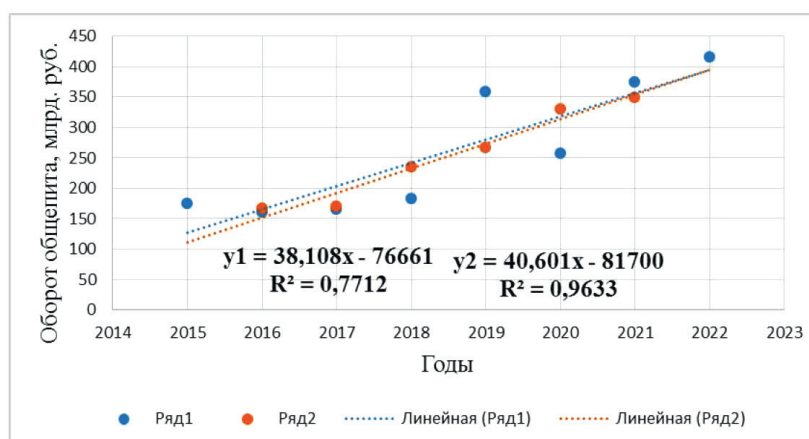
ям трендов могут быть получены уравнения регрессии, связывающие зарплату, оборот розничной торговли и оборот общепита — все соответствующие уравнения представлены в таблице 3.

а) средняя заработная плата

б) оборот розничной торговли

в) оборот общественного питания: 1 — исходный временной ряд, 2 — сглаженный скользящей средней по 3-м уровням

Рис. 2. Временные диаграммы средней зарплаты, оборота внешней торговли и оборота общественного питания в г. Москва в 2015–2022 гг. и соответствующие уравнения трендов

Таблица 3

Основные аналитические соотношения, описывающие динамику средней зарплаты, оборот розничной торговли и оборот общественного питания в г. Москва в 2015–2022 гг.

№ п/п	Переменные уравнения	Вид уравнения	R ² , отн. ед.	Качество регрессионной модели
1	У — средняя зарплата, тыс. руб.; X — годы	$Y(X) = 7,8202 * X - 15696$	0,99	Хорошее
2	У — оборот розничной торговли, млрд руб.; X — годы	$Y(X) = 275,56 * X - 551184$	0,92	Хорошее
3	У — оборот общественного питания, млрд руб.; X — годы	$Y(X) = 38,108 * X - 76661$	0,77	Удовлетворительное, близко к верхней границе диапазона
4	У — оборот общественного питания, млрд руб.; X — годы	$Y(X) = 40,601 * X - 81700$	0,96	Хорошее, после сглаживания скользящей средней
5	У — оборот розничной торговли, млрд руб.; X — средняя зарплата, тыс. руб.	$Y(X) = 35,568 * X + 1849,6$	0,95	Хорошее
6	У — оборот общественного питания, млрд руб.; X — средняя зарплата, руб.	$Y(X) = 5,0105 * X - 187,49$	0,83	Хорошее
7	У — оборот общественного питания, млрд руб.; X — оборот розничной торговли, млрд руб.;	$Y(X) = 0,1392 * X - 439,67$	0,84	Хорошее

* R² — коэффициент детерминации.

Динамика оборота розничной торговли и общественного питания в Москве свидетельствуют об их сильной зависимости от условий внешней среды. Так, в 2016 г. оба показателя имели ГТР ниже единичного — 99,4 и 91,8% соответственно (таблица 1, строки 2, 6). Такое положение явилось следствием экономических санкций, постепенно набравших силу, в результате чего рубль последовательно слабел по отношению к доллару США. Так, курс национальной валюты на 01.01.2014 г. составлял 32,65 руб./долл., на 01.01.2015—56,23 руб./долл., на 01.01.2016—72,93 руб./долл. Внутренний рынок России в то время очень сильно зависел от импорта, на фоне ослабления рубля поддерживать его объемы было затруднительно, в том числе — по продовольствию и товарам повседневного спроса. Однако уже к январю 2017 г. курс понизился до 59,65 руб./доллар и рост потребления возобновился. Рост оборота общепита в 2018–2019 гг. (ГТР — 110,9 и 196% соответственно — таблица 1, строка 6) является прямым следствием проведения Мундиала. В ожидании наплыва гостей чемпионата в городе открылось много новых заведений, в 2018 г. их посещали в основном болельщики, а в 2019 г. — внутренние туристы в гораздо большем количестве. В 2020 г. сектор общепита отреагировал на карантин по COVID-19 резким «проседанием» (ГТР — 71,5% — табл. 1, строка 6). Характерно, что в условиях пандемии розничная торговля сохранила объемы (ГТР — 1015% — таблица 1, строка 2), поскольку оперативно смогла освоить электронный формат продаж, в том числе и по основным продуктам питания, включая молочную продукцию [8]. Как розничная торговля, так и предприятия общепита столицы демонстрируют высокие способно-

сти адаптации к меняющимся условиям внешней среды — практически на следующий год после очередного потрясения они возвращаются в зону роста.

Выраженный рост оборотов розничной торговли и общепита в текущих ценах в 1,4 раза и 2,4 раза соответственно (таблица 1, строки 1, 5) не может считаться объективным свидетельством интенсивного развития данных отраслей. Во-первых, в 2015–2022 гг. население Москвы увеличилось с 12,197 до 13,015 млн чел., то есть на 7% — очевидно наличие фактора масштаба. Во-вторых, как отмечалось выше, в сопоставимых ценах показатели роста существенно скромнее — оборот общепита вырос в 1,6 раза, что на треть меньше, чем в текущих ценах, а оборот розничной торговли даже снизился на 6%. В некотором смысле можно говорить о насыщении и даже пресыщении жителей мегаполиса услугами розничной торговли. Относительно выраженного роста оборота общепита следует иметь в виду, что рыночные аналитики в большинстве случаев понимают его исключительно как ресторанный бизнес, не учитывая при этом такую весомую составляющую, как социальное питание учащихся учреждений дошкольного, среднего общего и профессионального, а также высшего образования. Вместе с тем в Москве в последнее десятилетие реализована масштабная программа совершенствования школьного питания, существенно увеличившая объемы поставок завтраков и обедов в образовательные учреждения [9]. Кроме того, в рамках развития внутренней продовольственной помощи предпринимались попытки создания городской сети социальных столовых и кафе, интегрированных в структуры кластера «Социальное питание Москва» [10]. Поми-

мо решения социальных проблем крупных городов кластеры социального питания создают предпосылки для эффективной поддержки отечественных сельхозпроизводителей — за счет гарантированного спроса на их продукцию [11]. Таким образом, рост оборотов московского общепита обеспечивается и благодаря развитию системы социального питания. При ее дальнейшем развитии целесообразно скорректировать ассортиментную политику, акцентировав внимание на более широком предложении посетителям блюд из молочных продуктов, поскольку их потребление россиянами пока не достигает рациональной нормы, рекомендованной Минздравом РФ. Вместе с тем результаты исследований свидетельствуют о тесной положительной связи между потреблением сыра в пределах рациональных норм и показателями долголетия [12, 13].

Выявленная тесная связь показателей розничной торговли и общественного питания с размером зарплаты жителей города достаточно очевидна и комментариев не требует. Однако количественные аспекты данной связи представляют определенный интерес. В среднем в 2015–2022 гг. зарплата в столице ежегодно росла на 7,8 тыс. руб., оборот роз-

ничной торговли — на 275,560 млрд руб., а оборот общественного питания — на 38,108 млрд руб. (таблица 3, строки 1–3). При этом увеличение зарплаты на 1 тыс. руб. увеличивало оборот розничной торговли в среднем на 35,568 млрд руб., а оборот общепита — на 5,0105 млрд руб. (таблица 3, строки 5, 6). Поскольку длина временных рядов, служивших базой для получения уравнений регрессии, составляла 8 лет, выявленные тенденции справедливы лишь в краткосрочной перспективе, то есть в течение ближайших 2–3 лет. Так, в 2023 г. следует ожидать роста зарплаты в Москве до 124,3 тыс. руб., оборота розничной торговли — до 6274 млрд руб., а оборота общепита — до 431,5 млрд руб., то есть на 7; 4 и 4% соответственно.

Заключение. Резюмируя, следует отметить, что выявленные особенности динамики оборота розничной торговли и общественного питания в г. Москве с высокой вероятностью могут проявиться и в остальных российских городах-миллионниках, однако проверка данного предположения не может быть проведена в рамках настоящей работы ввиду ограниченности ее формата. Целесообразно посвятить изучению данного аспекта проблемы отдельное исследование.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Иванова В. Н., Таточенко А. Л., Язев Г. В. и др. Оценка проблем развития пищевой промышленности Российской Федерации и пути их решения // *Espacios*. 2018. Том 39. № 22. С. 11.
2. Бабоян Г. С. Влияние кризиса, вызванного пандемией COVID-19 на сектор общественного питания в России // *Научный альманах Центрального Черноземья*. 2022. № 1–2. С. 177–183.
3. Акулов А. Продажи одежды и обуви в России упали более чем на 40% с февраля 2022 года. URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2022/08/24/18399440.shtml/> (дата обращения: 24.09.2022).
4. Левинская А. Экономия и пессимизм привели покупателей одежды в продуктовые магазины. URL: <https://www.rbc.ru/business/25/09/2022/6328978e9a79476647c7bcb4?ysclid=lgqhzy80z3874965509/> (дата обращения: 24.09.2022).
5. Росстат отметил рост ресторанного рынка и падение розницы в России в 2022 году. URL: <https://journal.open-broker.ru/novosti/rosstat-otmetil-rost-restorannogo-rynka/?ysclid=lgur3uyu9c571039640/> (дата обращения: 13.02.2023).
6. Иванова В. Н., Таточенко А. Л., Джазев Г. В. и др. Использование регрессионного анализа для оценки перспектив развития пищевой промышленности в Российской Федерации // *Espacios*. 2018. Том 39. № 22. С. 5.
7. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13206/> (дата обращения: 13.02.2023).
8. Панасенко С. В., Бойкова А. В., Хашир Б. О. и др. Электронная розничная торговля молочной продукцией: совершенствование технологий продаж // *Молочная промышленность*. 2022. № 7. С. 6–11. DOI 10.31515/1019-8946-2022-07-6-10.
9. Иванова В. Н., Тихонов Д. А., Таточенко А. Л. Кластер «Социальное питание Москва»: возможности совершенствования школьного питания // *Вопросы экономики и права*. 2016. № 98. С. 45–50.
10. Грубый В. А., Пизенгольц В. М., Сауренко Т. М., Таточенко А. Л. Экономические и организационные аспекты взаимодействия сетей хранения и обработки сельхозпродукции с системой внутренней производственной помощи // *Экономические науки*. 2016. № 10 (143). С. 46–50.

11. Тихонов Д. А., Таточенко А. Л. Формирование кластеров социального питания как форма поддержки отечественных сельхозпроизводителей в условиях членства России в ВТО // *Экономические науки*. 2015. № 4 (125). С. 70–74.
12. Панасенко С. В., Таточенко А. Л., Сурай Н. М. и др. Рациональные нормы потребления сыра в аспекте долголетия // *Сырделие и маслоделие*. 2022. № 3. С. 42–45. DOI 10.31515/2073–418–2022–3–42–45.
13. Беляев В. И., Беляев В. В., Игнатьева Д. В. и др. Локальные рынки в глобальной экономике: диалектика глобального и локального в региональном воспроизводстве // *Вестник Алтайского государственного аграрного университета*. 2013. № 7 (105). С. 128–133.

REFERENCES

1. Ivanova V. N., Tatochenko A. L., Yazev G. V. et al. Assessment of the problems in food industry development of the of the Russian Federation and ways of their solutions. *Espacios*. 2018. Vol. 39. No. 22. P. 11.
2. Baboyan G. S. The impact of the crisis caused by the COVID-19 pandemic on the catering sector in Russia. *Scientific Almanac of the Central Chernozem region*. 2022. No. 1–2. Pp. 177–183.
3. Akulov A. Sales of clothing and footwear in Russia have fallen by more than 40% since February 2022. URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2022/08/24/18399440.shtml> / (date of access: 24.09.2022).
4. Levinskaya A. Economy and pessimism led clothing buyers to grocery stores. URL: <https://www.rbc.ru/business/25/09/2022/6328978e9a79476647c7bcb4?ysclid=lgqhy80z3874965509/> (date of access: 24.09.2022).
5. Rosstat noted the growth of the restaurant market and the fall of retail in Russia in 2022. URL: <https://journal.open-broker.ru/novosti/rosstat-otmetil-rost-restorannogo-rynka/?ysclid=lgur3uyu9c571039640/> (date of access: 13.02.2023).
6. Ivanova V. N., Tatochenko A. L., Jazev G. V. et al. The use of regression analysis to estimate the prospects for the food industry development in the Russian Federation. *Espacios*. 2018. Vol. 39. No. 22. P. 5.
7. Regions of Russia. The main socio-economic indicators of cities. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13206/> (date of access: 13.02.2023).
8. Panasenko S. V., Boikova A. V., Hashir B. O. et al. Electronic retail trade in dairy products: improving sales technologies. *Dairy industry*. 2022. No. 7. Pp. 6–11. DOI: 10.31515/1019–8946–2022–07–6–10.
9. Ivanova V. N., Tikhonov D. A., Tatochenko A. L. Cluster «Social nutrition Moscow»: opportunities for improving school nutrition. *Issues of economics and law*. 2016. No. 98. Pp. 45–50.
10. Gruby V. A., Pizengolts V. M., Saurenko T. M., Tatochenko A. L. Economic and organizational aspects of interaction of networks of storage and processing of agricultural products with the system of internal food aid. *Economic sciences*. 2016. No. 10 (143). Pp. 46–50.
11. Tikhonov D. A., Tatochenko A. L. Formation of social nutrition clusters as a form of support for domestic agricultural producers in the conditions of Russia's membership in the WTO. *Economic sciences*. 2015. No. 4 (125). Pp. 70–74.
12. Panasenko S. V., Tatochenko A. L., Suray N. M. et al. Rational norms of cheese consumption in the aspect of longevity. *Cheese-making and butter-making*. 2022. No. 3. Pp. 42–45. DOI: 10.31515/2073–418–2022–3–42–45.
13. Belyaev V. I., Belyaev V. V., Ignatieva D. V. et al. Local markets in the global economy: dialectics of global and local in regional reproduction. *Bulletin of the Altai State Agrarian University*. 2013. No. 7 (105). Pp. 128–133.

Поступила в редакцию: 03.05.2023.

Принята к печати: 07.07.2023.

УДК 338.45 (470)
DOI 10.14258/epb202344

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ АКТИВНОСТЬ В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

Н. В. Трофимова

Институт стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан (Уфа, Россия)

Малое и среднее предпринимательство (МСП) в социально-экономическом развитии любой страны служит своеобразным пусковым механизмом и генератором структурных изменений в экономике и обществе. Малые предприятия наиболее восприимчивы к инновационным идеям и готовы к их внедрению. Субъекты малого и среднего бизнеса, с одной стороны, выступают в качестве катализатора экономического роста всей страны, с другой — реализуют ряд социальных задач, ключевая из которых — содействие занятости и обеспечение достойного уровня жизни граждан. В секторе МСП занято более 25% трудоспособного населения страны. При этом по уровню развития МСП субъекты Российской Федерации серьезно дифференцированы, в некоторых регионах потенциал МПС используется неэффективно.

Учитывая текущие условия функционирования российской экономики и то факт, что важную роль в ее развитии играют субъекты малого и среднего предпринимательства, исследование вопросов уровня предпринимательской активности в субъектах РФ и поиск способов ее повышения являются весьма актуальными.

В статье проведена кластеризация субъектов РФ по показателям бизнес-демографии («рождаемость», ликвидация организаций), предпринимательской активности, а также индикатору, отражающему текущие возможности для расширения предпринимательского потенциала в субъектах Российской Федерации. Определено место Республики Башкортостан среди других субъектов РФ по уровню предпринимательской активности.

Ключевые слова: малый бизнес, малое и среднее предпринимательство, предпринимательская активность, предпринимательский потенциал, регион.

BUSINESS ACTIVITY IN THE REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

N. V. Trofimova

Institute for Strategic Studies Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (Ufa, Russia)

Small and medium-sized enterprises (SMEs) in the socio-economic development of any country serve as a kind of trigger and generator of structural changes in the economy and society. Small businesses are the most receptive to innovative ideas and are ready to implement them. On the one hand, small and medium-sized businesses act as a catalyst for the economic growth of the entire country, on the other hand, they implement a number of social tasks, the key of which is to promote employment and ensure a decent standard of living for citizens. The SME sector employs more than 25% of the country's able-bodied population. At the same time, the constituent entities of the Russian Federation are seriously differentiated in terms of the level of development of SMEs, in some regions the potential of the SMEs is used inefficiently.

Given the current conditions for the functioning of the Russian economy and the fact that small and medium-sized businesses play an important role in its development, the study of the level of entrepreneurial activity in the constituent entities of the Russian Federation and the search for ways to increase it is very relevant.

The article carried out the clustering of the constituent entities of the Russian Federation according to indicators of business demography ("birth rate", liquidation of organizations), entrepreneurial activity, as well as an indicator reflecting the current opportunities for expanding entrepreneurial potential in the constituent

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Института стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан.

entities of the Russian Federation. The place of the Republic of Bashkortostan among other subjects of the Russian Federation in terms of the level of entrepreneurial activity has been determined.

Keywords: small business, small and medium business, entrepreneurial activity, entrepreneurial potential, region.

Введение. Предпринимательство — это одна из наиболее активных форм экономической детальности в стране, связанная с финансовым риском и ориентированная на создание и производство материальных благ и услуг с целью дальнейшего извлечения прибыли. Именно оно оказывает существенное влияние на экономический рост, развитие научно-технического прогресса и решение многих социальных проблем [1, с. 31].

Малое и среднее предпринимательство создает благоприятные условия для экономики, являясь ее неотъемлемой частью, а также одной из фундаментальных составляющих ее функционирования. Без него рыночная система любого современного государства не сможет эффективно развиваться, функционировать и совершенствоваться.

Порядок отнесения предприятий к субъектам малого и среднего предпринимательства определен Федеральным законом № 209 от 24 июля 2017 г. «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». Распределение, согласно данному закону, осуществляется по следующим группам: микропредприятия, малые предприятия, средний и крупный бизнес [2]. Но, как правило, данное распределение является относительно условным, так как многие субъекты малого и среднего бизнеса могут менять свой статус в течение всего календарного года. Основными показателями, на основе которых предприятия тех или иных организационно-правовых форм относят к тем или иным группам, является средняя численность рабочего персонала и обороты компании.

Критерии, по которым предприятия подразделяются на те или иные группы малого и среднего бизнеса отражены в таблице 1.

Таблица 1

Критерии подразделения субъектов МСП*

Категория субъектов МСП	Занятость на предприятии	Доход предприятия
Микро-предприятие	< 15 человек	<120 млн руб.
Малое предприятие	16–100 человек	< 800 млн руб.
Среднее предприятие	101–250 человек	< 2 млрд руб.

*Составлено по [2].

Все организации, соответствующие данным критериям, формируют Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства.

Малый и средний бизнес играет важнейшую роль в экономике и социальной сфере регионов [3, с. 199]. Такой бизнес готов к внедрению инноваций, поскольку изменение технологических подходов на производстве способствует ускоренному росту производительности труда и ключевых экономических показателей деятельности организации (прибыли, рентабельности и др.). Малый и микробизнес формирует значительную часть местных бюджетов, которые после проведения административной реформы и передаче на муниципальный уровень значительного объема финансово неподкрепленных полномочий остро нуждаются в финансовых ресурсах [4, с. 83]. С другой стороны, малый и средний бизнес выполняет множество социальных функций, обеспечивая занятость на территории конкретных муниципалитетов, позволяет минимизировать миграционный отток населения и создает основу для повышения уровня материального благосостояния граждан [5, с. 188]. Таким образом, учитывая роль и значение малого и среднего бизнеса в экономике субъектов РФ, исследование уровня предпринимательской активности в регионах представляется весьма актуальным.

Проанализируем показатели бизнес-демографии: динамику уровня «рождаемости», «смертности» бизнеса, предпринимательской активности, а также оценим возможности расширения предпринимательского потенциала в субъектах Российской Федерации.

Коэффициент рождаемости организаций представляет собой отношение количества зарегистрированных к среднему числу активных организаций, учтенных органами официальной статистике в статистическом регистре, в расчете на 1000 организаций [6].

Коэффициент смертности (официальной ликвидации) организаций — отношение официально ликвидированных организаций за отчетный период к среднему числу активных организаций, учтенных органами государственной статистики, в расчете на 1000 организаций [6].

Разность коэффициента рождаемости и смертности организаций позволяет оценить относительный прирост числа организаций.

Коэффициент расширения предпринимательского потенциала (ПП) представляет собой соотношение числа зарегистрированных к числу ликвидированных организаций за отчетный период. Он показывает, сколько «рождений» новых предприятий было зарегистрировано в отчетном периоде в расчете на сто «умерших» (ликвидированных) предприятий, то есть отражает тенденцию роста или сокращения популяции предпринимателей. Значение коэффициента расширения предпринимательского потенциала меньше 100% указывает на снижение ПП [3, с. 200].

Проведем кластеризацию субъектов РФ, используя динамику демографических показателей деятельности организаций в 2017–2022 гг., исходя из сформировавшихся в регионах тенденций.

Методы и методика проводимого исследования. Методологической основой исследования послужило использование различных научно-практических приемов и способов, которые позволили провести детальный анализ уровня развития малого и среднего бизнеса в современной экономике.

При исследовании были применены научные труды отечественных и зарубежных ученых. В работе использованы следующие методы: анализ

научных публикаций, экспертные оценки, метод научного познания, системно-структурный, сравнительный, а также экономико-математические и статистические методы. Все они применялись с учетом функциональных возможностей, что позволило обеспечить достоверность результатов и выводов исследования.

Результаты. В ходе проведенного исследования ключевым элементом которого является кластеризация регионов РФ по уровню предпринимательской активности (регионы разделены на 6 групп), построена таблица 1.

В кластер 1 вошли субъекты РФ с наиболее высоким текущим предпринимательским потенциалом и благоприятными условиями для его расширения — это Республика Татарстан, регионы Северо-Кавказского федерального округа (Республика Северная Осетия-Алания, Республика Дагестан), Московская область, Алтайский край и др.

Кластер 2 — самый малочисленный по объему входящих субъектов, для которых характерен высокий текущий предпринимательский потенциал, с негативной тенденцией его снижения из-за роста коэффициента смертности организаций — это Ленинградская область, Чеченская Республика, Омская область.

Таблица 1

Группировка субъектов РФ по показателям, характеризующим уровень предпринимательской активности и отражающим возможности для реализации предпринимательского потенциала

Кластер 1	Высокий текущий предпринимательский потенциал, благоприятные условия для его расширения, рост коэффициента рождаемости и снижения смертности организаций	Республика Калмыкия, Республика Бурятия, Республика Северная Осетия-Алания, Республика Дагестан, Республика Татарстан (Татарстан), Курская область, Алтайский край, Республика Саха (Якутия), Московская область
Кластер 2	Высокий текущий предпринимательский потенциал с негативной тенденцией его снижения из-за роста коэффициента смертности организаций	Омская область, Ленинградская область, Чеченская Республика
Кластер 3	Высокий текущий предпринимательский потенциал, несмотря на тенденцию уменьшения количества ликвидируемых организаций, снижение коэффициента рождаемости может негативно сказаться на развитии предпринимательского сектора	Республика Марий Эл, Забайкальский край, Республика Ингушетия, Орловская область, Вологодская область, Удмуртская Республика, Курганская область, Челябинская область, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Чувашская Республика, Новгородская область, Ульяновская область, Иркутская область, Ивановская область, Костромская область, Свердловская область, Рязанская область, Волгоградская область, Тюменская область, Амурская область, Нижегородская область, Хабаровский край, Камчатский край
Кластер 4	Серьезное снижение предпринимательского потенциала при росте коэффициента смертности и снижении коэффициента рождаемости организаций	Республика Карелия, Приморский край, Республика Тыва, Республика Коми Мурманская область, Астраханская область, Тверская область, Архангельская область (кроме Ненецкого автономного округа), Калининградская область, Краснодарский край, Ставропольский край, Пермский край, Калужская область, Самарская область, Кабардино-Балкарская Республика, Пензенская область, Тульская область, Ростовская область, Республика Алтай, Москва, Санкт-Петербург, Тамбовская область, Республика Хакасия, Республика Мордовия, Псковская область, Чукотский автономный округ, Тюменская область, Республика Крым, Белгородская область, Город федерального значения Севастополь

Окончание таблицы 1

Кластер 5	Снижение предпринимательского потенциала при росте коэффициента смертности и минимальном росте коэффициента рождаемости организаций	Смоленская область, Ненецкий автономный округ, Еврейская автономная область, Магаданская область, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Адыгея (Адыгея), Липецкая область
Кластер 6	Снижение предпринимательского потенциала на фоне отрицательной динамики коэффициента рождаемости организаций, несмотря на уменьшение значений коэффициента смертности организаций	Ярославская область, Ямало-Ненецкий автономный округ, Республика Башкортостан, Саратовская область, Красноярский край, Оренбургская область, Сахалинская область, Новосибирская область, Владимирская область, Воронежская область, Брянская область, Кировская область, Кемеровская область, Томская область

Кластер 3 включает 23 субъекта РФ с высоким текущим предпринимательским потенциалом, несмотря на тенденцию уменьшения количества ликвидируемых организаций, снижение коэффициента рождаемости может негативно сказаться на развитии предпринимательского сектора. В данный кластер вошли субъекты Приволжского федерального округа (Удмуртская республика, Ульяновская область, Чувашская республика), Уральского федерального округа (Ханты-Мансийский Автономный округ — Югра, Свердловская, Челябинская области) и Дальневосточного федерального округа (Хабаровский край, Камчатский край) и др. Коэффициент расширения предпринимательского потенциала у субъектов данной группы, за исключением Дальневосточного федерального округа, в 2022 г. относительно 2021 г. существенно увеличился.

Кластер 4 объединил 31 субъект РФ с наиболее плачевной текущей ситуацией по демографическим показателям организаций. В субъектах данного кластера на фоне снижения рождаемости и роста коэффициента смертности организаций, наблюдается и снижение возможностей для расширения предпринимательского потенциала, что в совокупности свидетельствует об отсутствии необходимых благоприятных условий для формирования предпринимательской инициативы.

Отдельно выделим город Севастополь и Республику Крым, где в 2022 г. коэффициент расширения предпринимательской активности превышал 100% (выше среднероссийского уровня), но при этом значения указанного показателя относительно 2017 г. сократились почти в два раза, что одновременно с ростом коэффициента смертности и снижением коэффициента рождаемости организаций, привело к попаданию указанных субъектов в кластер 4.

В кластере 4 коэффициент рождаемости организаций более 100 на 1000 организаций в 2022 г. был только в городе Москве. Также в кластере 4 находился город Санкт-Петербург. При ближайшем рассмотрении ситуация в двух крупнейших городах отличается. Так, в Москве наблюдалось существенное снижение предпринимательской активности,

которое к 2022 г. замедлилось и коэффициент рождаемости перекрыл коэффициент смертности организаций. В Санкт-Петербурге сохраняются общие негативные тенденции, которые приводят к снижению предпринимательской активности и предпринимательского потенциала.

В кластер 5 вошли пять субъектов РФ, для которых характерно снижение предпринимательского потенциала при росте коэффициента смертности и минимальном росте коэффициента рождаемости организаций. К 2022 г. относительно 2017 г. из регионов данной группы наиболее существенный рост коэффициента смертности отмечался в Карачаево-Черкесской Республике, Липецкой и Магаданской областях, Республике Адыгея.

В кластере 6 находятся субъекты РФ, в которых на протяжении рассматриваемого периода времени наблюдалось снижение предпринимательского потенциала на фоне отрицательной динамики коэффициента рождаемости организаций, несмотря на уменьшение значений коэффициента смертности организаций.

Сравним регионы кластера 1 (Республика Татарстан) и кластера 6 (Республика Башкортостан) с точки зрения состояния предпринимательской активности и реализации предпринимательского потенциала (рис. 1–2). На рисунке 3 также приведем средние значения по РФ.

Анализ динамики показателей, представленных на рисунках 1 и 2, свидетельствует о том, что два региона в 2017 г. находились в схожей ситуации, когда наблюдался отрицательный прирост числа организаций. При этом в Республике Башкортостан ситуация в сфере бизнеса была несколько лучше, о чем в частности свидетельствуют более высокие значения коэффициента расширения предпринимательского потенциала — 64,8 против 43,0 в Республике Татарстан (РТ).

2018–2019 гг. для Республики Башкортостан были очень успешными в сфере МСП, о чем свидетельствует рост коэффициента расширения ИП, после чего последовал спад, который усилился в период пандемии коронавируса. Так, в 2022 г. количество ликвидированных организаций в два раза превышало количество созданных.

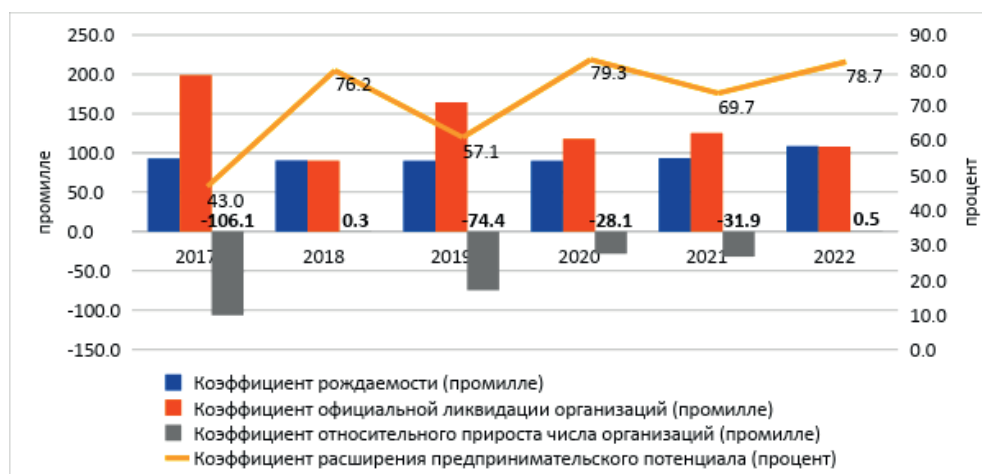

Рис. 1. Динамика показателей бизнес-демографии Республики Татарстан. Составлено по [7–9]

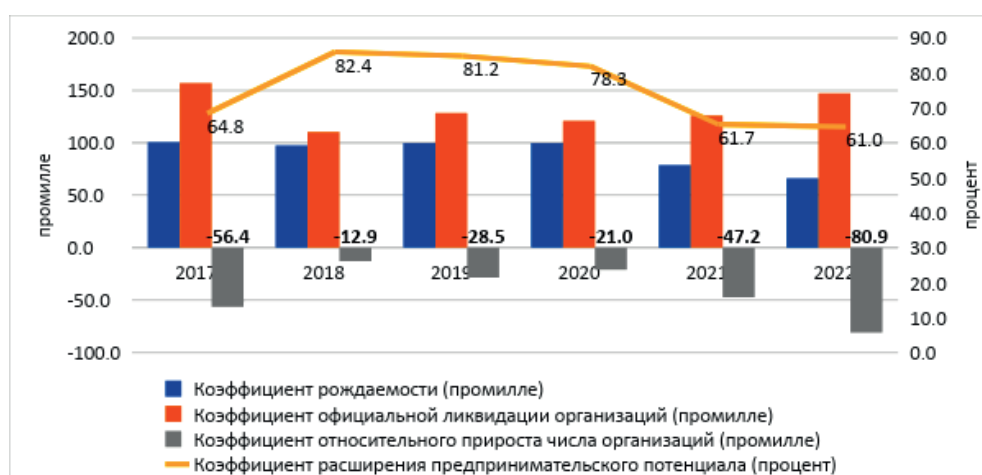

Рис. 2. Динамика показателей бизнес-демографии Республики Башкортостан. Составлено по [7–9]

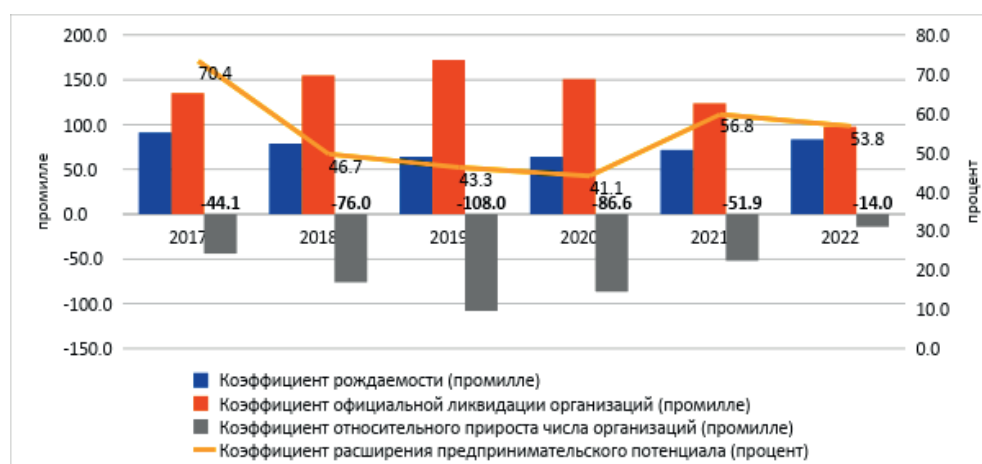

Рис. 3. Динамика показателей бизнес-демографии в среднем в Российской Федерации. Составлено по [7–9]

Республика Татарстан, напротив, в 2022 г. смогла выйти на наиболее успешный в рассматриваемом периоде уровень 2018 г., когда убыль организаций бизнеса сменилась пусть незначительным,

но ростом, а коэффициент расширения ПП приблизился к 80%.

В среднем в Российской Федерации предпринимательская активность с 2018 г. имела устойчивую тенденцию снижения, пик которого пришелся на 2019 г., к 2022 г. ситуация несколько выровнялась, коэффициент рождаемости организаций практически достиг уровня 2017 г., но коэффициент расширения предпринимательского потенциа-

ла остается крайне низким — 53,8% против 70,4% в 2017 г. При этом, как уже отмечалось выше, значения коэффициента ПП ниже 100% свидетельствуют о низком уровне предпринимательского потенциала территории.

Далее проанализируем динамику показателей предпринимательской активности предприятий Республики Башкортостан в 2017–2022 годах (табл. 2).

Таблица 2

Динамика показателей предпринимательской активности предприятий Республики Башкортостан в 2017–2022 гг.*

Год	Количество активных предприятий	Количество растущих предприятий						Количество «угасающих» предприятий
		оценка роста по численности персонала			оценка роста по обороту			
		быстрорастущих предприятий	предприятий с высоким потенциалом роста	предприятий — «газелей»	быстрорастущих предприятий	предприятий с высоким потенциалом роста	предприятий — «газелей»	
единиц								
2017	64838	550	985	117	1247	1729	105	2638
2018	62756	479	800	56	1764	2493	110	2759
2019	61858	226	450	46	3267	4380	523	1254
2020	60237	253	474	57	1474	2576	159	1622
2021	57053	314	577	91	1211	1880	164	1771
2022	51112	563	798	108	1558	2194	185	4040
в процентах от количества активных предприятий								
2017	100	0,85	1,52	0,18	1,92	2,67	0,16	4,07
2018	100	0,76	1,27	0,09	2,81	3,97	0,18	4,40
2019	100	0,37	0,73	0,07	5,28	7,08	0,85	2,03
2020	100	0,42	0,79	0,09	2,45	4,28	0,26	2,69
2021	100	0,55	1,01	0,16	2,12	3,30	0,29	3,10
2022	100	1,10	1,56	0,21	3,05	4,29	0,36	7,90

*Сост. по [8].

Наиболее успешными в анализируемом временном периоде для Республики Башкортостан были 2019–2020 гг., когда на каждые 1000 организаций приходилось 100 новых, в 2019 г. доля предприятий с высоким потенциалом роста достигла 7,08%, быстрорастущих предприятий — 5,28%. Начиная с 2020 г. ситуация в сфере предпринимательской активности начала ухудшаться, что выразилось в отрицательных значениях коэффициента относительного прироста количества организаций: в 2021 г. — -47,2 промилле, в 2022 г. — -80,9 промилле. В 2021 г. из каждой 1000 активных организаций ликвидировалось 126 ед., в 2022 г. — 147 ед. соответственно. К 2022 г. отношение угасающих организаций к активным увеличилось до 8.

Для сравнения рассмотрим тенденции предпринимательской активности предприятий в Республике Татарстан (табл. 3).

В целом, динамика показателей предпринимательской активности, представленная в таблицах 2 и 3, в РБ и РТ во многом схожа. Количество растущих предприятий, исходя из объема товарооборота относительно 2017 г. и особенно 2018 г. — снизилось, при этом увеличилась численность персонала у предприятий с высоким потенциалом роста. РТ по абсолютному числу угасающих предприятий опережает РБ, по соотношению с количеством активных предприятий — во многом показывает аналогичную тенденцию роста. При этом у Республики Татарстан, в отличие от Республики Башкортостан, на протяжении всего анализируемого периода количество занятых на быстрорастущих предприятиях стабильно увеличивалось, в Республике Башкортостан динамика была нестабильной, периоды роста сменялись периодами снижения.

Таблица 3

Динамика показателей предпринимательской активности предприятий Республики Татарстан
в 2017–2022 гг.*

Год	Количество активных предприятий	Количество растущих предприятий						Количество «угасающих» предприятий
		оценка роста по численности персонала			оценка роста по обороту			
		быстрорастущих предприятий	предприятий с высоким потенциалом роста	предприятий — «газелей»	быстрорастущих предприятий	предприятий с высоким потенциалом роста	предприятий — «газелей»	
единиц								
2017	93434	492	964	121	2463	3472	330	3060
2018	89624	370	892	95	4285	5445	643	1167
2019	86906	404	911	110	2063	3719	314	2396
2020	57053	314	577	91	1211	1880	164	1771
2021	82552	505	956	150	1342	2160	263	2099
2022	82462	1046	1394	177	1888	2577	278	6301
в процентах от количества активных предприятий								
2017	100	0,53	1,03	0,13	2,64	3,72	0,35	3,28
2018	100	0,41	1,00	0,11	4,78	6,08	0,72	1,30
2019	100	0,46	1,05	0,13	2,37	4,28	0,36	2,76
2020	100	0,55	1,01	0,16	2,12	3,30	0,29	3,10
2021	100	0,61	1,16	0,18	1,63	2,62	0,32	2,54
2022	100	1,27	1,69	0,21	2,29	3,13	0,34	7,64

*Сост. по [8].

Таблица 4

Темпы роста количества активных и «угасающих» предприятий
в отдельных субъектах РФ в 2017–2022 гг.*

Регион	Темп роста, 2022 г./2017 г.	
	Количество активных предприятий	Количество «угасающих» предприятий
Республика Ингушетия	1,00	20,86
Республика Дагестан	0,81	15,12
Чеченская Республика	1,04	13,38
г. Севастополь	0,98	10,41
Омская область	3,42	7,93
Республика Хакасия	4,48	5,51
Кабардино-Балкарская Республика	0,76	4,92
Республика Тыва	3,22	4,73
Забайкальский край	3,85	4,36
Карачаево-Черкесская Республика	0,86	4,30
Республика Крым	0,90	3,41
Республика Татарстан	0,85	1,96
г. Москва	0,56	1,87
Республика Башкортостан	0,79	1,53
Российская Федерация	0,68	1,42
Белгородская область	0,63	0,62
Ставропольский край	0,61	0,62
Новгородская область	0,70	0,48
Новосибирская область	0,17	0,40
Республика Бурятия	0,11	0,34
Удмуртская Республика	0,78	0,29

*Сост. по [8]

Наибольший рост «угасающих» предприятий наблюдался в Северо-Кавказском федеральном округе — Республике Ингушетия (20,86 раза), Республике Дагестан (15,12 раза), Чеченской Республике (13,38 раза); а также в г. Севастополе (10,41 раза). В среднем по Российской Федерации количество «угасающих» предприятий к 2022 г. относительно 2017 г. увеличилось на 42%, в РБ — на 53%, в РТ — почти в 2 раза (табл. 4). Но рост активных

предприятий наблюдался лишь в небольшом числе субъектов РФ — Республике Хакасия (4,48 раза), Забайкальском крае (3,85 раза), Республике Тыва (3,22 раза).

Поскольку у большинства субъектов РФ наблюдалась разнонаправленная динамика количества активных и «угасающих» предприятий, необходимо рассмотреть оба показателя вместе (рис. 4, 5).

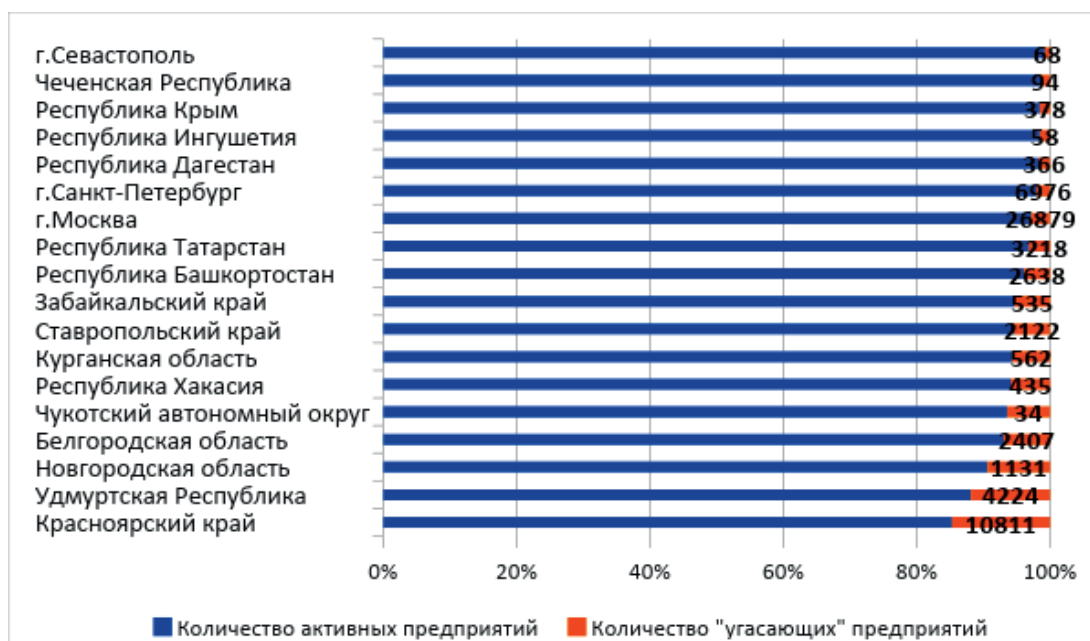

Рис. 4. Динамика количества активных и «угасающих» предприятий в субъектах Российской Федерации в 2017 г. [8]

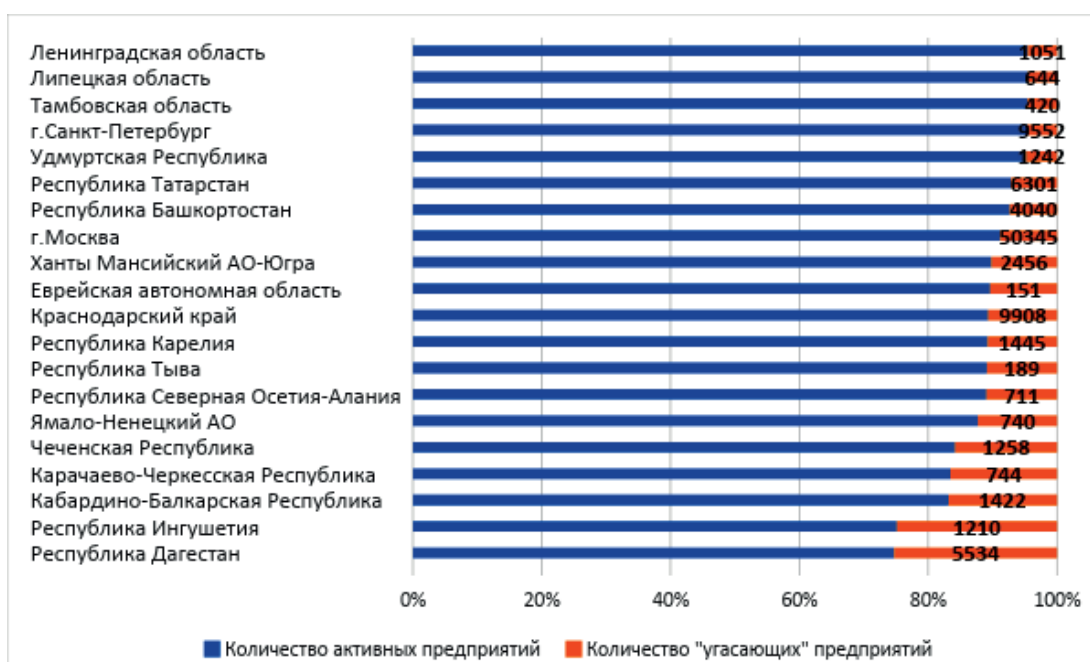

Рис. 5. Динамика количества активных и «угасающих» предприятий в субъектах Российской Федерации в 2022 г. [8]

В 2017 г. доля «угасающих» предприятий в большинстве субъектов РФ варьировалась от 3 до 5%, в среднем по РФ — 3,89%. Минимальный уровень отмечался в Севастополе, регионах Северо-Кавказского федерального округа, в Москве и Санкт-Петербурге. Наибольшее снижение предпринимательской активности в 2017 г. отмечено в Красноярском крае, в котором доля «угасающих» предприятий составила 17,3%.

К 2022 г. ситуация резко изменилась — доля «угасающих» предприятий среди активных увеличилась в большинстве субъектов, наибольший прирост отмечался в регионах Северо-Кавказского федерального округа, для предприятий которых в 2017 г. была характерна высокая предпринимательская активность — число активных предприятий увеличивалось, а доля «угасающих» — минимальной.

При этом выделим города Москву и Санкт-Петербург, которые показали разные тенденции. Если Санкт-Петербург сумел сохранить свои позиции и войти в ТОП-6 регионов с минимальной долей «угасающих» предприятий (4,8%) в числе активных, то в Москве, несмотря на прирост общего количества предприятий в 2022 г., доля «угасающих» предприятий приблизилась к 10%. В среднем в Российской Федерации доля «угасающих» предприятий среди активных составила 8,1%.

Заключение. Проведенный анализ показал, что чуть более 40% субъектов Российской Федерации можно отнести к числу регионов с высокой предпринимательской активностью. Первые места в рейтинге субъектов РФ занимают регионы, которые используют имеющиеся преимущества территории (выгодное географическое положение, природно-климатические условия, высокий уровень развития науки, технологий, а также человеческого капитала и др.) и делают ставку на поддержку малых инновационных предприятий, которые более мобильны и восприимчивы к внедрению новых технологий по сравнению

со средними и крупными предприятиями. Примерами таких регионов являются Республика Татарстан, Московская область, Нижегородская область, Челябинская область, Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра и др. К указанной группе субъектов РФ относятся также регионы со значительным туристическим потенциалом — субъекты Северо-Кавказского федерального округа, Сибирского федерального округа и др.

Отдельные субъекты РФ становятся заложниками текущей ситуации, когда низкий уровень бюджетной обеспеченности региональных и муниципальных бюджетов приводит к отсутствию финансовых возможностей для реализации мероприятий по поддержке малого бизнеса [10, с. 245]. Поэтому основным источником финансового обеспечения государственной политики является федеральный бюджет, а основным механизмом — федеральные проекты.

В целом, положительные значения коэффициента расширения предпринимательской активности в 2022 г. относительно 2021 г. наблюдались в лишь в 35 субъектах Российской Федерации (41%). Они обусловлены следующими причинами:

- особенности структуры региональной экономики;
- низкий платежеспособный спрос населения и узкие рынки сбыта продукции;
- недостаточно эффективная система поддержки предпринимательской инициативы в регионах;
- эффект высокой базы предыдущих лет (характерно для Республики Крым и города федерального значения Севастополь).

Таким образом, учитывая текущую социально-экономическую ситуацию и усиление роли малого и среднего бизнеса в развитии страны, данному сегменту экономики должно уделяться особое внимание со стороны федеральных, региональных и местных органов власти.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Шайдуллова А. И., Быкова Н. Н. Роль малого бизнеса в экономике России // Вестник НГИЭИ, 2015. № 3 (46). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-malogo-biznesa-v-ekonomike-rossii/> (дата обращения: 07.07.2023).
2. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ (ред. от 29.05.2023) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/08b3ecbc9a360ad1dc314150a6328886703356/ (дата обращения: 07.07.2023).
3. Образцова О. И., Чепуренко А. Ю. Предпринимательская активность в России и ее межрегиональные различия // НЭА. 2020. № 2 (46). С. 199–211.
4. Мамлеева Э. Р., Сазыкина М. Ю., Трофимова Н. В., Шайхутдинова Г. Ф. Меры государственной поддержки предприятий малого и среднего бизнеса в условиях распространения коронавирусной инфекции:

отечественный и зарубежный опыт // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2020. №4 (34). С. 81–90.

5. Балашова И. В., Терещенко Т. А. Поддержка малого и среднего бизнеса Краснодарского края // Научный вестник: Финансы, банки, инвестиции, 2022. № 1. С. 187–200.

6. Официальная статистическая методология формирования показателей бизнес-демографии (в части юридических лиц). URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/metodika_bizn-dem.doc (дата обращения: 07.07.2023).

7. Показатели демографии организаций. Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: (дата обращения: 07.07.2023) https://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/inst-preob/demo-org.htm/

8. Институциональные преобразования в экономике. Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/instituteconomics/> (дата обращения: 07.07.2023)

9. Малое и среднее предпринимательство в России. 2022: стат. сб. / Росстат. М., 2022. 101 с.

10. Гапов М. Р., Хубиева Д. К. Региональный аспект реализации национального проекта «малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» // Инновации и инвестиции. 2020. № 7. С. 245–249.

REFERENCES

1. Shaidullova A. I., Bykova N. N. The role of small business in the Russian economy. Vestnik NGIEI. 2015. No. 3 (46). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-malogo-biznesa-v-ekonomike-rossii/> (date of access: 07.07.2023).

2. Federal Law No. 209-FZ of July 24, 2007 (as amended on May 29, 2023) «On the Development of Small and Medium Enterprises in the Russian Federation». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/08b3ecbc9a360ad1dc314150a6328886703356/ (date of access: 07.07.2023).

3. Obraztsova O. I., Chepurenko A. Yu. Entrepreneurial activity in Russia and its interregional differences. NEA. 2020. No. 2 (46). Pp. 199–211.

4. Mamleeva E. R., Sazykina M. Yu., Trofimova N. V., Shaikhutdinova G. F. Measures of state support for small and medium-sized businesses in the context of the spread of coronavirus infection: domestic and foreign experience. Vestnik UGNTU. Science, education, economics. Series: Economics. 2020. No. 4 (34). Pp. 81–90.

5. Balashova I. V., Tereshchenko T. A. Support for small and medium-sized businesses in the Krasnodar Territory. Scientific Bulletin: Finance, banks, investments. 2022. No. 1. Pp. 187–200.

6. Official statistical methodology for the formation of business demographic indicators (in terms of legal entities). URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/metodika_bizn-dem.doc/ (date of access: 07.07.2023).

7. Demographic indicators of organizations. Federal State Statistics Service: official site. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/inst-preob/demo-org.htm/ (date of access: 07.07.2023).

8. Institutional transformations in the economy. Federal State Statistics Service: official site. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/instituteconomics/> (date of access: 07.07.2023).

9. Small and medium business in Russia. 2022: stat. sb. / Rosstat. Moscow, 2022. 101 p.

10. Gapov M. R., Khubieva D. K. Regional aspect of the implementation of the national project «Small and medium-sized businesses and support for individual entrepreneurial initiatives». Innovations and investments. 2020. No. 7. Pp. 245–249.

Поступила в редакцию: 23.06.2023.

Принята к печати: 14.07.2023.

УДК 332.1:334.7 (571.150)
DOI 10.14258/epb202345

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ И КООПЕРАЦИИ МАЛЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В САНКЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА¹

А. Я. Троцкий, Л. В. Родионова, Ю. А. Перекаренко

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия)

В статье изложены результаты исследования положения, адаптационного поведения и динамика кооперационных связей предприятий производственной сферы Алтайского края различной величины в условиях развертывания санкций.

Специфика авторского подхода заключается в том, что адаптация и кооперация малых предприятий края изучены и охарактеризованы не «сами по себе», а на фоне крупных и средних организаций, что позволило выявить присущие им особенности.

Структура статьи представлена двумя блоками. В первом из них охарактеризована динамика развития малого предпринимательства в 2010–2020 гг. Во второй основной части статьи раскрыты особенности положения и адаптационного поведения малых предприятий по сравнению с крупными и средними.

Сделаны аргументированные выводы о сокращении в анализируемом периоде численности субъектов малого бизнеса в Алтайском крае при одновременном росте их экономического потенциала и вклада в экономику региона.

Доказано, что малые предприятия производственной сферы края по сравнению с крупными и средними испытали на себе меньшее санкционное давление. Выявлены характерные для малого бизнеса риски. Охарактеризованы особенности масштаба, интенсивности и характера кооперационных связей малых предприятий по сравнению с крупными и средними предприятиями края.

Ключевые слова: размер предприятий, Алтайский край, санкционная экономика, положение и адаптационное поведение предприятий, производственная кооперация, сравнительный анализ.

FEATURES OF ADAPTATION AND COOPERATION OF SMALL ENTERPRISES OF THE ALTAI TERRITORY IN THE SANCTIONED ECONOMY: THE EXPERIENCE OF COMPARATIVE ANALYSIS

A. Ya. Trotskovsky, L. V. Rodionova, Yu. A. Perekarenkova

Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS (Novosibirsk, Russia)

The article presents the results of a study of the situation, adaptive behavior and dynamics of enterprises cooperative relations in the production sector of the Altai Territory of various sizes in the context of sanctions deployment.

The specificity of the author's approach lies in the fact that the adaptation and cooperation of small enterprises of the region have been studied and characterized not «by themselves», but against the background of large and medium-sized organizations, which made it possible to identify their inherent features.

The structure of the article is represented by two blocks. In the first of them, the dynamics of small business development in 2010–2020s is characterized. The second main part of the article reveals the features of the situation and adaptive behavior of small enterprises in comparison with large and medium-sized ones.

Reasoned conclusions are made about the reduction in the analyzed period of the number of small businesses in the Altai Territory with the simultaneous growth of their economic potential and contribution to the economy of the region.

¹ Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект «Движущие силы и механизмы развития кооперационных и интеграционных процессов в экономике Сибири», № 121040100279–5.

It is proved that small enterprises in the production sector of the region, compared with large and medium-sized ones, have experienced less sanctions pressure. The risks typical for small business have been identified.

The features of the scale, intensity and nature of cooperative relations of small enterprises in comparison with large and medium-sized enterprises of the region are characterized.

Keywords: the size of enterprises, Altai Territory, sanctions economy, the situation and adaptive behavior of enterprises, industrial cooperation, comparative analysis.

Введение. К настоящему времени появилось множество работ, оценивающих состояние экономики в целом и сдвиги в положении предприятий в условиях санкций [1–3]. Как правило, при изучении изменений в экономике региона внимание ученых, прежде всего, привлекают так называемые «якорные» предприятия региона-образующих отраслей. Аналогичный подход преобладает и при изучении кооперационных связей предприятий: в центре внимания исследователей — крупные предприятия, для которых характерны, главным образом, международные и межрегиональные связи. Малый бизнес с присущими ему локальными кооперационными связями, несмотря на внимание и имеющуюся поддержку со стороны государства, остается в этом отношении как бы «в тени».

Однако это не означает, что малый бизнес в целом обделен вниманием науки. Он изучается с самых различных позиций, начиная с проблем формирования и развития и заканчивая влиянием на экономику региона.

В настоящее время положение в сфере малого предпринимательства, по мнению ряда ведущих российских исследователей, остается неудовлетворительным. Так, Н. Е. Егорова, А. М. Смулов, Е. А. Королева среди основных проблем, препятствующих эффективному развитию малого предпринимательства, выделяют его низкий вклад в ВВП, невысокий уровень занятости в этом секторе, отставание по уровню производительности труда от развитых стран, сохранение низкой рентабельности продаж малых предприятия и др. [4, с. 18]. Характеризуя их роль в промышленности, они отмечают, что малый бизнес способствует развитию и формированию конкуренции, ускоряет темпы развития производства и способствует научно-техническому прогрессу. Учитывая современные темпы развития малого и среднего предпринимательства в сфере производства и обрабатывающей промышленности, очевидно, что малое предпринимательство не способствует активизации процесса «структурной перестройки российской промышленности» [4, с. 21].

«Слабые места» в развитии малого бизнеса отмечаются не только учеными, но констатируются и в официальных документах. Так, в Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации до 2030 г. отмечаются присущий им низкий объем инвестиций в основной капитал, сохранение неформальной занятости и др.²

С учетом вышесказанного повышение эффективности функционирования малых предприятий является одним из ключевых направлений деятельности как исследователей, так и практиков. Как правило, предлагаемые учеными меры касаются различных сторон совершенствования хозяйственного механизма. Акцентируем внимание читателей лишь на одном, с нашей точки зрения, недостаточно изученном аспекте — оценке состояния и перспектив развития малых предприятий в условиях санкций по сравнению со средними и крупными, а также кооперации между ними.

Как нам представляется, анализ этой проблематики будет наиболее продуктивен с учетом особенностей социально-экономического развития конкретного региона как важнейшей детерминанты «представительства» предприятий различных размеров в его экономике [5, с. 29], а также влияния, оказываемого размером предприятия на отраслевую экономику [6, с. 86–87].

Цель исследования, результаты которого частично изложены в настоящей статье, заключается в анализе специфических черт положения и адаптации малых предприятий региона к условиям санкционной экономики.

Исходя из цели статьи, одной из центральных задач исследования является проведение сравнительного анализа, согласно которому положение и поведение малых предприятий в условиях санкций, включая кооперационные связи, рассматриваются по сравнению со средними и крупными организациями края.

Структура работы отражает логику исследования. Она включает в себя две части. В первой части дана оценка динамики развития малого пред-

² Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 июня 2016 г. № 1083-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/jFDd9wbAbArxgEiHNaXHvetyq7hfPO96.pdf> (дата обращения: 25.05.2023).

принимательства в 2010–2020 гг. (на материалах сплошных исследований Алтайкрайстата). В последующей части статьи по результатам авторского социологического исследования (2022 г.) показаны особенности положения, адаптационного поведения и кооперационных связей предприятий малого бизнеса Алтайского края на фоне крупных и средних предприятий.

Характеристика объекта исследования. Объектом нашего исследования являются организации производственной сферы края в зависимости от их размера (величины), включая группу малых предприятий. В этих целях рассмотрим их с двух позиций: 1) «представительства» в тех или иных видах деятельности; 2) конкурентоспособности по номенклатуре выпускаемых товаров (работ, услуг) — таблица 1, 2.

Таблица 1

Структура организаций Алтайского края различных видов деятельности в зависимости от их величины (по результатам опроса руководителей организаций, %)

Вид экономической деятельности организаций	Размер организаций			Итого
	крупные	средние	малые	
Организации в целом, в том числе по видам деятельности:	9,9	15,7	74,4	100
сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	7,4	30,5	62,1	100
обрабатывающие производства	12,0	14,8	73,2	100
из них: производство пищевых продуктов и напитков	14,2	16,0	69,8	100
строительство	5,4	7,5	87,1	100
транспортировка и хранение	10,8	8,4	80,8	100

Таблица 2

Оценка конкурентоспособности организаций по номенклатуре выпускаемых товаров (работ, услуг) в зависимости от их величины, % к общей численности руководителей организаций соответствующего размера

Наличие сильных конкурентных позиций организаций на рынке	Размер организаций		
	крупные	средние	малые
региональном	44	29	29
российском	29	26	12
международном	4	1	1
не характеризуются сильными конкурентными позициями	14	23	33

Примечание. Общая численность ответов составляет менее 100% в силу того, что ряд опрошенных руководителей затруднились ответить на вопрос.

Как следует из таблицы 1, структура организаций в разрезе видов деятельности (с точки зрения размера входящих в их состав организаций) имеет свою неявно выраженную специфику. Так, малые предприятия доминируют в каждом из рассматриваемых видов экономической деятельности. Вместе с тем средние по размеру организации широко представлены в сельском, лесном хозяйстве, охоте, рыболовстве и рыбоводстве. Представительство крупных организаций в несколько большей мере характерно для обрабатывающих производств, в особенности в производстве пищевых продуктов и напитков.

Заметны и различия для групп организаций по созданию различных коллабораций и участию в них. Общая тенденция, судя по результатам исследования, прослеживается достаточно наглядно: чем больше размер организации, тем более выражена ее склонность к созданию совместных проектов и участию в них. Так, к примеру, доля организаций, являющихся юридически самостоятельными компаниями, не входящими в состав объединений юридических лиц, среди крупных, средних и малых организаций составляет, соответственно, 77; 88 и 95%. Аналогично удельный вес организаций различной величины, входящих в состав корпора-

ций³, составляет для крупных организаций 15%, средних — 10 и малых — 2% от общей численности обследованных организаций соответствующего размера.

Результаты нашего исследования еще раз подтвердили известную зависимость уровня конкурентоспособности организации по номенклатуре товаров (работ, услуг) от ее размеров. Отсутствие сильных конкурентных позиций отметили примерно каждый десятый — крупной, каждый пятый — средней и каждый третий — малой организации (см. табл. 2).

*Методика исследования*⁴. В исследовании предусматривалось выделение трех различных групп предприятий в зависимости от численности работников: 1) крупные (численность работников более 250 человек); 2) средние (от 101 до 250 человек); 3) малые (до 100 человек)⁵.

Основной метод исследования — почтовый опрос респондентов-руководителей организаций. Для повышения качества анкет и их возвратности были предусмотрены специальные процедуры, эффективность которых была подтверждена практикой⁶.

Исследованием были охвачены предприятия производственной сферы экономики края, с выделением ключевых входящих в нее видов экономической деятельности и отраслей. Исследование носило выборочный характер. При этом охват предприятий разной величины соответствует в целом их представительству в производственной сфере края (генеральной совокупности).

В процессе работы изучены и проанализированы положение и кооперационно-сетевые связи порядка одной тысячи предприятий Алтайского края следующих видов экономической деятельности: сельского, лесного хозяйства, рыболовства и рыбободства; обрабатывающих производств, в том

числе производства пищевых продуктов и напитков; строительства; транспортировки и хранения⁷.

Малый бизнес Алтайского края: состояние и ключевые тенденции развития. В качестве объекта эмпирического наблюдения в нашем исследовании выступает Алтайский край — типичный агропромышленный регион России [7]. В силу этого, прежде чем перейти к изложению результатов исследования, остановимся вкратце на характеристике отраслевой структуры экономики региона. В Алтайском крае, как и в других регионах России, процессы трансформации общероссийской экономической системы повлекли за собой сокращение промышленности — одной из регионообразующих (наряду с сельским хозяйством) отраслей края и формирование новых видов экономической деятельности [8]. К настоящему времени в отраслевой структуре экономики региона выделяются в качестве наиболее значимых сельское хозяйство, промышленность, торговля, а также деятельность по операциям в сфере недвижимости (в 2021 г. в структуре ВРП их вклад составил 17,7; 26,4;⁸ 12,6 и 11,3% соответственно).

В ведущих отраслях и видах экономической деятельности сосредоточено значительное число предприятий, действующих на территории Алтайского края. Наибольший удельный вес в структуре экономики по численности предприятий составляют предприятия сферы торговли — 28,5% и промышленности — 11,6%. Помимо данных отраслей, значительная численность предприятий (в основном малых и средних) дислоцирована в сфере строительства (9,8%), недвижимости (7,8%), транспортировке и хранении (7,5%) [10].

В Алтайском крае на 01.01.2022 в статистическом регистре Росстата было учтено 75864 субъекта малого предпринимательства, из них — 28988 малых предприятий (включая 26643 микропред-

³ К корпоративным в нашем случае отнесены организации, являющиеся юридически самостоятельными компаниями, входящими в состав объединений юридических лиц, основанных на долевой собственности и раздельной функции собственника и управления (холдинги, холдинг-компании и др.).

⁴ С учетом того, что методика исследования достаточно подробно была изложена в предыдущих публикациях авторов, основное внимание в настоящей статье уделено содержательным результатам.

⁵ За рамками исследования остались многочисленные микропредприятия, дислоцированные в регионе, а также индивидуальные предприниматели.

⁶ Достаточно сказать, что возвратность анкет составила свыше 70%, в то время, как согласно практике проведения подобных опросов, она составляет порядка 10–15%.

⁷ Такой широкий охват предприятий в исследовании стал возможен благодаря участию в работе сотрудников Алтайкрайстата и его финансовой поддержке со стороны Министерства экономического развития Алтайского края.

⁸ В составе промышленности учтены такие виды экономической деятельности, как обрабатывающие производства (22,9%), обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха (2,9%), водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений (0,6%) [9].

приятый) и 46876 индивидуальных предпринимателей⁹.

По сравнению со среднероссийскими показателями уровня развития малого предпринимательства и показателями Сибирского федерального округа малый бизнес в Алтайском крае не получил столь широкого распространения. Количество малых предприятий в расчете на 1 тыс. чел. экономически активного населения (плотность распространения) составило в 2021 г. в Алтайском крае 74 субъекта малого бизнеса (в СФО — 78, в России — 83). Тем не менее вклад малого бизнеса в экономику края превышает аналогичные показатели России и СФО. Так, в 2021 г. доля малого и среднего предпринимательства в валовом региональном продукте России (по сумме регионов) составляла 21,6%, в СФО — 21,4, в Алтайском крае — 36,6%. В 2021 г. 47,6% выручки коммерческих организаций края формировали предприятия малых форм хозяйствования. В бюджетную систему края от субъектов малого предпринимательства поступило 28,3% от всех поступлений налогов и сборов, что на 12,5

п. п. выше уровня 2010 г. Доля работников, занятых в малом бизнесе, составила 22,8% (в 2010 г. — 27,6%) от общей численности занятых в экономике края.

В структуре малых предприятий по видам экономической деятельности в 2021 г. преобладали предприятия торговли оптовой и розничной; ремонта автотранспорта и мотоциклов (34,8%); обрабатывающих производств (12,0%), организации строительной отрасли (11,5%).

В структуре индивидуальных предпринимателей по видам экономической деятельности, так же как и по малым предприятиям, с большим перевесом лидировал вид деятельности «торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов» (40,9%). Также значительную долю занимали виды деятельности «транспортировка и хранение» (11,6%), «сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство» (7,5%).

Более детальное представление о развитии субъектов малого бизнеса (малых предприятий и индивидуальных предприятий) дает таблица 3.

Таблица 3

Основные показатели деятельности субъектов малого предпринимательства в Алтайском крае в 2010–2020 гг.

Показатели	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2020 г. в% к 2010 г.
Количество субъектов малого бизнеса, осуществлявших и приостановивших деятельность, единиц	87694	80888	65398	74,6
из них осуществлявшие деятельность, единиц	62676	59809	54420	86,8
Число замещенных рабочих мест, тыс. чел.	298,4	254,9	222,0	74,4
Выручка от реализации товаров (работ, услуг), млрд руб.	326,8	622,8	890,0	в 2,7 р.
Наличие основных фондов по полной учетной стоимости на конец отчетного года, млрд руб.	71,4	128,5	221,6	в 3,1 р.
Инвестиции в основной капитал, млрд руб.	13,7	16,9	33,9	в 2,5 р.

Источник: [11, с. 13].

Из таблицы 3 следует, что в числе основных тенденций развития малого предпринимательства в Алтайском крае в рассматриваемый период являются:

- заметное (на четверть) сокращение количества субъектов такого бизнеса и численности занятых работников¹⁰;

- повышение экономического потенциала и возможностей малого бизнеса, проявляющегося в многократном росте объемов выручки, стоимости основных фондов и объема инвестиций.

Как отмечалось ранее, объектами наблюдения в нашем исследовании были не все субъекты малого предпринимательства, а лишь малые пред-

⁹ Малый бизнес, как известно, представляет собой достаточно сложный объект для статистического наблюдения, с учетом чего именно сплошные обследования дают, на наш взгляд, наиболее достоверную информацию о состоянии и тенденциях его развития. С учетом сказанного настоящий раздел базируется в основном на материалах Алтайкрайстата о развитии малого предпринимательства в Алтайском крае.

Так, сплошному обследованию Алтайкрайстата по итогам 2020 г. подлежало 74,0 тыс. респондентов (в 2015 г. — 91,3, в 2010 г. — 95,6 тыс. респондентов), в том числе 30 тыс. малых предприятий и 44,0 тыс. индивидуальных предпринимателей [11].

¹⁰ Сокращение численности малых предприятий вовсе не свидетельствует о соответствующих сдвигах в структуре экономики края по численности организаций. Напротив, динамика структуры экономики края со временем во все большей мере демонстрирует приоритет малых форм хозяйствования. Так, удельный вес малых предприятий в общем количестве организаций края составлял в 2021 г. 68,8% и был выше аналогичных показателей 2010 г. на 24,2 п. п.

приятия. В связи с этим охарактеризуем динамику их развития более подробно.

Очевидно, что развитие малых предприятий в крае происходит в том же тренде, что и развитие малого бизнеса в целом. Наблюдалось существенное сокращение численности малых предприятий, причем более высокими темпами по сравнению с сокращением индивидуальных предпринимате-

лей. Среди отраслей оно наиболее заметно в сельском хозяйстве (за 10 лет в 1,9 раза) и торговле; в строительстве численность малых предприятий относительно стабильна, а в обрабатывающих производствах наблюдается даже их рост (табл. 4).

Какие основные тренды характерны для «среднего» малого предприятия края в 2010–2020 гг.? Ответ на этот вопрос дан в таблице 5.

Таблица 4

Динамика основных экономических показателей деятельности малых предприятий Алтайского края (по данным сплошного исследования малых предприятий в 2010, 2015 и 2020 гг.)

Показатели	2010 г.	2015 г.	2020 г.
Количество малых предприятий — всего, ед.	22438	21275	19786
в т. ч. по отраслям:			
сельское хозяйство	1599	1005	857
обрабатывающие производства	2373	2577	2555
строительство	2078	1934	2058
торговля	8975	8171	6826
Средняя численность работников, чел.	191535	164239	138724

Примечание. В 2020 г. приведено количество малых предприятий, осуществляющих деятельность. Источник: составлено авторами на основе [11].

Таблица 5

Основные экономические показатели деятельности «среднего» малого предприятия Алтайского края (по данным сплошного исследования малых предприятий в 2010, 2015 и 2020 гг.)

Показатели	2010 г.	2015 г.	2020 г.
Средняя численность работников, чел.	8,8	7,7	7,0
Среднемесячная оплата труда одного работника, руб.	7872	12482	21164
Наличие собственных основных средств по полной учетной стоимости на конец года, млн руб.	11,4	24,3	34,7
Инвестиции в основной капитал, млн руб.	484,0	644,3	692,8
Выручка от реализации товаров (работ, услуг), тыс. руб.	11372,4	24152,8	34702,6
Уровень рентабельности активов, %	5,2	5,3	8,1

Примечание. Выручка от реализации товаров (работ, услуг) приводится без учета сумм налогов и аналогичных обязательных платежей. Источник: Рассчитано авторами с использованием данных Приложения 5 аналитической записки Алтайкрайстата [11].

Как следует из таблицы 5, в Алтайском крае происходит сокращение численности работников «среднего» малого предприятия. Вместе с тем оно заметно наращивает свой экономический потенциал: объем собственных основных средств вырос в 2020 г. по сравнению с 2010 г. в три раза (без учета инфляции)¹¹. Во столько же раз возросла выручка от реализации товаров (в действующих ценах), что позволило малым предприятиям поднять зарплату своим работникам, правда, несколько меньшими темпами (в 2,4 раза).

Обращает на себя внимание рост ряда показателей эффективности работы малых предприятий края. Об этом свидетельствует, в частности, рост уровня рентабельности активов, а также положительная динамика роста уровня рентабельности продаж. В 2021 г. он составлял 8,8% и вырос по отношению к 2010 г. на 3,6 п. п.

Резюмируя краткий анализ развития малых предприятий края в 2010–2020 гг., отметим, что они подтвердили свою жизнеспособность и доста-

¹¹ Отметим, что высокая капитализация «среднего» малого предприятия не сопровождается аналогичным по темпам ростом инвестиций в основной капитал, что косвенно свидетельствует о приросте основных средств за счет переоценки.

точно успешно адаптировались к изменениям экономической среды.

Косвенным аргументом этому служит тот факт, что по результатам сплошного наблюдения за деятельностью субъектов малого и среднего предпринимательства подтвердили реальную экономическую деятельность в 2020 г. 82,9%, в 2015 г. — 73,9, в 2010 г. — 71,5% от количества респондентов, предоставивших сведения.

Положение и адаптационное поведение групп организаций различных размеров в условиях санкций. Новая волна санкций с февраля 2022 г. отразилась на жизнедеятельности всех хозяйствующих субъектов. В нашем исследовании мы попытались выяснить, с какими проблемами столкнулись организации различной величины в результате санкций и каких рисков ожидают в дальнейшем. Как их решают или пытаются предотвратить? Какие изменения происходят в кооперационно-сетевых взаимодействиях организаций под влиянием санкционных ограничений? Что общего и что особенного наблюдается в положении, поведении, связях и прогнозах развития различной величины? Для этих целей мы использовали такой эмпирический показатель, как доля руководителей организаций, выбравших тот или иной вариант ответа на вопросы о проблемах и рисках, возникающих под давлением санкций; действиях и поступках по их решению; сдвигах в экономических связях

и перспективах развития организаций. Рассматриваемый показатель характеризует, с одной стороны, степень распространенности изучаемых проблем, рисков, угроз, моделей поведения, а с другой, — их относительную остроту и значимость, упорядоченные по мере убывания.

Распределение постсанкционных проблем по степени распространенности и остроте проявления в значительной степени предопределяется многочисленностью малых предприятий, которые, как уже отмечалось, составляют три четверти всех обследованных организаций. Внутригрупповые ранги проблем на предприятиях различной величины довольно близки. Особенно это касается доминирующих проблем. Первое место в проблемном ряду всех трех групп организаций различной величины занимает рост цен на оборудование, сырье, материалы, комплектующие. Вторые-третьи места разделили такие проблемы как переход поставщиков на 100%-ную предоплату и сложности с покупкой ремкомплектов, оснастки, инструментов. Схожие позиции занимают проблемы роста стоимости обслуживания кредитов и отсутствия новых договоров. На малых предприятиях по сравнению с крупными и средними несколько отличаются ранги проблем задержки в платежах за поставленную продукцию и приостановки поставок сырья, материалов, комплектующих (табл. 6).

Таблица 6

Степень распространенности и острота проявления постсанкционных проблем в организациях различных размеров

Проблемы	Организации в целом	Из них:						
		крупные		средние		малые		
	% ответов	ранг	% ответов	ранг	% ответов	ранг	% ответов	ранг
Рост цен на оборудование, сырье, материалы, комплектующие	88	1	90	1	86	1	83	1
Переход поставщиков на 100%-ную предоплату	37	2	46	2	36	3–4	33	2
Сложности с покупкой ремкомплектов, оснастки, инструментов	33	3	41	3	41	2	29	3
Задержки в платежах за поставленную продукцию, выполненные работы	26	4	23	6	25	6	26	4
Приостановка поставки сырья, материалов, комплектующих	25	5	40	4	36	3–4	20	5–6
Рост стоимости обслуживания кредитов	24	6	36	5	27	5	20	5–6
Отсутствие новых договоров	14	7	12	7	16	7	12	7

Более заметна дифференциация в концентрации отдельных проблем на предприятиях различной величины. Здесь прослеживается общая закономерность — чем больше организация, тем большему санкционному давлению она под-

вергается. Крупные предприятия в силу больших объемов и номенклатуры производимой продукции, более многочисленных кооперационно-сетевых взаимодействий наиболее сильно ощутили негативное воздействие санкций. Наибольшая

дифференциация (1,5–2 раза) наблюдалась в проявлении таких проблем, как приостановка поставки сырья, материалов, комплектующих; рост стоимости обслуживания кредитов; сложности с покупкой ремкомплектов, оснастки инструментов; переход поставщиков на 100%-ную предоплату. Различия в распространенности проблем, связанных с ростом цен на оборудование, сырье, комплектующие и задержками в платежах за поставленную продукцию были не столь существенны.

Большее разнообразие наблюдалось в распределении ответов на вопрос об ожидаемых рисках в условиях санкций. Ранжирование последних по всем обследованным организациям и группам организаций разной величины существенно отличается за исключением двух крайних рисков. Независимо от размера предприятий наибольшую угрозу их руководители видят в росте затрат на производство в связи с удорожанием ресурсов, а наименьшую — в неполучении платы за продукцию, поставленную за рубеж (табл. 7).

Таблица 7

Степень распространенности и острота проявления постсанкционных рисков в организациях различных размеров

Риски	Организации в целом	Из них:						
		крупные		средние		малые		ранг
	% ответов	ранг	% ответов	ранг	% ответов	ранг	% ответов	
Рост затрат на производство в связи с удорожанием ресурсов	80	1	87	1	81	1	75	1
Снижение инвестиционной активности и темпов технического перевооружения	37	2	56	2	53	2	29	4
Снижение объемов выпуска продукции (работ, услуг)	32	3	23	7	24	6	33	2
Сокращение спроса на продукцию	30	4–5	32	4	30	4	28	5
Риски снижения заработной платы и сокращения кадров	30	4–5	25	6	25	5	31	3
Непоставка нового зарубежного оборудования	27	6	51	3	43	3	19	6
Увеличение сроков поставок продукции	17	7	31	5	20	7	14	7
Риски неполучения платы за поставленную за рубеж продукцию	7	8	11	8	12	8	5	8

Распространенность отдельных рисков в предприятиях различной величины также значительно дифференцирована. Наиболее существенные различия (до 2–3 раз) характерны для рисков снижения инвестиционной активности и темпов технического перевооружения, непоставки зарубежного оборудования и увеличения сроков его поставок. Наименьшей дифференциацией отличаются такие риски, как рост затрат на производство и сокращение спроса на производимую продукцию. Для подавляющего большинства выделенных рисков характерна следующая закономерность: с увеличением размера организации распространенность и острота риска возрастает.

В ответ на санкционное давление предприятия различной величины демонстрируют схожие модели поведения. Среди них можно выделить ак-

тивные и пассивные модели. Первые направлены на решение, преодоление или недопущение постсанкционных проблем и рисков, повышение производительности труда и дальнейшее развитие организаций. Вторые связаны с пассивным приспособлением к санкциям через повышение цен на выпускаемую продукцию или снижение ее качества, отказ от обязательных платежей и наращивание долгов. Общие ранги действий и поступков разномасштабных организаций в условиях санкций совпадают или занимают соседние позиции. Чаще всего предприятия пытались сократить свои расходы, встроиться в новые, иногда более выгодные кооперационно-сетевые цепочки¹², вынужденно поднимать цены на свою продукцию. Другие виды активности использовались значительно реже (табл. 8).

¹² На момент опроса от 17% малых организаций до 23% крупных нашли новых партнеров.

Таблица 8

Реакция организаций различных размеров на введение экономических санкций

Действия	Организации в целом	Из них:						
		крупные		средние		малые		
	% ответов	ранг	% ответов	ранг	% ответов	ранг	% ответов	ранг
Ищем способы удешевления потребляемых ресурсов	56	1	69	1	53	2	51	1
Ищем новых партнеров	52	2	65	2	62	1	45	3
Вынуждены поднимать цены на продукцию	49	3	47	3	34	3	49	2
Обращаемся в региональные и федеральные органы власти	13	4	21	4	13	4	11	4
Планируем сокращение работников	4	5	4	5	1	6	4	5
Намерены принять решение о приостановке обязательных платежей	3	6	2	6	2	5	3	6

Распространенность отдельных моделей поведения на предприятиях различной величины существенно дифференцирована — от 1,5 до 4 раз. При этом для активных видов поведения, включающих поиск способов удешевления ресурсов и новых партнеров, взаимодействие с органами власти, наблюдается положительная связь между размером предприятия и его активностью; а для пассивных видов поведения, заключающихся в приспособлении к условиям санкций путем повышения цен, сокращения работников, приостановки обязательных платежей — связь отрицательная.

Перспективы развития различных по размеру организаций, по оценкам их руководителей, также дифференцированы. Несмотря на все сложности адаптации к санкциям половина руководителей крупных предприятий с оптимизмом смотрят в будущее, тогда как на малых предприятиях таковых менее трети. На крупных предприятиях заметно меньше, чем на малых, неопределившихся и затруднившихся с ответом, а также руководителей, считающих, что будущего у их организации нет (табл. 9).

Таблица 9

Оценка руководителями перспектив развития своих предприятий, %

Оценки	Организации в целом	Из них		
		крупные	средние	малые
Уверенно смотрим в будущее	37	52	49	30
Будущее не определено	37	29	30	37
Перспектив у организации нет	3	1	0	4
Затрудняюсь ответить	23	18	21	29

Итак, крупные предприятия, характеризующиеся большими объемами и номенклатурой производства, более развитыми экономическими связями и обладающие большими адаптационными ресурсами, испытывали наибольшее санкционное давление, демонстрировали более активные модели поведения и более успешное решение проблем, а также наибольшую уверенность в своих перспек-

тивах по сравнению с малыми и средними предприятиями.

Дифференциация основных характеристик кооперационных связей различных групп организаций в зависимости от их размера. Ключевой характеристикой кооперационных связей организаций является уровень их развития¹³. Как и следовало ожидать, вовлеченность организаций в производственную кооперацию (производственные

¹³ В случае нашего исследования под уровнем развития производственной кооперации понимается двойственная характеристика кооперационных отношений организаций, отражающая, с одной стороны, их масштаб, а с другой — интенсивность. Масштаб производственной кооперации характеризует охват (вовлеченность) организаций в производственные кооперационные связи и измеряется как доля организаций, включенных в производственные технологические цепочки, в общей численности организаций соответствующего вида экономической деятельности. Под интенсивностью кооперационных связей в данном случае понимается их роль в производственной деятельности организаций. Операционализируется этот показатель как удельный вес стоимости продукции (работ, услуг), произведенных в рамках кооперации, в общей стоимости выпускаемой предприятиями продукции (работ, услуг).

связи по поставкам полуфабрикатов, узлов и комплектующих) находится в прямой зависимости от ее величины. Это касается как устоявшихся

длительных производственных связей, так и разовых, осуществляемых по мере необходимости (табл. 10).

Таблица 10

Масштаб производственной кооперации организаций Алтайского края в зависимости от их размера, % ко всем организациям соответствующего размера

Характеристика вовлеченности организаций в кооперацию	Организации края в целом	Из них:		
		крупные	средние	малые
Кооперационные связи носят длительный и устоявшийся характер	8,0	20,0	10,0	6,0
Кооперационные связи носят разовый характер и осуществляются по мере необходимости	8,0	12,0	8,0	7,0
Кооперационные связи отсутствуют, но есть намерение организации включиться в кооперацию	4,0	3,0	5,0	3,0
Организация не участвует в производственной кооперации	80,0	65,0	77,0	84,0
Итого	100	100	100	100

Как следует из таблицы 10, масштаб производственной кооперации обследованных крупных организаций края (с учетом длительных и разовых связей) вдвое превышает средние показатели по выборочной совокупности, в то время как средних — несколько превышает, а малых — не достигает их величины.

В определенной мере больший масштаб кооперационных связей крупных предприятий предопределен включением в их производственные кооперационные цепочки малых предприятий (на каждом пятом из обследованных крупных предприятий, включенных в производственную кооперацию). Фактором, тормозящим процесс включения малых предприятий в кооперацию, является, по мнению их руководителей, их несоответствие требованиям технологического процесса.

По результатам опроса руководителей организаций больший масштаб производственной кооперации крупных предприятий сочетается с более высокой интенсивностью их кооперационных связей: примерный вклад продукции (работ, услуг), произведенной в рамках кооперации, в общем ее объеме свыше 20% составил в крупных организациях 21%, средних — 8 и малых — 7%.

Вместе с тем обращает на себя внимание высокий удельный вес организаций различных размеров, не участвующих и не имеющих намерений встроиться в производственные кооперационные цепочки (табл. 8)¹⁴. Мотивы неучастия организаций производственной кооперации могут быть самые разные, но, судя по результатам опроса, главный из них — отсутствие потребности — в среднем

по совокупности обследованных организаций на эту причину указали 72% опрошенных руководителей организаций, не участвующих в производственной кооперации.

Дифференциация ответов в зависимости от размера организации имеет место, но не столь значительна. Отсутствие потребности в привлечении специализированных организаций в большей мере характерно для малых предприятий по сравнению с крупными, в том числе в силу характера выпускаемой продукции (несложной, не имеющей много переделов, не требующей особых технологий и высокой квалификации сотрудников).

Одной из заметных причин неучастия в кооперации является отсутствие очевидных выгод и преимуществ от включения в отработанный технологический процесс других организаций (в целом каждый пятый опрошенный руководитель). При этом существенных различий в значимости этой причины для организаций разных размеров нами не выявлено.

Вопреки нашим предположениям, такая причина, как ненадежность партнеров по кооперации и, как следствие, возможные нарушения условий договоров, в ряду других причин неучастия организаций в кооперации занимает незначительное место (2–4% опрошенных).

Приведенные выше аргументы позволяют нам сделать вывод о том, что размер организации является одним из ключевых факторов, детерминирующих уровень развития ее кооперационных связей.

¹⁴ Заметим в связи со сказанным, что если рассматривать кооперацию организаций с более широких позиций и не сводить ее только к производственной кооперации, то показатели неучастия организаций края в кооперации существенно ниже и мало дифференцированы в зависимости от размера организации (для малых, средних и крупных организаций, соответственно, 43; 41 и 40% от общего количества организаций соответствующего масштаба).

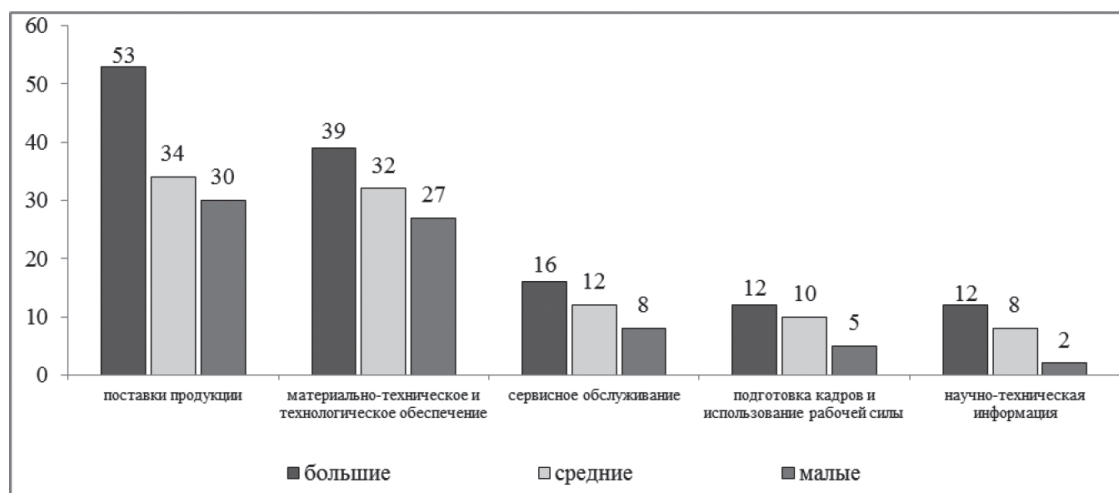

Рис. 1. Ключевые виды кооперационных взаимодействий групп организаций Алтайского края в зависимости от их размера, % к общему числу опрошенных руководителей организаций соответствующей величины

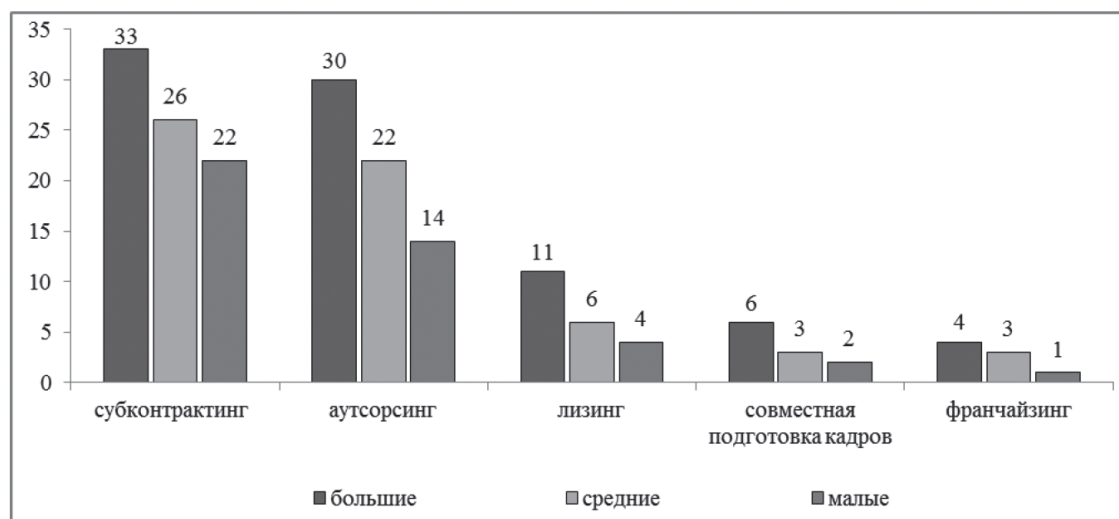

Рис. 2. Важнейшие формы кооперационных взаимодействий групп организаций Алтайского края в зависимости от их размера, % к числу опрошенных руководителей организаций соответствующей величины

Охарактеризуем далее основные виды¹⁵ и формы кооперационных взаимодействий организаций различной величины (рис. 1, 2).

Приведенные рисунки наглядно демонстрируют два важных с точки зрения нашего исследования момента. Во-первых, размер организации является значимым фактором, детерминирующим как вид, так и форму их кооперационных взаимодействий. Во-вторых, значимость (ранг) того либо иного вида (формы) взаимодействия организаций не зависит от их размера и является постоянной величиной для всей совокупности обследованных организаций. К примеру, поставки продукции, материально-техническое и технологическое обес-

печение производственного процесса являются доминирующими предметами в кооперационных взаимодействиях организаций различного размера. Аналогично это утверждение верно применительно к таким формам кооперационных взаимодействий как субконтрактинг и аутсорсинг (рис. 1, 2).

В части пространственного аспекта развития кооперационных связей методикой предусматривалось выделение трех их основных видов: внутрирегиональные, региональные и международные. Результаты исследования подтвердили нашу гипотезу о том, что одним из главных факторов, определяющих деятельность организации на внутри-, межрегиональном либо международном

¹⁵ В основу классификации видов в данном случае положен предмет их кооперационного сотрудничества (по поводу чего осуществляется взаимосвязь).

рынках, является ее конкурентоспособность (прежде всего, по выпускаемой номенклатуре изделий). Более высокая, по оценкам их руководителей, конкурентоспособность крупных организаций по срав-

нению со средними и в особенности с малыми организациями (табл. 2), позволила им занять свою нишу не только на внутрирегиональном, но и межрегиональном и международном рынках (табл. 11).

Таблица 11

Пространственные аспекты кооперационных связей организаций Алтайского края различной величины, % к общему числу руководителей организаций соответствующей величины

Вид взаимодействий	Размер организаций		
	большие	средние	малые
Внутрирегиональные	58	42	13
Межрегиональные	47	32	21
Международные	13	8	4

Примечание. Каждый из опрошенных руководителей мог указать все виды рынков, на которых имеются партнеры по кооперации.

В числе основных причин поиска партнеров за пределами Алтайского края руководители называли отсутствие подходящих партнеров в регионе (каждый третий руководитель крупной, каждый шестой — средней и каждый десятый — малой организации), а также то, что партнеры из другого региона лучше знакомы с рынками сбыта и деловым климатом их региона (каждый десятый руководитель крупной и средней, каждый двадцатый — малой организации). Такие причины привлечения партнеров из-за пределов края, как экономия в целом производственных затрат и/или затрат на реализацию продукции, либо связанных с решением кадровой проблемы, уменьшением затрат на оплату труда отмечены опрошенными руководителями организации в числе малозначащих (порядка 2–3% ответов).

Закключение. Малые предприятия Алтайского края в рыночной экономике России прошли непростой путь адаптации к внешним условиям, сохранив свою «живучесть» и нарастив свой вклад в экономику края.

За рассматриваемое десятилетие (2010–2020 гг.) количество субъектов малого предпринимательства сократилось без малого на четверть. При этом численность малых предприятий по сравнению с индивидуальными предпринимателями сокращалась более высокими темпами. Количество работников на «среднем» малом предприятии края уменьшилась за десятилетний период с 8 до 7 человек.

В разрезе отраслей сокращение наиболее заметно в сельском хозяйстве (почти в два раза) и торговле (на четверть). В строительстве численность малых предприятий можно оценить в целом как стабильную, в обрабатывающих производствах отмечается даже небольшой рост.

Сокращение численности субъектов малого предпринимательства сопровождалось повышением их экономического потенциала и возможностей развития, что нашло отражение в многократном росте (в действующих ценах) выручки, стоимости основных фондов и объемов инвестиций.

Санкции существенным образом отразились на жизнедеятельности различных по размеру предприятий. Малые предприятия по сравнению с крупными и средними испытали на себе санкционное давление в меньшей степени, что проявилось в первую очередь в менее выраженных рисках непоставки нового зарубежного оборудования, снижения инвестиционной активности и темпов технического перевооружения, неполучения платы за поставленную за рубеж продукцию, увеличения сроков ее поставки.

Вместе с тем для малых предприятий в условиях развертывания санкций по сравнению с крупными и средними выше риски снижения объемов выпуска продукции, заработной платы и сокращения работников.

Модели адаптации предприятий различной величины к условиям санкционной экономики, по оценкам их руководителей, заметно дифференцированы. Для малых предприятий по сравнению с крупными и средними характерен примат пассивных видов поведения, заключающихся в приспособлении к условиям санкций путем повышения цен на продукцию, сокращении работников и приостановки обязательных платежей. Для крупных и средних предприятий края, напротив, преобладающими являются активные виды поведения, включающие в себя поиск новых партнеров и способы удешевления ресурсов, помощь региональных органов власти и т. д.

Дифференцированы оценки перспектив развития предприятий различной величины. Свыше половины руководителей крупных предприятий с оптимизмом смотрят в будущее, тогда как на малых предприятиях таковых — менее трети. На малых предприятиях заметно больше неопределившихся и затрудняющихся с ответом, а также руководителей, считающих, что у возглавляемого ими малого предприятия перспектив нет.

Размер организации является одним из ключевых факторов, детерминирующих уровень и характер развития ее кооперационных связей. Масштаб и интенсивность производственной кооперации малых организаций более чем в три раза ниже, чем на крупных, и в 1,5 раза меньше по сравнению со средними предприятиями.

Основным фактором, препятствующим включению малых предприятий в производственные

кооперационные цепочки, является, по мнению руководителей опрошенных организаций, несоответствие требованиям технологического процесса.

На малых предприятиях производственной сферы края, участвующих в кооперации, практикуются все ее формы: субконтрактинг, аутсорсинг, лизинг, совместная подготовка кадров, франчайзинг (перечислены по мере убывания значимости). Однако по сравнению с крупными и средними организациями степень их распространения заметно ниже.

В пространственном разрезе кооперационные связи малых предприятий по сравнению с крупными и средними локализованы преимущественно в рамках региона. Сравнительно низкая конкурентоспособность малых предприятий не позволила им занять более значимый сегмент на межрегиональном и тем более на международном рынке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ершов М. В. Российская экономика в условиях новых санкционных вызовов // Вопросы экономики. 2022. № 12. С. 5–23. DOI: 10.32609/0042–8736–2022–12–5–23.
2. Кувалин Д. Б., Зинченко Ю. В., Лавриненко П. А., Ибрагимов Ш. Ш. Российские предприятия весной 2022 года: адаптация к новой волне санкций и взгляд на ESG-повестку // Проблемы прогнозирования. 2022. № 6 (195). С. 171–184. DOI: 10.47711/0868–6351–195–171–184.
3. Зубаревич Н. В. Регионы России в новых экономических условиях // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3 (55). С. 226–234. DOI: 10.31737/2221–2264–2022–55–3–15.
4. Егорова Н. Е., Смулов А. М., Королева Е. А. Трансформация модели взаимодействия малых промышленных предприятий и банков на основе повышения уровня доверия: монография. М., 2021. 146 с.
5. Малое предпринимательство в экономике территорий: монография / К. А. Гулин, Е. А. Мазилев, А. Е. Кремин, С. В. Терехова, Н. О. Якушев; под науч. рук. К. А. Гулина. Вологда, 2017. 128 с.
6. Блохин А. А., Головань М. В., Гридин Р. В. Вклад крупных, средних и малых компаний в отраслевую динамику // Проблемы прогнозирования. 2023. № 1 (196). С. 78–89. DOI: 10.47711/0868–6351–196–78–89.
7. Троцковский А. Я., Юдинцев А. Ю., Сундеева М. А. Агрпромышленные регионы России: понятие, подходы к выделению и его результаты // Регион: экономика и социология. 2019. № 2. С. 101–124. DOI: 10.15372/REG20190205.
8. Трансформационные процессы и формирование конкурентных преимуществ в Алтайском крае: монография / Троцковский А. Я., Родионова Л. В., Сергиенко А. М. и др. / под ред. А. Я. Троцкого. Новосибирск, 2017. 424 с.
9. Статистический ежегодник. Алтайский край. 2017–2021: стат. сборник / Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. Барнаул, 2022. С. 164–165.
10. Алтайский край в цифрах. 2018–2022: крат. стат. сб. / Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. Барнаул, 2023. С. 63.
11. Состояние и тенденции развития малого бизнеса в Алтайском крае (на основе сплошных наблюдений 2010, 2015, 2020): аналитическая записка / Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. Барнаул, 2023. 56 с.

REFERENCES

1. Ershov M. V. The Russian economy in the context of new sanctions challenges. Voprosy Ekonomiki. 2022. No. 12. Pp. 5–23. DOI: 10.32609/0042–8736–2022–12–5–23.

2. Kuvalin D. B., Zinchenko Yu. V., Lavrinenko P. A., Ibragimov Sh. Sh. Russian enterprises in the spring of 2022: adaptation to a new wave of sanctions and a look at the ESG agenda. *Studies on Russian Economic Development*. 2022. No. 6 (195). Pp. 171–184. DOI: 10.47711/0868–6351–195–171–184.
3. Zubarevich N. V. Regions of Russia in new economic conditions. *Journal of the New Economic Association*. 2022. No. 3 (55). Pp. 226–234. DOI: 10.31737/2221–2264–2022–55–3–15.
4. Egorova N. E., Smulov A. M., Koroleva E. A. Transformation of the model of interaction between small industrial enterprises and banks based on increasing the level of trust: monograph. Moscow, 2021. 146 p.
5. Small business in the economy of territories: monograph / K. A. Gulin, E. A. Mazilov, A. E. Kremin, S. V. Terebova, N. O. Yakushev; under the scientific direction of K. A. Gulin. Vologda, 2017. 128 p.
6. Blokhin A. A., Golovan M. V., Gridin R. V. Contribution of large, medium and small companies to industry dynamics // *Studies on Russian Economic Development*. 2023. No. 1 (196). Pp. 78–89. DOI: 10.47711/0868–6351–196–78–89.
7. Trotskovsky A. Ya., Yudintsev A. Yu., Sundeeva M. A. Agro-industrial regions of Russia: the concept, approaches to allocation and its results // *Region: Economics and Sociology*. 2019. No. 2. Pp. 101–124. DOI: 10.15372/REG20190205.
8. Transformational processes and the formation of competitive advantages in the Altai Territory: monograph / Trotskovsky A. Ya., Rodionova L. V., Sergienko A. M. et al. / edited by A. Ya. Trotskovsky. Novosibirsk, 2017. 424 p.
9. Statistical Yearbook. Altai Territory. 2017–2021: stat. collection / Department of the Federal State Statistics Service for the Altai Territory and the Altai Republic. Barnaul, 2022. Pp. 164–165.
10. Altai Krai in numbers. 2018–2022: crater. stat. SPb., / Department of the Federal State Statistics Service for the Altai Territory and the Altai Republic. Barnaul, 2023. p. 63.
11. The state and trends of small business development in the Altai Territory (based on general observations 2010, 2015, 2020): analytical note / Department of the Federal State Statistics Service for the Altai Territory and the Altai Republic. Barnaul, 2023. 56 p.

Поступила в редакцию: 10.07.2023.

Принята к печати: 25.07.2023.

УДК 330.101.541:336.22
DOI 10.14258/epb202346

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ БУХГАЛТЕРСКОГО И НАЛОГОВОГО УЧЕТА ФИНАНСОВЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ ТОРГОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

А. Д. Харитонов, М. Е. Василенко

Владивостокский государственный университет (Владивосток, Россия)

Статья посвящена оценке проблем и методики бухгалтерского и налогового учета финансовых результатов. Бухгалтерский и налоговый учет финансовых результатов является важной частью экономической деятельности. Актуальность темы заключается в том, что ввиду постоянных изменений в законодательстве и экономике необходимо пересматривать методики ведения учета финансовых результатов в организации и выявлять текущие проблемы и несоответствия, иначе это может грозить банкротством компании или штрафными санкциями. Информация о финансовых результатах дает общее представление об эффективности работы организации. Чем точнее эта информация (а сегодня это является ценнейшим ресурсом), тем лучше для организации.

Методики ведения бухгалтерского и налогового учета финансовых результатов в организации влияют на точность и достоверность бухгалтерской отчетности, а также формируют налоговую нагрузку, в том числе налог на прибыль. Ошибки в ведении бухгалтерского и налогового учета могут существенно повысить расходы и сумму уплачиваемых налогов, а также могут привести к незапланированной налоговой проверке.

Проведена аналитическая работа в исследуемой организации по поиску факторов, влияющих на достоверный и эффективный учет финансовых результатов, предложены рекомендации по решению проблем.

Ключевые слова: бухгалтерский и налоговый учет, финансовый результат, прибыль, дебиторская задолженность, налог на прибыль, контроль.

ON THE ISSUE OF IMPROVING ACCOUNTING AND TAX ACCOUNTING OF FINANCIAL RESULTS OF TRADE ORGANIZATIONS

A. D. Kharitonova, M. E. Vasilenko

Vladivostok State University (Vladivostok, Russia)

The article is devoted to the assessment of problems and methods of accounting and tax accounting of financial results. Accounting and tax accounting of financial results is an important part of economic activity. The relevance of the topic lies in the fact that due to constant changes in legislation and in the economy, it is necessary to revise the methods of accounting for financial results in the organization and identify current problems and inconsistencies, otherwise it may threaten the bankruptcy of the company or penalties from the tax. Information about financial results gives a general idea of the effectiveness of the organization. The more accurate this information is, and information in modern times is the most valuable resource, the better for the organization.

The methods of accounting and tax accounting of financial results in an organization affect the accuracy and reliability of accounting statements, as well as form the tax burden, including income tax. Errors in accounting and tax accounting can significantly increase expenses and the amount of taxes paid. Also, errors can lead to an unplanned tax audit.

Analytical work has been carried out in the organization under study to find factors affecting reliable and effective accounting of financial results, and their own ways of solving problems have been proposed.

Keywords: accounting and tax accounting, financial result, profit, accounts receivable, income tax, control.

Актуальность исследования заключается в том, что нормативно-правовое обеспечение и методики ведения бухгалтерского и налогового учета в России постоянно претерпевают изменения. Их необходимо постоянно отслеживать во избежание проблем. Самым наилучшим методом корректного отражения финансовой информации и финансового результата, минимизации затрат и повышения доходов, несомненно, является правильное ведение бухгалтерского и налогового учета (согласно законодательству). Но в реальности организации сталкиваются со множеством проблем, в том числе и из-за недостаточной компетентности в ряде управленческих, бухгалтерских и налоговых вопросов.

Цель исследования — выявление проблем и совершенствование методики ведения бухгалтерского и налогового учета финансовых результатов, применяя подбор рекомендаций. Научная новизна состоит в комплексном подходе к изучению особенностей и проблем учета финансовых результатов. Его задачи — выявление факторов, влияющих на бухгалтерский и налоговый учет, определение проблем и подбор рекомендаций по улучшению методик учета финансовых результатов.

В современных реалиях самым ценным ресурсом является информация. Владение данными стало необходимым условием в корректировке работы бухгалтерии, введение бухгалтерского и налогового учета финансовых результатов [1].

Несмотря на все предпосылки создать «новую парадигму» бухгалтерского учета, в целом это лишь разработки, новые подходы, но пока они не оказывают существенного влияния [2]. Следует также учитывать, что большинство так называемых новых методик — аналог маркетинговому ходу: стоит дорого, эффективности мало. Например, пока что малоизученная в сфере работы бухгалтерского учета методика блокчейн. Большинству организаций такой метод обработки и хранения данных попусту не нужен и малоэффективен, так как работает только в крупных корпорациях.

Наиболее частые проблемы возникают именно из-за неграмотной, непродуманной системы управления, контроля и непроработанной учетной политики, а также из-за недостаточного современного технического обеспечения, неквалифицированных кадров и человеческого фактора.

С помощью методов анализа и синтеза, сравнения и группировки данных отчетности и правовых положений по бухгалтерскому и налоговому учету были выявлены следующие сегменты учета, методики которых влияют на итоговый финансовый результат:

- 1) методики учета товарно-материальных ценностей — самое первое, что влияет

на показатель финансового результата, это не что иное, как методики оприходования и хранения товаров и их последующая реализация;

- 2) методика учета доходов и расходов — момент признания доходов и его фактического появления может отличаться [3];
- 3) методика учета дебиторской задолженности — в том числе методика определения степени риска неуплаты долга покупателем, не проводится эффективная оценка надежности новых покупателей.

Проблемы в бухгалтерском учете финансовых результатов. В ходе исследований были выявлены следующие проблемы.

1. Устаревшее программное и техническое обеспечение.

2. Неполнота раскрытия информации о методиках ведения бухгалтерского и налогового учета в учетной политике.

3. Преуменьшение важности ведения бухгалтерского учета (он направлен на налоговую службу, а не на инвестора или покупателя).

4. Недостаточность внутреннего контроля приводит к рискам некорректного отражения информации о финансовых результатах.

В совокупности ошибки в каждом этом сегменте влияют на итоговый финансовый результат.

Для усовершенствования учета доходов и расходов необходимо использовать следующие методики:

1. Метод учета выручки — кассовый или начисления в зависимости от объема продаж (для большинства организаций необходимо использовать только метод начисления).

2. Метод определения налогового обязательства: момент фактической реализации товаров, работ или услуг определяются в соответствии со статьей 167 НК РФ в зависимости от принятой учетной политики. «Если предприятие-налогоплательщик в учетной политике установил дату возникновения налогового обязательства по мере отгрузки и предъявлению покупателю расчетных документов, то датой реализации для целей налогообложения является наиболее ранняя из следующих дат: день отгрузки товара, день оплаты товаров (работ, услуг). Если налогоплательщик в учетной политике предприятия установил, что налоговое обязательство возникает по мере поступления денежных средств, то датой реализации является день оплаты товаров» [4].

3. Метод равномерного распределения дохода при долгосрочных договорах — эффективный способ равномерного распределения выручки, если договор предоставления товаров и услуг действует более одного налогового периода [3].

4. Метод списания товаров для целей налогового учета — при разных способах приемки и списания товаров меняется и прибыль, соответственно, меняется и сумма налога: по себестоимости каждой единицы; средней себестоимости; себестоимости первых по времени приобретения материально-производственных запасов (ФИФО).

Что касается учета товарно-материальных ценностей, необходимо использовать следующие способы учета товаров на складе и в бухгалтерском учете:

- 1) номенклатурный — подходит для организаций с очень небольшим ассортиментом. На каждый отдельный товар заводится отдельная карточка;
- 2) сортовой — товары по видам хранятся по отдельности вне зависимости от даты поступления;
- 3) партионный — каждая партия товара, принадлежащая также к одному виду, хранится отдельно. Это упрощает процесс списания товара (списывается конкретный товар с конкретной партией), учет качества каждой партии и контроль сроков годности (первоочередная реализация товара с более ранней партией).

Многие организации сталкиваются с проблемой пересортиц, недостач, неправильного хранения товаров на складе, отпуска товаров без предоставления доверенностей и первичных документов. Все это сказывается на финансовом результате, повышает расходы. Следовательно, решение должно быть следующим:

- правильно выстроить алгоритм приемки товара, его хранения и порядка реализации: использовать маркировку, указывать информацию о месте хранения для быстрого поиска на складе.
- соблюдать документооборот, правильно оформлять все документы, иначе это грозит санкциями от налоговой.

Необходимо также вводить дисциплинарные взыскания с кладовщиков в случае нарушения правил, а не пускать все на самотек.

Дебиторская задолженность в контексте финансового результата — это доход, который не в наших руках. Такая задолженность возникает не сама собой, она образуется вследствие лояльности продавца к покупателю. Предоставление отсрочки оплаты для покупателя — это всегда так замечательно. За этот период времени покупатель может получить товар от поставщика, продать его, а с вырученных денег расплатиться с поставщиком. Такие договоры называются товарными либо кредитными.

Дебиторская задолженность разделяется на две категории:

- нормальная — это та задолженность, которая в скором времени будет погашена;
- просроченная — задолженность, которую покупатель не погасил вовремя, а значит, она может перейти в разряд прочих расходов по истечении срока исковой давности.

Дебиторская задолженность является негативным моментом, так как влияет на реальный финансовый результат и создает следующие проблемы: при большой доле кредитных (коммерческих) договоров по отношению к реализациям по полной предоплате возникает проблема с налоговым учетом выручки — товар уже отгружен, выручка принята к учету, фактически деньги еще не получены, а налог заплатить надо. Из этой проблемы вытекает следующая — нехватка денег на оплату счетов поставщикам новой партии товаров, приходится брать кредит. Еще одним моментом является то, что просроченная дебиторская задолженность становится безнадежной, то есть превращается в дополнительные расходы организации.

Для решения данных проблем, которые могут сильно затронуть конечный финансовый результат, необходимо выработать методику выбора потенциальных дебиторов и создать резервы под сомнительные долги. Каждый бухгалтер должен понимать, что выручка может никогда не стать реальной, следовательно, нужен резерв.

При создании резерва по сомнительным долгам необходимо создать счет «Расходы по сомнительным долгам». Дебиторская задолженность списывается за счет суммы созданного резерва. Если созданный резерв до конца отчетного периода используется не полностью, то неизрасходованную сумму резерва относят к финансовому результату при составлении бухгалтерского баланса [5].

Методика выбора потенциальных дебиторов основывается на проверке и контроле. Зачастую организации поставщики попадают на удочку мошенникам — компаниям, которые могут существовать только на бумаге, или проблема заключается в том, что организация-покупатель финансово неустойчива и может в любой момент объявить о банкротстве, иными словами, неплатежеспособна.

При добровольном погашении задолженности без конфликта организация-должник решит проблему без лишних издержек, подрыва деловой репутации, ухудшения кредитной истории и занесения в список недобросовестных организаций.

Методика оценки надежности покупателя для торговых организаций может выглядеть следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Методика оценки надежности дебитора

Финансовый анализ	1. Оценка структуры баланса и отчета о финансовых результатах. 2. Оценка объема продаж. 3. Оценка с помощью коэффициентов текущей ликвидности, обеспеченности собственными средствами, платежеспособности
Квалификация потенциального клиента/покупателя	1. Получение первичной информации путем переговоров: может ли организация закрыть потребность покупателя, а покупатель – расплатиться за товары и услуги. 2. Бюджет — достаточно ли денежных средств у покупателя для сделки. 3. Полномочия — является ли покупатель человеком, действительно принимающим решения (или он посредник), поиск зоны ответственности. 4. Сроки — срочность сделки и расчет времени уплаты за товары и услуги. 5. Трудности — особенности работ, соответствие товара определенным стандартам
Организационный анализ	1. Проверка актуальности всех регистрационных документов. 2. Проверка устава организации и текущего директора и срок его полномочий, проверка лица, подписывающего документы, либо запрос дополнительной доверенности. 3. Проверка на наличие судебных разбирательств, налоговых задолженностей, уровень налоговой благонадежности

Примечание. Любое отклонение от данных факторов должно настораживать. Чересчур быстрое подписание договора, устные обсуждения и нестыковки с договорной частью — все это может свидетельствовать о недобросовестном покупателе.

Учитывая взаимосвязь между бухгалтерским и налоговым учетом для целей исчисления налога на прибыль и принимая во внимание российское налоговое законодательство, можно прийти к выводу, что большинство методик бухгалтерского учета финансовых результатов нацелены на то, чтобы минимизировать разрыв с налоговым учетом, тем самым уменьшить уплачиваемый налог на прибыль в течение года.

Учетная политика для целей налогообложения разрабатывается на основе Налогового кодекса РФ, гл. 25 «Налоги на прибыль организации». Налоговый учет определяется ст. 313 НК РФ как «система обобщения информации для определения налоговой базы на основе данных первичных документов, сгруппированных в соответствии с порядком, предусмотренным НК РФ» [6, 7]. Исчисление налоговой базы также зависит от методов оценки материальных запасов; от наличия резервов и способов начисления амортизации по основным средствам и нематериальным активам.

Основной целью любой организации в налоговом учете является:

- 1) снижение налоговой нагрузки — использование наилучших способов для минимизации выплат налоговой службе;
- 2) упрощение алгоритма расчета и уплаты налогов — совершенствование единого налогового счета, изменения в законодательстве, государство должно стимулировать желание платить налоги, а для этого необходима простота и прозрачность системы.

Для оптимизации ведения налогового учета в этом процессе должны участвовать обе сторо-

ны — организация и ФНС. Налоговый учет стал развиваться с 1992 г., когда его начали описывать на законодательном уровне, но до сих пор налоговое-учетная система не имеет четкости и ясности, и находится, как говорится, «в стадии разработки» — эффективность и обоснованность ее можно оценивать с большой долей сомнения. При этом достаточно задаться вопросом — к чему все такие сложности в учете из-за налога на прибыль, если его доля в бюджете (данные на 2022 г.) составляет около 8% по сравнению с 82% НДС.

В исследовании были выявлены следующие проблемы, касающиеся способов ведения налогового учета в организации:

1. Несовпадение времени признания доходов и расходов в бухгалтерском и налоговом учете финансовых результатов — противоречия в учете доходов и расходов в налоговом и бухгалтерском учете вызывают необходимость ведения двойной бухгалтерии, возникает преуменьшение важности ведения бухучета, так как не все расходы признаются в налоговом учете, они должны быть документально обоснованными и соответствовать стандартам. Это приводит к возникновению налоговых разниц и дополнительным временным затратам.

2. Методы начисления амортизации и оценка стоимости основных средств — различные способы оценки в бухгалтерском и налоговом учете приводят к налоговым разницам. Возникновение временных разниц между данными бухгалтерского и налогового учета, которые могут составлять копеечные значения, но при этом требуют безумных трудозатрат, но к тому же нет никаких гарантий, что расчеты будут верны.

3. Методы отслеживания контрагентов — заключение сделок с недобросовестными фирмами приводят к негативным налоговым последствиям, так как все затраты и доходы должны быть документально обоснованы.

Данные проблемы приводят к следующему: увеличение затрат на ведение бухгалтерского и налогового учета по отдельности, ошибки в исчислении налогов и временных разниц, увеличение затрат на дополнительные кадры, проблемы с налоговой. Для многих торговых организаций нанять отдельного специалиста по ведению налогового учета очень затратно, проще распределить обязанности на оставшихся бухгалтеров.

Следовательно, для решения большинства проблем необходимо максимальное сближение налогового и бухгалтерского учета. Налоговый учет должен полностью вытекать из данных бухгалтерского учета, не противореча ему. Для этого необходимо вводить поправки в НК РФ. Следует построить модель сближения основных принципов бухгалтерского и налогового учета, в частности, самое важное, учета доходов и расходов. Основная проблема как раз состоит в порядке отражения доходов и расходов в бухгалтерском и налоговом учете.

Согласно НК РФ, доход от продаж для исчисления суммы налога на прибыль организаций признается в учете в момент передачи прав собственности. Согласно ПБУ «Доходы организации», «доход признается тогда, когда сумма выручки может быть определена, имеется уверенность в получении экономических выгод или отсутствует неопределенность в отношении получения актива, право собственности перешло к покупателю — товар получен». Вырисовывается ситуация, что выручка в бухгалтерском учете признается позже, чем в налоговом, но налог уплатить необходимо, даже если деньги еще не поступили [8].

Данное противоречие необходимо решать и устранять на законодательном уровне. Таким образом, для усовершенствования ведения налогового учета в торговых организациях предлагаются следующие рекомендации:

- грамотное отражение порядка учета доходов в учетной политике — методы отражения дохода, время признания, использование переноса дохода при долгосрочных договорах более одного периода;
- применение всех доступных налоговых льгот, если они имеются — это легальный способ уменьшить сумму налога, но в меру, иначе налоговая заинтересуется;
- создание резервов — снижение дохода для уменьшения налоговой базы способствует увеличению размера расходов: ре-

зервы по сомнительным долгам, резервы по обслуживанию и гарантийному ремонту, резервы на предстоящие расходы по отпускам сотрудникам;

- внешний контроль — проверка контрагентов для исключения проблем с налоговой;
- приоритет продажам по полной предоплате — чтобы не возникало кассовых разрывов и задолженностей по налогам;
- анализ заключаемых договоров продажи — объект налогообложения возникает из проведенных сделок;
- внутренний контроль — оценка внутренних рисков, которые могут спровоцировать налоговую проверку;
- совершенствование ФНС нормативно-правовой базы по налоговому учету и единого налогового счета для всех организаций — как стимул к корректному расчету и уплате налогов.

Федеральная налоговая служба постоянно вносит изменения в налоговый учет. Теперь с 2023 г. необходимо перечислять общую сумму на единый налоговый счет для исполнения совокупной обязанности по уплате налогов, авансовых платежей по налогам, сборов, пеней, штрафов, процентов, которые обязан уплатить налогоплательщик или плательщик сбора, страховых взносов, налоговый агент. Данный способ удобен тем, что счет будет отражать совокупную обязанность налогоплательщика [9].

В современной экономической и налоговой системе стало очень важно **проводить контроль за контрагентами**, чтобы не попасть на мошенников. Были выявлены следующие проблемы:

- контрагент может быть компанией-однодневкой, доход или расход будет документально не обоснован, а это грозит штрафами и пенями, а следовательно, и убытками;
- блокирование расчетного счета — банк может заблокировать счет в случае сомнительных переводов;
- вероятность вообще не получить оплаченный товар, либо получить товар ненадлежащего качества, что приведет к снижению финансового результата.

Методика оценки контрагентов (табл. 2). Для минимизации рисков дана рекомендация воспользоваться как сервисами, предоставляющими комплексную информацию о регистрации, финансовом состоянии организации, так и юридическими платформами, в которых можно отследить судебные разбирательства. В случае неоявления «должной осмотрительности» организация может получить штраф, и очень сложно доказать обратное [10].

Таблица 2

Методика оценки контрагента как элемент внешнего контроля

Первичная проверка данных об организации	<ul style="list-style-type: none"> — проверка данных ЕГРЮЛ; — проверка бухгалтерской отчетности; — наличие информации об участии в госзакупках; — лицензии, разрешения, справки; — наличие информации об судебных исках; — проверка информации о директоре и его полномочиях
Использование специализированных сервисов	<ul style="list-style-type: none"> — информационные ресурсы федеральной налоговой службы на сайте налог.ру «Прозрачный бизнес» — выписки из ЕГРЮЛ, недействительные свидетельства, актуальные ИНН; — облачное решение СБИС; — Casebook — платформа для проверки контрагентов по судебным делам; — Rusprofile.ru и ЗаЧестныйБизнес — общеизвестные сайты, на которых можно просмотреть сводные данные об контрагенте: реквизиты, юридические адреса, ОКВЭД, ИНН, отчетность мониторить изменения в данных и т. д.
Составление рейтинга организаций и постоянный контроль за изменениями	<ul style="list-style-type: none"> — на основании всех полученных данных провести оценку деловой репутации; — при выборе наиболее надежных контрагентов, регулярно отслеживать изменения в их работе

Выводы. Практическая значимость работы состояла в комплексном подходе изучения особенностей и проблем ведения бухгалтерского и налогового учета финансовых результатов.

Сделан вывод, что проблемы возникают из-за недостаточно эффективного управления в организации, системы контроля и проработки учетной политики. Было также доказано, что многие проблемы в учете финансовых результатов складываются из внешних факторов: противоречия в бухгалтерском и налоговом учете доходов и расходов, недоработки в нормативно-правовом регулировании налогового учета, сложность расчета налогов и непрозрачность налоговой системы. Эти пробле-

мы должна решать федеральная налоговая служба и Министерство финансов.

Результатом исследования стал комплекс рекомендаций для решения выявленных проблем в организации:

- методы оптимизации налоговой нагрузки в налоговом учете;
- комплексный подход к повышению эффективности учета финансового результата в бухгалтерском учете на всех этапах начиная с оприходования и заканчивая реализацией;
- методики оценки дебиторов и контрагентов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Забудьков В. А., Безрукова Т. Л. Цифровая экономика и ее роль в управлении социально-экономическими отношениями // Студенческий научный форум-2018, Москва, 15–20 февраля 2018 года. М., 2018.
2. Одинцова Т. М. Развитие объектов и методов бухгалтерского учета в условиях цифровой экономики и информационного общества // Вестник ИПБ (Вестник профессиональных бухгалтеров). 2019. № 4. С. 15–24.
3. Налоговый кодекс Российской Федерации от 05.08.2000 № 117-ФЗ. (ред. от 28.04.2023) Статья 271. Порядок признания доходов при методе начисления // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/a71c27c043a9c3c61a550ae0baa29c34c800f1e2/ (дата обращения: 23.05.2023).
4. Налоговый кодекс Российской Федерации от 05.08.2000 № 117-ФЗ. (ред. от 28.04.2023) Статья 167. Момент определения налоговой базы // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/8f57241b961793c02e449c613bc67a83e6c778db/ (дата обращения: 23.05.2023).
5. Ушакова А. В. Перспективные формы организации учета дебиторской задолженности в бухгалтерском учете // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 9. № 5–1. С. 405–417.
6. Налоговый кодекс Российской Федерации от 05.08.2000 № 117-ФЗ. (ред. от 28.04.2023) Глава 25. Налог на прибыль организаций // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/043b3ec883ce309e856dd0c833f5b8b817c276e9/ (дата обращения: 23.05.2023).

7. Налоговый кодекс Российской Федерации от 05.08.2000 № 117-ФЗ. (ред. от 28.04.2023) Статья 313. Налоговый учет. Общие положения // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/699f67b4cbf0a39b0ec297c3f5ac5babd409564a/ (дата обращения: 23.05.2023).

8. Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Доходы организации» ПБУ 9/99: Приказ Минфина России от 06.05.1999 № 32н (ред. от 27.11.2020) // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6208/ (дата обращения: 23.05.2023).

9. О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации от 14.07.2022 № 263-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421873/ (дата обращения: 23.05.2023).

10. Об организации и осуществлении экономическим субъектом внутреннего контроля совершаемых фактов хозяйственной жизни, ведения бухгалтерского учета и составления бухгалтерской (финансовой) отчетности // Минфин России. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/accounting/accounting/info/generalization/?id_38=20706-pz_-112013_ob_organizatsii_osushchestvlenii_ekonomicheskimi_subektami_vnutrennego_kontrolya_oversh-aemykh_faktov_khozyaistvennoi (дата обращения 21.05.2023).

REFERENCES

1. Zabudkov V. A., Bezrukova T. L. Digital economy and its role in the management of socio-economic relations. Student Scientific Forum-2018, Moscow, February 15–20, 2018. Moscow, 2018.

2. Odintsova T. M. Development of objects and methods of accounting in the digital economy and information society. Bulletin of the IPB (Bulletin of Professional Accountants). 2019. No. 4. Pp. 15–24.

3. Tax Code of the Russian Federation No. 117-FZ dated 05.08.2000. (ed. from 04/28/2023) Article 271. The procedure for recognizing income under the accrual method. SPS «Consultant Plus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/a71c27c043a9c3c61a550ae0baa29c34c800f1e2/ (date of access: 23.05.2023).

4. Tax Code of the Russian Federation No. 117-FZ dated 05.08.2000. (ed. from 04/28/2023) Article 167. The moment of determining the tax base. SPS «Consultant Plus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/8f57241b961793c02e449c613bc67a83e6c778db/ (date of access: 23.05.2023).

5. Ushakova A. V. Perspective forms of organization of accounts receivable accounting in accounting. Economy: yesterday, today, tomorrow. 2019. Vol. 9, No. 5–1. Pp. 405–417.

6. Tax Code of the Russian Federation No. 117 — FZ dated 05.08.2000. (ed. from 04/28/2023) Chapter 25. Corporate income tax. SPS «Consultant Plus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/043b3ec883ce309e856dd0c833f5b8b817c276e9/ (date of access: 23.05.2023).

7. Tax Code of the Russian Federation No. 117-FZ dated 05.08.2000. (ed. from 04/28/2023) Article 313. Tax accounting. General provisions. SPS «Consultant Plus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/699f67b4cbf0a39b0ec297c3f5ac5babd409564a/ (date of access: 23.05.2023).

8. On approval of the Regulations on accounting «Income of the organization» PBU 9/99: Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated 06.05.1999 No. 32н (ed. dated 27.11.2020). SPS «Consultant Plus». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6208/ (date of access: 23.05.2023).

9. On amendments to Parts one and two of the Tax Code of the Russian Federation of 14.07.2022 No. 263-FZ. SPS «Consultant Plus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421873/ (date of access: 23.05.2023).

10. On the organization and implementation by an economic entity of internal control of the facts of economic life committed, accounting and preparation of accounting (financial) statements. Ministry of Finance of the Russian Federation. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/accounting/accounting/info/generalization/?id_38=20706-pz_-112013_ob_organizatsii_osushchestvlenii_ekonomicheskimi_subektami_vnutrennego_kontrolya_oversh-aemykh_faktov_khozyaistvennoi (date of access: 23.05.2023).

Поступила в редакцию: 21.06.2023.

Принята к печати: 17.07.2023.

УДК 314.7:331 (571.150)
DOI 10.14258/epb202347

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ДИНАМИКУ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Н. А. Шевчук

Алтайский государственный аграрный университет (Барнаул, Россия)

Нехватка трудовых ресурсов для Алтайского края является серьезной проблемой, негативно сказывающейся на экономическом развитии региона. Миграционные процессы — один из факторов, оказывающих влияние на состояние трудовых ресурсов и выступающих в качестве показателя социально-экономического развития региона. Для принимающих регионов миграция населения становится рычагом экономического роста. При этом отток квалифицированных кадров с территории регионов-доноров сродни сокращению инвестиций в их экономику. В ходе исследования было установлено, что за указанный период число прибывающих в край мигрантов сократилось на 8,3%, при этом миграционный отток сократился на 56,4%. Прибывающие внутренние мигранты распределяются примерно в одинаковых долях между городским и сельским населением, а большая их часть покидает сельскую местность. Более 90% прибывающих в край международных мигрантов — граждане СНГ. В большей степени регион покидают лица активного трудового и репродуктивного возраста (30–39 лет). На каждого уехавшего из региона мужчину приходилось три уехавшие женщины. Проведенное исследование позволяет расставить приоритеты в формировании и реализации миграционной политики региона. На первый план выдвигается деятельность, направленная на наращивание его экономического потенциала. Особое внимание также следует уделять вопросам расширения и совершенствования инфраструктуры в широком смысле этого слова, проведению систематического мониторинга миграционных процессов, развитию региональных систем высшего и среднего специального образования, вопросам иммиграции из-за рубежа квалифицированных специалистов-иностранцев, а также соотечественников, желающих вернуться на родину.

Ключевые слова: миграционные процессы, миграционный прирост, численность населения, внутренняя миграция, внешняя миграция, миграционные предпочтения, трудовые ресурсы.

THE INFLUENCE OF THE MIGRATION PROCESSES ON THE POPULATION DYNAMIC OF ALTAY REGION

N. A. Shevchuk

Altai State Agricultural University (Barnaul, Russia)

The lack of human resources is a serious problem for Altay region that negatively affecting the economic development of the region. The migration processes are one of the factors that exert influence on the condition of the human resources and act as an indicator of the social and economic development of the region. The migration of the population becomes a leverage of the economic growth in the host regions. At the same time the outflow of qualified staff personnel from the territory of the donor regions is akin to a reduction in investment in their economy.

The study found that during the specified period, the number of migrants arriving in the region decreased by 8.3%, while the migration outflow decreased by 56.4%.

Arriving internal migrants is distributed in approximately equal proportions between the urban and rural populations, and most of them leave the countryside.

More than 90% of international migrants arriving in the region are CIS citizens.

To a greater extent, people of active working and reproductive age (30–39 years) leave the region. For every man who left the region, there were 3 women who left.

The conducted research allows us to prioritize the formation and implementation of the migration policy of the region. The activities aimed at increasing its economic potential are coming to the fore. Special attention should also be paid to the expansion and improvement of infrastructure in the broad sense of the word, conducting

systematic monitoring of migration processes, development of regional systems of higher and secondary special education, immigration from abroad of qualified foreign specialists, as well as compatriots wishing to return to their homeland.

Keywords: migration processes, migration growth, population size, internal migration, external migration, migration preferences, human resources.

Алтайский край является одним из регионов РФ, испытывающим нехватку трудовых ресурсов. Это серьезная проблема, так как к трудовым ресурсам относится трудоспособная часть населения, обладающая достаточными физическими и интеллектуальными (умственными) способностями к трудовой деятельности, способная производить материальные блага или оказывать услуги [1]. Качество жизни, национальное богатство и экономический потенциал определяются, главным образом, состоянием трудовых ресурсов. Их нехватка негативно сказывается на экономическом развитии региона.

На формирование и состояние данного ресурса оказывают влияние различные факторы. Среди них, в качестве факторов первого порядка, следует указать естественные демографические процессы (рождаемость и смертность) и миграционные процессы, протекающие на территории региона.

Целью данного исследования стало изучение влияния именно миграционных процессов на динамику населения Алтайского края.

Мы согласны с высказыванием М. Карцевой и ее соавторов, определяющих миграцию как инструмент, «с помощью которого домохозяйства противостоят таким негативным социальным явлениям, как безработица и бедность» [2, 3]. Ее следует рассматривать в качестве показателя социально-экономического благополучия региона. «Пространственная мобильность населения — один из основных способов его адаптации к условиям территориальных социально-экономических контрастов», утверждают А. Старикова и Т. Нефедова [4].

Миграция населения — процесс неоднозначный. С одной стороны, ее можно рассматривать как способ реализации трудового потенциала человека вне основного места его проживания. В этом случае для принимающих регионов миграция населения становится рычагом экономического роста. Территориальная мобильность населения способствует сближению, интеграции экономик регионов страны и выравниванию региональных уровней жизни. Происходит усиление социально-экономических связей регионов посредством создания единого рынка труда, межрегионального перераспределения знаний, навыков, умений, распространения новых технологий, перераспределения доходов и пр.

Британским психологом Р. Линном отмечается тесная связь между интеллектом коренного населения и притоком людей из других территорий на примере Франции и Англии [5, 6]. Сделанные им выводы свидетельствуют о положительном влиянии трудовых мигрантов на интеллектуальное и экономическое развитие принимающих территорий. Подтверждением данной теории является опыт Германии, которая на протяжении многих лет стимулировала приток научной миграции, обеспечившей ей, при прочих равных условиях, инновационное развитие и позволившей стать одной из передовых стран Европы и мира. Схожую селективную миграционную политику реализуют Канада, США, ряд европейских стран.

Другая сторона данного процесса имеет неприглядный вид. Территория, покидаемая мигрантами, подвергается процессам деградации, закреплению неравенства. Утрата населения трудоспособного возраста, молодежи, а именно они составляют основную часть миграционных потоков, приводит к сокращению регионального валового продукта, к увеличению демографической нагрузки на остающееся работающее население и к ухудшению репродуктивного потенциала регионов-доноров. Нередко территории, подвергаемые массовому оттоку населения, становятся безлюдными и выпадают из освоенного социально-экономического пространства [7, 8]. Отток квалифицированных кадров с территории регионов-доноров сродни сокращению инвестиций в их экономику. Утрачивая высококвалифицированные трудовые ресурсы, регионы теряют капитал, потраченный на их создание (средства, вложенные в стимулирование рождаемости, сохранение и улучшение здоровья, образование и пр.) [9]. А если учесть, что интеллектуальная миграция, как правило, носит безвозвратный характер, следует понимать, что она способна нанести серьезный урон региону-донору. Такое явление получило название «утечка умов» [10].

Движущей силой миграционных процессов является, на наш взгляд, миграционное настроение человека, складывающееся относительно социального объекта, под которым подразумевается, в первую очередь, место жительства и условия проживания конкретного субъекта. Считаем важным остановиться на объективных и субъективных

ных факторах, оказывающих влияние на миграционные настроения.

К объективным факторам в большинстве случаев относят следующие: социально-экономические (инфраструктура, доступность жилья, показатели уровня жизни населения); природные (вероятность природных катаклизмов, климат, экологическое состояние региона); политические (дискриминация и вооруженные конфликты) и социально-демографические (перенаселение региона и региональный рынок труда) [11, 12].

Субъективные факторы, зависящие от различных потребностей отдельных людей, формируют миграционные установки и намерения, которые обусловлены степенью удовлетворенности индивида местом его жительства. Миграционные установки и намерения складываются под воздействием социального окружения индивида (семья, друзья, однокурсники, коллеги и пр.). Кроме этого, к субъективным факторам, влияющим на миграционные настроения, относятся: личная оценка условий и уровня жизни; мотивация; миграционный опыт; опыт работы в конкретном регионе. Субъективные факторы лишены экономической природы. Но чаще всего многие из них сдерживают миграцию: привязанность к месту жительства; социально-психологические установки; социальные связи в пределах мест проживания; страх потерять с переездом больше, чем приобрести.

Согласно исследованиям К. Ю. Исмагиловой, предрасположенность мигрантов к тем или иным ценностям зависит от степени их социальной успешности. Значимость таких ценностей, как доброта, самостоятельность, универсализм, отмечали более успешные мигранты. Менее же успешные из них в большей степени склонялись к таким ценностям, как социальный статус, безопасность, благосостояние [13, 14].

Сложившиеся миграционные настроения не всегда приводят к конкретным действиям. Чаще всего реализуют миграционные настроения лица менее религиозные, ставящие во главу угла материальные приоритеты и семейные ценности.

Основными видами миграции, на наш взгляд, является трудовая и студенческая. Индивидуумы, мигрирующие по этим двум причинам, отличаются рациональностью, адаптивностью, мотивационной напряженностью, гибкостью в конструировании стратегий карьеры.

Трудовые мигранты руководствуются, в первую очередь, следующими причинами: высокий уровень безработицы в регионе; невозможность самореализации в профессии; зарплатный «потолок»; материальные проблемы семьи и невозможность их решения по месту проживания; неудовлетворенность социально-экономическим положением в регионе проживания (проблемы в здравоохранении и образовании, отсутствие инфраструктуры, коррупция и т. п.) [15].

В качестве факторов студенческой миграции следует отметить: неудовлетворенность материальными условиями своей жизни; притязания потенциального мигранта; доступность качественного образования и потребность в нем; возможность получения перспективной работы после окончания вуза. Наименее значимыми для молодежи являются факторы социально-политического характера.

Особый интерес при рассмотрении региональных миграционных процессов вызывают их динамика, основные направления движения, складывающиеся структурные пропорции.

В таблице 1 представлена динамика численности мигрирующего населения Алтайского края за пять последних лет.

Таблица 2

Динамика численности мигрирующего населения Алтайского края за период 2017–2021 гг., чел. [16]

Годы	Всего прибывших	В том числе		Всего выбывших	В том числе		Всего миграционный прирост (отток)	В том числе	
		в пределах РФ	из других стран		в пределах РФ	в другие страны		в пределах РФ	из других стран
2017	72885	62669	10216	80944	71968	8976	(8059)	(9299)	1240
2018	79408	68128	11280	86819	75874	9945	(7411)	(7746)	1335
2019	79649	67059	12590	83800	73774	10026	(4151)	(6715)	2564
2020	65449	56702	8747	67865	60359	7506	(2416)	(3657)	1241
2021	66800	58481	8319	70313	65887	4426	(3513)	(7406)	3893
%	91,7	93,3	81,4	86,9	91,6	49,3	43,6	79,6	314,0

На территорию Алтайского края за отчетный период в целом прибыло 364191 человек, из которых 86% внутренние мигранты и всего лишь 14% —

внешние. Отток населения за исследуемый период составил 389741 человек, что на 25550 превышает численность прибывшего населения. В другие стра-

ны мигрировали 40879 человек, а численность мигрантов в другие регионы России составила 347862 человека.

Рассматривая численность прибывающих мигрантов по годам, следует отметить ее положительную динамику до 2019 г. и существенное сокращение в 2020 г., что объясняется сложностями, связанными с последствиями распространения COVID-19. В целом же за рассматриваемый период число прибывающих в край мигрантов сократилось на 8,3%. Максимальному сокращению подверглось число прибывающих иностранных мигрантов (18,6%). Количество выбывающих мигрантов своего пика достигло в 2018 г. В целом же, за период миграционный отток в крае сократился на 56,4%. При этом в другие регионы страны он уменьшился на 20,4%. По иностранным мигрантам на протяжении всего рассматриваемого периода наблюдается положительный прирост, который за период увеличился более чем в три раза. Следует также отметить

важную положительную тенденцию, свидетельствующую о том, что темпы роста прибывающих мигрантов выше на 5% темпов роста выбывающих.

Проведенные исследования свидетельствуют о том, что в настоящее время в Алтайском крае преобладает межрегиональная трудовая миграция населения, которая проявляется в оттоке рабочей силы на постоянной или временной основе. Край при этом выступает в качестве региона-донора.

Для экономики края очень важно, на каких территориях размещаются приезжающие в край мигранты, а также какие территории чаще всего они покидают. В силу того, что Алтайский край является аграрным регионом, для него особо остро стоит проблема обеспечения трудовыми ресурсами сельской местности. На рисунке 1 представлена динамика состава внутренних мигрантов, интегрирующихся в состав городского и сельского населения края, а также состав, покидающих сельские и городские территории.

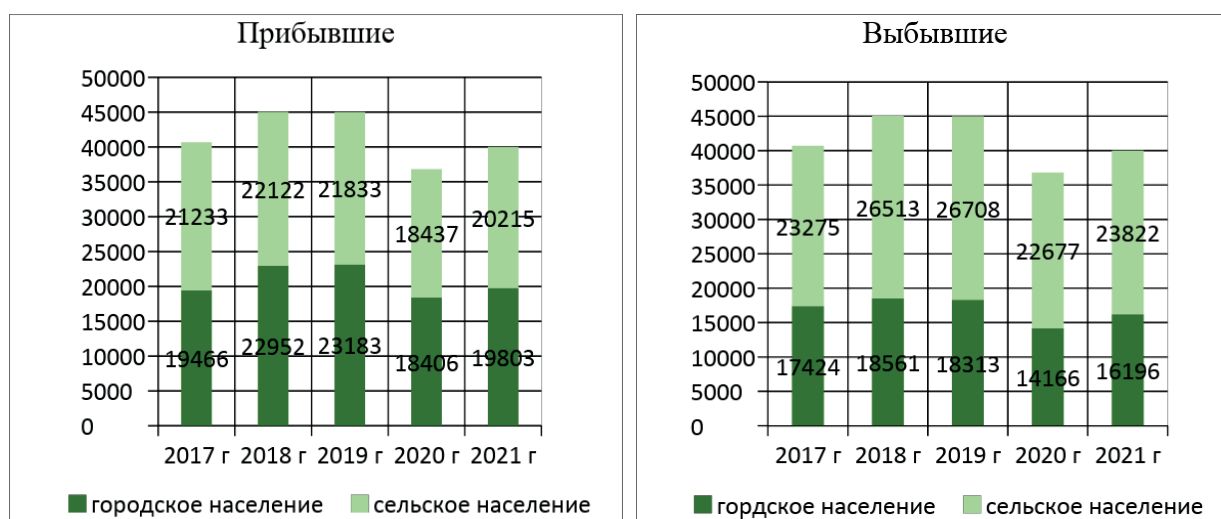

Рис. 1. Динамика показателей внутренней миграции Алтайского края за 2017–2021 гг., чел. [17]

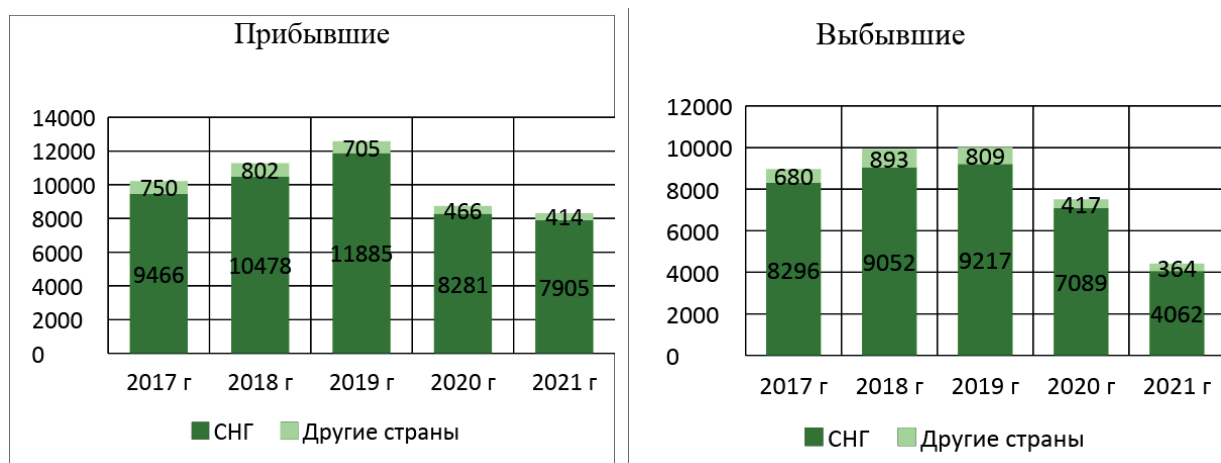

Рис. 2. Динамика показателей международной миграции Алтайского края за 2017–2021 гг., чел.

Данные рисунка 1 свидетельствуют о том, что прибывающие внутренние мигранты распределяются примерно в одинаковых долях между городским и сельским населением края на протяжении всего анализируемого периода. Совершенно иная ситуация складывается с выбывающими мигрантами. Большая их часть покидает сельскую местность. Особенно ярко эта тенденция проявилась в 2020 г. Из 36843 человек, переехавших в другие регионы РФ, 61,6% составляло сельское население и только 38,4% — городское. Причина, на наш взгляд, кроется в низком уровне жизни сельского населения края.

Международные миграционные процессы также находят свое отражение в динамике населения Алтайского края. На рисунке 2 представлена динамика состава внешних мигрантов.

Согласно данным рисунка 2, преобладающим направлением осуществления международных миграционных процессов Алтайского края являются страны СНГ. Более 90% прибывающих в край международных мигрантов являются гражданами этих стран. За анализируемый период их доля в общей структуре прибывающих внешних мигрантов выросла на 2,5%. Россия, в том числе и Алтайский край, на протяжении многих лет принима-

ли и принимают чаще всего жителей Казахстана, Узбекистана и Таджикистана. За рассматриваемый период из этих стран в край въехало 40111 мигрантов, в то время как из других стран содружества — только 7904. Покидающие край мигранты также в большей степени направляются в эти три страны. Из общего количества покинувших край за пять последних лет в Казахстан, Узбекистан и Таджикистан отправились 30620 человек, в то время как во все прочие страны ближнего зарубежья — всего 7096. На наш взгляд, международные миграционные процессы между Россией и указанными странами — это пример так называемой трудовой миграции.

Доля мигрантов, въезжающих на территорию края из стран дальнего зарубежья, незначительна. В среднем за анализируемый период она составляет 6,1% от общего числа международных мигрантов. Аналогичная ситуация складывается и с выезжающими за пределы края в страны дальнего зарубежья. На их долю за последние пять лет приходится 7,7% от общего числа международных мигрантов.

Чтобы оценить качественный состав миграционного ресурса Алтайского края, обратимся к данным таблицы 2.

Таблица 2

Динамика показателей возрастного состава миграционного оттока населения Алтайского края за 2019–2021 гг. [16]

Показатели	2019 г.		2020 г.		2021 г.		Темп роста 2021 г. к 2019 г., %
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	
Миграционный отток всего, чел.	-4151	100	-2416	100	-3513	100	84,63
в том числе в возрасте, лет: 0–5	-215	5,2	-113	4,7	-183	5,2	85,12
6–13	-464	11,2	-119	4,9	-439	12,5	94,61
14	-100	2,4	11	0,5	-24	0,7	24,00
15	-14	0,3	-46	1,9	-36	1,0	257,14
16	-37	0,9	-42	1,7	-42	1,2	113,51
17	41	1,0	-9	0,4	-42	1,2	-102,44
18–19	-419	10,1	-281	11,6	-703	20,0	167,78
20–24	311	7,5	616	25,5	-72	1,4	-23,15
25–29	-892	21,5	-263	10,9	-348	9,9	39,01
30–39	-1341	32,3	-937	38,8	-827	23,5	61,67
40–49	-525	12,6	-486	20,1	-349	9,9	66,48
50–54	-114	2,7	-179	7,4	-38	1,1	33,33
55–59	-13	0,3	-62	2,6	33	0,9	-253,85
60–64	-95	2,3	-152	6,3	-46	1,3	48,42
65 и более	-274	6,6	-354	14,7	-397	11,3	144,89

Оценивая данные таблицы 2, можно утверждать, что совокупным миграционным результатом является отток населения с территории

Алтайского края. При более детальном рассмотрении данного показателя в разрезе возрастных групп установлено, что в большей степени регион

покидают лица активного трудового и репродуктивного возраста. Максимальный процент приходится на группу 30–39 лет. Их вклад в миграционный результат в среднем за три последних года составляет 31,5%. Второе место занимают лица в возрасте 25–29 лет со вкладом в миграционный результат в среднем 15,4%. На третьем месте — лица в возрасте 40–49 лет со средним вкладом 14,2%. Данная категория мигрантов покидает край в поисках лучших условий жизни, перспектив реализации своих целей, так как обладает максимальным трудовым потенциалом, в сравнении с другими возрастными группами. Закономерным является тот факт, что с собой они увозят и детей, в первую очередь, в возрасте 6–13 лет. На их долю в миграционном результате приходится в среднем 9,5%.

Для экономики края потеря указанных групп граждан является серьезной проблемой. Но ради справедливости следует отметить, что по всем этим группам к концу рассматриваемого периода наблюдается сокращение. Под вопросом остается группа мигрантов в возрасте 18–19 лет. В рейтинге миграционного результата эта группа занимает пятое ме-

сто. Представители данной группы покидают край с целью учебы в других регионах и странах, и вопрос о том, вернутся ли они назад или нет, остается открытым.

Единственной возрастной группой, по которой наблюдается положительный миграционный результат, является группа лиц 20–24 года. Причиной возврата их в Алтайский край, на наш взгляд, послужила пандемия COVID-19. И вернулись они назад, будучи студентами, для прохождения учебы дистанционно. Правоту этого утверждения подтверждает переход показателей данной группы в отрицательную величину в 2021 г., после отмены локдаунов и дистанционного обучения.

Оценивая гендерный состав покидающих край мигрантов, обратимся к данным рисунка 3.

На протяжении трех последних лет край в большей степени покидали женщины. На каждого уехавшего из региона мужчину в 2021 г. приходились три уехавшие женщины. В целом динамика такова: наблюдается значительное сокращение уезжающих из региона мужчин (– 48,7%), на фоне растущего числа женщин (+ 9%), покидающих регион.

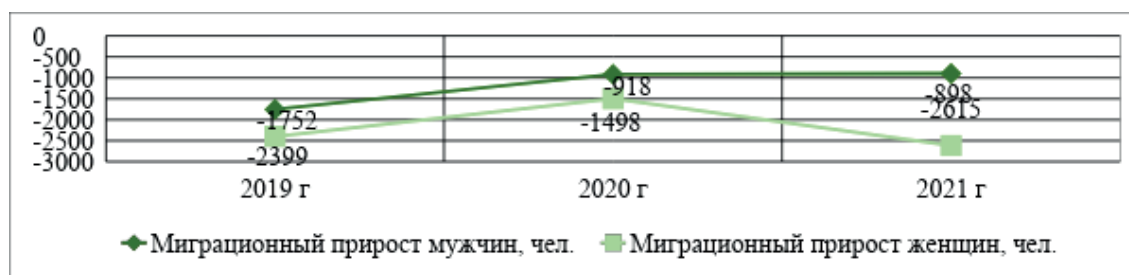

Рис. 3. Динамика миграционного оттока по гендерному составу в Алтайском крае в период с 2019–2021 гг., чел.

Проведенное исследование наглядно свидетельствует о том, что сокращение общей численности населения Алтайского края происходит, в том числе, и под непосредственным влиянием миграционных процессов. Создаваемый трудовой ресурс край теряет в конкурентной борьбе за его дальнейшее использование. В результате все больше усугубляется его отставание в социально-экономической сфере от других регионов России.

В ходе решения существующей проблемы, связанной с нехваткой трудовых ресурсов, наблюдается следующая закономерность. Имеющийся их дефицит ликвидируется за счет привлечения трудовых мигрантов с низким уровнем квалификации, в первую очередь, из стран ближнего зарубежья. Это становится возможным благодаря отработанному миграционному механизму этой категории работников. При этом проблема привлечения высококвалифицированных трудовых ресурсов сто-

ит гораздо острее. В России в целом и в Алтайском крае в частности не отработан механизм привлечения этой категории специалистов. А ведь именно они наиболее востребованы в регионе.

Проведенное исследование позволяет расставить приоритеты в формировании и реализации миграционной политики региона. На первый план выдвигается деятельность, направленная на наращивание его экономического потенциала, что позволит сделать край привлекательным для трудовых мигрантов. Развитие основных производственных отраслей, поддержка градообразующих предприятий позволит обеспечить прирост валового регионального продукта, а также занятость местного населения. Одной из важнейших задач должно стать наращивание собственного финансового потенциала региона, в том числе в результате его участия в реализуемых государством программах.

Помимо развития экономики региона важно особое внимание уделять вопросам расширения и совершенствования инфраструктуры в широком смысле этого слова. В первую очередь, речь идет о социальной инфраструктуре (больницы, школы и пр.). С одной стороны, это повысит привлекательность региона для мигрантов всех категорий, а с другой — позволит создать рабочие места для квалифицированных мигрантов. Во-вторых, необходимо развивать транспортную инфраструктуру. Территория края достаточно обширна. Она составляет 169100 км², превосходя по площади такие европейские государства, например, как Греция (131940 км²), Болгария (110910 км²), Исландия (103000 км²). При этом транспортная инфраструктура выступает важным фактором, обеспечивающим связность территории края внутри и с другими регионами. Совершенствование транспортной инфраструктуры позволит повысить мобильность трудового населения и будет способствовать его перераспределению по территории края с целью обеспечения кадрами нужной квалификации регионального рынка труда. Одновременно с этим повысится доступность социальной инфраструктуры.

Для повышения эффективности миграционной политики необходимо проведение систематического мониторинга миграционных процессов в крае, с последующим аналитическим исследованием полученных данных и выявлением складывающихся закономерностей. Важно детально исследовать причины внутренней и внешней миграции, выявлять миграционные предпочтения наиболее востребованных в регионе групп мигрантов. Это позволит предпринять соответствующие меры и создать на территории края демографический баланс с оптимальным сочетанием качественных и количественных характеристик населения. Во всем мире изучению миграционных закономерностей уделяют огромное внимание. Например, английский статистик и географ Э. Г. Равенштейн в конце XIX в. в своей работе «The laws of migration» установил, что миграции в большей степени совершаются на короткие расстояния. При этом для мигрантов наиболее привлекательными являются крупные территориальные центры, а большие города растут не в результате естественного прироста, а из-за миграции. Им же было установлено, что к определяющим причинам миграции относятся экономические факторы (развитие промышленности, торговли и транспорта), увеличивающие масштабы миграции.

Особое внимание властям следует обратить на развитие региональных систем высшего и среднего специального образования. Повышение востребованности вузов, средних специальных учебных заведений гарантированно обеспечит приток в край молодежи. На данный момент только два вуза края попали в топ-100 лучших университетов России. К их числу относятся АлтГУ и АлтГТУ им. И. И. Ползунова [18]. Но, учитывая послевузовскую мобильность выпускников, необходимо особое внимание уделять изучению их миграционных предпочтений и намерений. Учебным заведениям следует вести активную, целенаправленную работу по трудоустройству выпускников, дальнейшему сотрудничеству с ними и с работодателями, преследуя цель выявления запросов рынка к качественным характеристикам своих выпускников.

Считаем важным уделять особое внимание вопросам иммиграции из-за рубежа квалифицированных специалистов-иностранцев, а также соотечественников, желающих вернуться на родину. В настоящее время эти категории граждан сталкиваются с большими юридическими сложностями при переезде. Как уже отмечалось, гораздо меньшие проблемы испытывают низкоквалифицированные трудовые мигранты из ближнего зарубежья. Государству необходимо серьезно подойти к решению данной проблемы. Стоит, на наш взгляд, воспользоваться опытом Германии, которая с марта 2023 г. запустила проект под названием «Chancenkarte», что в переводе означает «карта возможностей». Он направлен на привлечение граждан из-за пределов ЕС, имеющих аттестат зрелости, а также профессиональное или высшее образование. Его цель — реализация стратегии иммиграции квалифицированной рабочей силы в Германию из третьих стран посредством установления низкопороговых и прозрачных иммиграционных требований и предложений по их интеграции и закреплению в стране. Это новая балльная система учитывает различные факторы, связанные с иммиграцией квалифицированных рабочих. Помимо прочего в оценку включаются профессиональная квалификация, знание немецкого языка и профессиональный опыт. Кроме того, играют роль такие факторы, как возраст, наличие жилья и востребованность определенных профессий на рынке труда Германии [19].

Реализация всех перечисленных мер требует совместных усилий региональных и федеральных властей в рамках имеющихся полномочий. Сформулированная программа требует грамотного, последовательного менеджмента по ее реализации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Роль трудовых ресурсов. URL: <https://studfile.net/preview/382481/page:2/> (дата обращения: 15.04.2023).
2. Кареев Д. В., Берендеева А. Б. Миграция населения в регионах России как объект экономического, статистического и социологического анализа // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Экономика. 2022. № 2 (52). С. 19–32.
3. Карцева М. А., Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. Миграция в России и социально-экономическое развитие регионов: анализ взаимного влияния // Проблемы прогнозирования. 2020. № 4. С. 87–97.
4. Нефедова Т. Г., Старикова А. В. Миграции населения как способ адаптации к поляризации пространства в центре России // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 24–38.
5. Lynn R. The social ecology of intelligence in the British Isles // British Journal of Social and Clinical Psychology. 1979. No. 18. Pp. 1–12.
6. Тухтарова Е. Х. Влияние трудовой миграции на человеческий капитал и ВРП регионов России // Народонаселение. 2022. Т. 25. № 4. С. 163–177. DOI 10.19181/population. 2022.25.4.14.
7. Родионова Л. В., Троцковский А. Я. Миграция населения как механизм формирования интегрированного социально-экономического пространства // Экономика Профессия Бизнес. 2022. № 3. С. 107–114. DOI 10.14258/epb202244.
8. Bretell C., Hollifield J. Migration theory, talking across disciplines // New York — London, 2014. 356 p.
9. Карова Е. А. Миграция человеческого капитала // Вестник Евразийской науки. 2020. Т. 12, № 1. URL: <https://esj. today/PDF/75ECVN120.pdf> (дата обращения: 06.03.2022).
10. Шлепаков А. Н., Смирнова Л. А. США: «похищение умов» в прошлом и настоящем. М., 1983. 182 с.
11. Хлыстов Е. А., Тураева И. Л. Миграционные настроения студенческой молодежи (на примере регионов Сибири и Дальнего Востока) // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 9 (101). С. 40–45. DOI 10.24158/spp. 2022.9.6.
12. Шевчук Н. А., Кудинова М. Г. Оценка уровня жизни населения Алтайского края на основе анализа реальной потребительской корзины и источников ее формирования // Экономика Профессия Бизнес. 2022. № 2. С. 131–141. DOI 10.14258/epb202231.
13. Ефременкова М. Н. Карьерные ценности как социально-психологические детерминанты принятия решения о трудовой миграции // Человеческий капитал. 2023. № 1 (169). С. 137–143. DOI 10.25629/НС. 2023.01.15.
14. Williams A. M., Jephcote C., Janta H. The migration intentions of young adults in Europe: A comparative, multilevel analysis // Population, Space and Place. 2018, vol. 24, no. 1. Pp. 1–16. DOI: 10.1002/psp. 21238
15. Кудинова М. Г., Шевчук Н. А., Родионова Н. П. и др. Совершенствование качественных характеристик трудового потенциала работников агропромышленного комплекса региона (на материалах Алтайского края) // Экономические науки. 2022. № 206. С. 107–117. DOI 10.14451/1.206.107.
16. Статистический ежегодник. Алтайский край. 2017–2021: стат. Сборник / Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. Барнаул, 2022. С. 27–28.
17. Шевчук Н. А., Кудинова М. Г. Выявление структурной динамики населения Алтайского края под влиянием естественных и миграционных факторов // Экономика Профессия Бизнес. 2023. № 1. С. 122–132. DOI 10.14258/epb202314.
18. Chancenkarte points system of Germany [Guide Merch 2023] URL: <https://en.life-in-germany.de/chancenkarte-points-system-of-germany/> (дата обращения: 20.04.2023).
19. Два вуза Алтайского края попали в топ-100 лучших университетов России. URL: <https://altapress.ru/obrazovanie/story/dva-vuza-altayskogo-kraja-popali-v-top-luchshih-universitetov-rossii-324188> (дата обращения: 20.04.2023).

REFERENCES

1. The role of workforce. URL: <https://studfile.net/preview/382481/page:2/> (date of access: 15.04.2023).
2. Kareev D. V., Berendeeva A. B. Migration of the population in the regions of Russia as an object of economic, statistical and sociological analysis. Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Economics. — 2022. — No. 2 (52). — Pp. 19–32.
3. Kartseva M. A., Mkrтчyan N. V., Florinskaya Yu. F. Migration in Russia and socio-economic development of regions: analysis of mutual influence. Forecasting problems. 2020. No. 4. Pp. 87–97.

4. Nefedova T. G., Starikova A. V. Population migration as a way of adaptation to the polarization of space in the center of Russia. *Sociological research*. 2020. No. 10. Pp. 24–38.
5. Lynn R. The social ecology of intelligence in the British Isles. *British Journal of Social and Clinical Psychology*. 1979. No. 18. Pp. 1–12.
6. Tukhtarova E. H. The impact of labor migration on human capital and GRP of the regions of Russia. *Population*. 2022. Vol. 25, No. 4. Pp. 163–177. DOI 10.19181/population.2022.25.4.14.
7. Rodionova L. V., Trotskovsky A. Ya. Population migration as a mechanism for the formation of an integrated socio-economic space. *Economics Profession Business*. 2022. No. 3. Pp. 107–114. DOI 10.14258/epb202244.
8. Bretell C., Hollified J. *Migration theory, talking across disciplines*. New York — London, 2014. 356 p.
9. Karova E. A. Migration of human capital. *Bulletin of Eurasian Science*. — 2020. Vol. 12, No. 1. URL: <https://esj.today/PDF/75ECVN120.pdf> (date of access: 06.03.2022).
10. Shlepakov A. N., Smirnova L. A. *USA: «the abduction of minds» in the past and present*. Moscow, 1983. 182 p.
11. Khlystov E. A., Turaeva I. L. Migration moods of student youth (on the example of the regions of Siberia and the Far East). *Society: sociology, psychology, pedagogy*. 2022. №9 (101). Pp. 40–45. DOI 10.24158/spp.2022.9.6.
12. Shevchuk N. A., Kudinova M. G. Assessment of the standard of living of the population of the Altai Territory based on the analysis of the real consumer basket and the sources of its formation. *Economics Profession Business*. 2022. No. 2. Pp. 131–141. DOI 10.14258/epb202231.
13. Efremenkova M. N. Career values as socio-psychological determinants of decision-making on labor migration. *Human capital*. 2023. No. 1 (169). Pp. 137–143. DOI 10.25629/HC.2023.01.15.
14. Williams A. M., Jephcote C., Janta H. The migration intentions of young adults in Europe: A comparative, multilevel analysis. *Population, Space and Place*. 2018. Vol. 24. No. 1. Pp. 1–16. DOI: 10.1002/psp.21238.
15. Kudinova M. G., Shevchuk N. A., Rodinova N. P. et al. Improving the qualitative characteristics of the labor potential of employees of the agro-industrial complex of the region (based on the materials of the Altai Territory). *Economic sciences*. — 2022. — No. 206. — Pp. 107–117. — DOI 10.14451/1.206.107.
16. *Statistical Yearbook. Altai Territory. 2017–2021: Stat. collection / Department of the Federal State Statistics Service for the Altai Territory and the Altai Republic*. Barnaul, 2022. Pp. 27–28.
17. Shevchuk N. A., Kudinova M. G. Identification of the structural dynamics of the population of the Altai Territory under the influence of natural and migration factors. *Economics Profession Business*. 2023. No. 1. Pp. 122–132. DOI 10.14258/epb202314.
18. *Chancenkarte points system of Germany [Guide Merch 2023]*. URL: <https://en.life-in-germany.de/chancenkarte-points-system-of-germany/> (date of access: 20.04.2023).
19. Two universities of the Altai Territory were in the top 100 best universities in Russia. URL: <https://altapress.ru/obrazovanie/story/dva-vuza-altayskogo-kraya-popali-v-top-luchshih-universitetov-rossii-324188> (date of access: 20.04.2023).

Поступила в редакцию: 18.05.2023.

Принята к печати: 20.07.2023.

НАШИ АВТОРЫ

OUR AUTHORS

1. Ахундова Айтакин Гасан кызы, доктор философии по экономике, преподаватель кафедры мировой экономики Бакинского государственного университета (Баку, Азербайджан), e-mail: axundova48@hotmail.com.

2. Абрамов Николай Максимович, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, организации бизнеса и инноваций Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия); доцент кафедры цифровых финансов Алтайского государственного технического университета имени И. И. Ползунова (Барнаул, Россия), e-mail: anma_12@mail.ru. ORCID ID: 0000-0002-8656-985X.

3. Бабкина Людмила Николаевна, доктор экономических наук, профессор кафедры истории и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации имени Главного маршала авиации А. А. Новикова (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: lnbabkina_6@mail.ru.

4. Балакина Галина Федоровна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов СО Сибирского отделения Российской Академии наук (Кызыл, Россия), e-mail: balakina.gal@yandex.ru. ORCID ID: 0000-0003-2387-7190.

5. Башмакова Наталья Юрьевна, специалист по учебно-методической работе кафедры цифровых финансов Алтайского государственного технического университета имени И. И. Ползунова (Барнаул, Россия), e-mail: rnu.29@yandex.ru.

6. Беляев Виктор Иванович, доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента, организации бизнеса и инноваций Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: belyaevvi@mail.ru. ORCID ID: 0000-0002-7341-1252.

7. Василенко Марина Евгеньевна, доцент кафедры экономики и управления Владивостокского государственного университета (Владивосток, Россия), e-mail: marinabuh61@mail.ru.

8. Гвоздева Елена Александровна, старший преподаватель кафедры экономики и эконометрики Алтайского государственного университета, e-mail: gvozdeva19@mail.ru.

9. Ильиных Юлия Михайловна, кандидат экономических наук, доцент кафедры цифровых финансов Алтайского государственного технического университета имени И. И. Ползунова (Барнаул, Россия); доцент кафедры экономики и финансов Алтайского филиала Финансового университета при Правительстве РФ (Барнаул, Россия), e-mail: yulia-iln@mail.ru. ORCID ID: 0000-0003-2534-948X.

10. Козлова Жанна Михайловна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и производственного менеджмента Алтайского государственного технического университета имени И. И. Ползунова (Барнаул, Россия); доцент кафедры экономики и менеджмента Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, Алтайский институт экономики (Барнаул, Россия), e-mail: gannakozlova@mail.ru.

11. Кылгыдай Ай-кыс Чамдаловна, научный сотрудник Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской Академии наук (Кызыл, Россия), e-mail: aikys_k@mail.ru. ORCID ID: 0000-0003-4608-7968.

12. Лю Дзяньлу, магистрант Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: a411761279@gmail.com

13. Мищенко Виталий Викторович, доктор экономических наук, заведующий кафедрой региональной экономики и управления Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: m.vitaly53@mail.ru. ORCID ID: 0000-0002-1449-3702.

14. Новичкова Инна Алексеевна, кандидат юридических наук, заведующая кафедрой социально-экономических и гуманитарных дисциплин Московского государственного университета спорта и туризма (Москва, Россия), e-mail: ikulakova@yandex.ru. ORCID ID: 0009-0001-6681-2066

15. Обиремко Сергей Иванович, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и эконометрики Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: obiremko@inbox.ru.

16. Перекаренко Юлия Александровна, научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской Академии наук (Новосибирск, Россия), e-mail: perekarenkova@mail.ru. ORCID ID: 0000-0002-9572-3716.

---

17. Платов Алексей Владимирович, кандидат технических наук, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Московского государственного университета спорта и туризма (Москва, Россия), e-mail: aplatov@yandex.ru. ORCID ID: 0000-0002-8039-9992.

18. Пономарева Надежда Васильевна, кандидат экономических наук, заместитель директора Высшей школы экономики и бизнеса Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова (Москва, Россия), e-mail: Ponomareva.NV@rea.ru.

19. Селина Виктория Кирилловна, магистрант Вятского государственного университета (Киров, Россия), e-mail: stud160888@vyatsu.ru.

20. Поподько Галина Ивановна, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской Академии наук (Новосибирск, Россия), email: pgi90@bk.ru. ORCID ID: 0000-0003-0529-7010.

21. Поползин Данил Юрьевич, аспирант Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: popolzin_danil@mail.ru. ORCID ID: 0000-0002-5034-2354.

22. Родионова Людмила Васильевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской Академии наук (Новосибирск, Россия), e-mail: lvrieie@mail.ru. ORCID ID: 0000-0003-2343-2466.

23. Рудакова Оксана Юрьевна, кандидат экономических наук, заведующая кафедрой менеджмента, оценки бизнеса и инноваций Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: rudoksana@yandex.ru. ORCID ID: 0000-0001-9714-2483.

24. Рудакова Татьяна Алексеевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической безопасности, учета, анализа и аудита Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия); доцент кафедры цифровых финансов Алтайского государственного технического университета имени И. И. Ползунова (Барнаул, Россия), e-mail: aleks_rudakova@mail.ru. ORCID ID: 0000-0002-8735-7058.

25. Сенникова Ирина Леонидовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Вятского государственного университета (Киров, Россия), e-mail: balezina_kirov@mail.ru. ORCID ID: 0000-0001-6005-3946.

26. Скотаренко Оксана Вячеславовна, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления Мурманского арктического государственного университета (Мурманск, Россия); преподаватель кафедры военно-политической работы в войсках (силах) Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулева (Мурманск, Россия), e-mail: ksen-13@mail.ru. ORCID ID: 0000-0002-5255-5564.

27. Сурай Наталья Михайловна, кандидат технических наук, доцент базовой кафедры торговой политики Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (Москва, Россия), e-mail: natalya.mixajlovna.1979@mail.ru. ORCID ID: 0000-0001-6219-4363.

28. Таточенко Ирина Михайловна, кандидат технических наук, доцент кафедры экономики Института государственного администрирования (Москва, Россия), e-mail: a.fem@yandex.ru.

29. Трофимова Наталья Владимировна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Научного центра социально-экономического анализа Института стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан (Уфа, Россия), e-mail: trofimovanv@isi-rb.ru. ORCID ID: 0000-0002-9162-9757.

30. Троцкий Александр Яковлевич, доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской Академии наук (Новосибирск, Россия), e-mail: altailab@mail.ru. ORCID ID: 0000-0002-3233-8570.

31. Харитоновна Александра Дмитриевна, магистрант Владивостокского государственного университета (Владивосток, Россия), e-mail: haritonova.a.99@mail.ru.

32. Хореева Наталия Константиновна, кандидат технических наук, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Московского государственного университета спорта и туризма (Москва, Россия), e-mail: horeeva@mail.ru. ORCID: 0000-0002-2317-624X.

33. Царева Светлана Викторовна, кандидат экономических наук, декан факультета подготовки кадров высшей квалификации Мурманского технического государственного университета (Мурманск, Россия), e-mail: sarevaSV@mstu.edu.ru. ORCID ID: 0000-0002-9415-9615.

34. Шевчук Наталья Александровна, кандидат экономических наук, доцент Алтайского государственного аграрного университета (Барнаул, Россия), e-mail: basurman80@mail.ru. ORCID ID: 0000-0001-8985-3445.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ В НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «ЭКОНОМИКА ПРОФЕССИЯ БИЗНЕС»

ARTICLE SUBMISSION GUIDELINES FOR “ECONOMICS PROFESSION BUSINESS”

1. Статья представляется в электронном варианте по адресу: erb@asu.ru:

- Название файла по фамилии автора или первого из авторов.
- Используется одна из последних версий текстового редактора WORD.
- Объем публикации не должен превышать 0,5 п. л. (20 000 знаков с пробелами или примерно 11 страниц, включая список литературы, сведения об авторах и иллюстрации); для кандидатов и докторов наук объем публикаций не должен превышать 1,0 п. л. (40 000 знаков с пробелами или примерно 22 страницы), минимальный объем статьи составляет 0,35 п. л. (14 500 знаков с пробелами или примерно 8 страниц). Таблица или рисунок формата А4 составляет 5 400 знаков с пробелами.
- Публикации принимаются на русском и английском языках.
- Рукопись должна быть подписана всеми авторами на последней странице.

2. Статьи, поступающие в редколлегию, **проверяются с использованием системы «Антиплагиат»**; авторам рекомендуется перед отправкой проверять свои статьи на степень оригинальности текста.

3. К статье прилагаются:

- рекомендация кафедры (научного семинара кафедры) отсканированная в цвете;
- письмо-согласие с заверенной подписью (подписями) автора (авторов) статьи, отсканированные в цвете.
- для аспирантов обязательным документом является отправка об обучении в аспирантуре.

4. Структура статьи:

- индекс УДК, который проставляется в левом верхнем углу первой страницы рукописи;
  - инициалы и фамилия автора, место работы автора (с указанием города и страны) на русском языке (например, И. И. Иванов, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия));
  - название статьи, аннотация на русском языке (объем аннотации от 1000 до 1600 знаков без пробелов, слово «Аннотация» не используется), ключевые слова к публикации на русском языке (от 5 до 10 слов);
  - инициалы и фамилия автора, место работы автора (с указанием города и страны) на английском языке (например, I. I. Ivanov, Altai State University (Barnaul, Russia));
  - название статьи, аннотация на английском языке (объем аннотации от 1000 до 1600 знаков без пробелов, слово «Abstract» не используется), ключевые слова к публикации на английском языке (Keywords, от 5 до 10 слов);
  - собственно текст статьи;
  - библиографический список;
  - таблицы с заголовками;
  - рисунки с подписями;
  - сведения об авторах (фамилия, имя, отчество, ученая степень и звание, должность, место работы, телефон для связи), адрес с указанием почтового индекса, электронный адрес (e-mail) и ORCIDID (при наличии).
-

5. Для основных текстов на английском языке сначала указываются инициалы и фамилия автора, название статьи, аннотация, ключевые слова к публикации на английском языке, затем все то же самое на русском языке.

6. По содержанию в тексте должны присутствовать:

- вводная часть (введение), содержащая обзор современных публикаций по данной тематике, в том числе зарубежных авторов, и четко формулирующая актуальность и цель работы;
- описание методов и методик проводимого исследования;
- полученные результаты и их обсуждение;
- заключительная часть (заключение) с выводами по работе.

7. Требования к тексту, представленному в WORD:

- формат А4 (21x30 см);
- используемые версии текстового редактора — MSWord 2003 и выше (таблицы и рисунки — MSWord, MSExcel, CorelDraw 12, 13);
- интервал между строками — 1,5;
- шрифт — гарнитура Times New Roman;
- размер шрифта — 14 кегль;
- все поля по 2 см;
- текст неформатированный;
- текст должен быть разбит на абзацы, абзацный отступ 1,25 см;
- без переносов;
- возможно выделение текста шрифтами (жирный, курсив);
- возможно употребление спецсимволов (% и др.).

8. Библиографический список кириллицей оформляется следующим образом (ГОСТ Р 7.0.5–2008):

а) статьи в периодических изданиях:

Ермолина Л. Т. Откуда у парня афганская грусть? // Алтайская правда. 2001. №2. С. 2–5.

б) монографии, учебники и учебные пособия:

Антонян Ю. М. Преступность в федеральных округах России: монография. М.: Статут, 2012. С. 117;

в) сборники статей и труды конференций:

Кубишин Е. С. Гендерные проблемы занятости и рынка труда Москвы // Гуманитарные, экономические и правовые проблемы современного общества: сб. науч. трудов / под общ. ред. В. Хозова. М., 2014. С. 72–87;

г) электронные источники:

Гужвенко Ю. Н. В Алтайском крае активно действует казахская диаспора. URL: <http://www.ferghana.ru/article.php?id=5196/> (дата обращения: 05.10.2018).

Гиперссылку необходимо всегда заканчивать знаком «/».

д) ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

е) если для цитируемого источника существует DOI (Digital Object Identifier), его следует указывать в конце источника после точки в следующем виде: DOI: префикс/суффикс (например: DOI: 10.14258/izvasu (2014) 1.1–01).

Ссылки на цитируемую литературу даются в тексте цифрами в квадратных скобках, здесь же указываются цитируемые страницы: [1, с. 15; 2, с. 45]. Сам список литературы под заголовком «Библиографический список» приводится после основного текста в порядке цитирования (один пункт списка — одно наименование). Один и тот же источник в библиографическом списке указывается один раз, в тексте статьи при повторной ссылке указывается в квадратных скобках номер, который использовался первый раз.

Раздел «References» оформляется на английском языке, при оформлении учитывается порядок библиографического списка на русском языке.

9. Требования к рисункам (схемам, графикам, диаграммам) и таблицам:

- рисунки должны иметь подписи;
- таблицы должны иметь заголовки;
- сокращения должны быть объяснены;

- сканированные изображения не принимаются;
- размер шрифта в рисунках и таблицах — не менее 10 кегля;
- не допускается использование заливки, цвет контуров — черный.

10. Библиографический список должен содержать, как правило, не менее 10 источников, содержащих ссылки как на отечественные, так и на зарубежные монографии и статьи в ведущих научных журналах.

11. Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку (в том числе изменять заголовки и сокращать тексты) без согласования с авторами и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной экспертной оценки. При соответствующей доработке статья может быть опубликована. Отклоненные редколлегией журнала статьи авторам не возвращаются.

Контакты

Публикацию, оформленную по всем правилам, необходимо выслать на адрес редакционной коллегии: erpb@asu.ru

Адрес редколлегии:

656049, г. Барнаул, пр. Социалистический, д. 68, к. 113

ЭКОНОМИКА ПРОФЕССИЯ БИЗНЕС

2023. № 3

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Регистрационный номер ПИ № ФС77-77154 от 10 декабря 2019

Литературный редактор *С. И. Тесленко*
Подготовка оригинал-макета *О. В. Майер*

Подписано в печать 29.08.2023.
Дата выхода в свет 06.09.2023.

Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 17,2. Тираж 500 экз. Заказ 565. Цена свободная.

Издатель: Алтайский государственный университет
Адрес издателя: 656049 Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66

Типография Алтайского государственного университета
Адрес типографии: 656049 Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр. Социалистический, д. 68, ауд. 113
